ЭРНЕСТ УОЛЛИС БАДЖ

ЕГИПЕТСКАЯ МАГИЯ

ЭРНЕСТ УОЛЛИС БАДЖ

ЕГИПЕТСКАЯ МАГИЯ

Сэру Дж. Норману Локьеру, кавалеру ордена Бани, члену Королевского общества, и прочая, и прочая, — в знак уважения к великому астроному и истинного расположения к другу.

Об этой книге

«Египетская магия» — книга Эрнеста Уоллиса Баджа, хранителя египетских и ассирийских древностей Британского музея, вторая в его серии очерков о Египте и Халдее. Она рассказывает, как египтяне тысячелетиями пользовались магией в повседневной жизни и в заботе об умерших.

Бадж начинает с того, насколько древни магические обряды в Египте, затем по порядку разбирает их орудия: амулеты и магические камни, восковые и деревянные фигурки, магические изображения и заклинания, тайные имена богов и демонов, обряды вроде Отверзания уст. Последняя глава — об одержимости и изгнании духов, о снах и призраках, о счастливых и несчастливых днях, гороскопах, превращениях и почитании животных.

Рассказ построен на самих египетских текстах — папирусах, стелах, главах «Книги мертвых»; иллюстрации взяты из папирусов Ани, Небсени и Хунефера и с памятников Британского музея.

Содержание

	Предисловие	6
I	Древность магических обрядов в Египте	12
II	Магические камни, или амулеты	29
III	Магические фигурки	61
IV	Магические изображения и формулы, заклинания и прочее	91
V	Магические имена	129
VI	Магические обряды	149
VII	Одержимость демонами, сны, призраки, счастливые и несчастливые дни, гороскопы, предсказания, превращения и почитание животных	166

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Изучение дошедших до нас остатков туземной религиозной литературы древнего Египта показало, что вера в магию, то есть в то, что магические имена, заклинания, чары, формулы, рисунки, фигурки и амулеты, а также обряды, совершаемые с произнесением слов силы, способны производить сверхъестественные действия, составляла большую и важную часть египетской религии. И несомненно, что, вопреки непрерывным успехам египтян на пути цивилизации и тому высокому умственному развитию, которого они в конце концов достигли, эта вера владела их умами и от древнейшей до позднейшей поры их истории определяла их взгляды на дела земные и на дела духовные так, что на нынешней ступени мировой истории понять это очень трудно. Скрупулезная тщательность, с которой они совершали свои бесчисленные религиозные обряды и исполняли установленные ими же правила почитания божественной Силы или сил, и их приверженность религиозной магии стяжали им у народов, с которыми они соприкасались, славу людей одновременно самых благочестивых и самых преданных обрядам на свете. Показать, что эта слава была в целом вполне заслуженной, и составляет цель этой небольшой книги.

Египетская магия восходит ко времени, когда додинастические и доисторические обитатели Египта верили, что земля, и преисподняя, и воздух, и небо населены бесчисленными существами, видимыми и невидимыми, которые считались

дружественными или враждебными человеку смотря по тому, благоприятны или неблагоприятны были для него те действия природы, которыми эти существа, как полагали, управляли. По природе своей и свойствам они, в представлении первобытного человека, были очень сходны с ним самим и обладали всеми человеческими страстями, чувствами, слабостями и пороками; и главной целью магии было дать человеку превосходство над такими существами. Благосклонность существ, умолимых и дружественных человеку, можно было снискать дарами и приношениями, но прекращения враждебных действий со стороны неумолимых и недружественных удавалось добиться лишь задабриванием, уговорами и лестью или же с помощью амулета, тайного имени, магической формулы, фигурки или рисунка, которые призывали на помощь владевшему ими смертному силу существа более могучего, чем враг, грозивший причинить ему зло. Магия большинства древних народов стремилась к тому, чтобы передать силу от сверхъестественного существа человеку, благодаря чему тот мог бы достигать сверхчеловеческих результатов и на время становиться столь же могучим, как изначальный обладатель этой силы; целью же египетской магии было наделить человека средствами принуждать и дружественные, и враждебные силы — более того, в позднейшее время даже Самого Бога — делать то, чего он желал, хотят они того или нет. Вера в магию — если брать это слово в лучшем его смысле — в Египте старше веры в Бога, и несомненно, что очень многие египетские религиозные обряды, совершавшиеся в позднейшие времена как неотъемлемая часть высокодуховного богопочитания, берут начало в древнейших обычаях, восходящих к той поре, когда Бог ни под каким именем и ни в каком образе еще не был помыслен египтянами. Более того,

вероятно, даже употребление знака, изображающего топор и служащего иероглифом и для «Бога», и для «бога», указывает на то, что это оружие и орудие применялось при совершении какого-то обряда религиозной магии в доисторические или, во всяком случае, в додинастические времена, когда оно неким таинственным образом знаменовало присутствие верховной Силы. Но как бы то ни было, совершенно несомненно, что магия и религия развивались и процветали в Египте бок о бок во все периоды его истории и что всякое исследование одной из них непременно включает в себя рассмотрение другой.

Из религиозных книг древнего Египта мы узнаем, что сила, которой обладал жрец или иной человек, сведущий в знании и в делании магии, считалась почти безграничной. Произнося определенные слова или имена силы надлежащим образом и надлежащим тоном голоса, он мог исцелять больных, изгонять злых духов, причинявших боль и страдания недужным, возвращать мертвых к жизни и наделять умершего силой претворять тленное тело в нетленное, в котором душа могла бы жить во веки веков. Его слова позволяли людям принимать по своей воле различные обличья и переселять свои души в животных и иных тварей; и, повинуясь его повелениям, неодушевленные фигурки и изображения становились живыми существами и вещами, которые спешили исполнить его приказания. Силы природы признавали его могущество, и ветер и дождь, буря и ненастье, река и море, болезнь и смерть несли зло и гибель его недругам, а также врагам тех, кто был снабжен знанием слов, исторгнутых им у богов неба, земли и преисподней. Неодушевленная природа также повиновалась таким словам силы, и даже самый мир возник оттого, что Тот произнес слово; с их помощью можно было расколоть землю, воды, изменив своей

природе, могли встать грудой, и даже бег солнца по небу можно было остановить словом. Ни бог, ни дух, ни бес, ни демон не могли устоять перед словами силы, и египтяне призывали их на помощь как в самых малых, так и в самых великих событиях своей жизни. Тому, кто был сведущ в премудрости, заключенной в книгах «двойного дома жизни», будущее было известно так же хорошо, как прошлое, и ни время, ни расстояние не могли поставить предел действию его силы; тайны жизни и смерти были открыты перед ним, и он мог приподнять завесу, скрывавшую тайны рока и судьбы от знания простых смертных.

Если же такие взгляды на силу мага разделяли образованные люди древнего Египта, то мало удивительного в том, что простейшие народные верования пышно разрастались среди крестьян и рабочего люда этой страны, которые не умели понять символику сложных обрядов, совершавшихся в храмах, и не могли различить духовные понятия, лежавшие в их основе. Чтобы удовлетворить религиозные нужды таких людей, маг, а в позднейшие времена жрец, находил необходимым устраивать зрелища и обряды, обращенные главным образом к чувствам; и, следуя их примеру, люди неразборчивые в средствах, но ловкие пользовались доверчивостью толпы, выдавали себя за знатоков сверхъестественного и притязали на власть над богами, духами и демонами. Такое ложное знание и такую силу они продавали за деньги, и ради наживы так называемый маг был готов содействовать любой низкой сделке или злому замыслу, какие только желал осуществить обманутый им человек. Эта магия выродилась в колдовство, демонологию и ведовство, и тех, кто ею занимался, почитали пособниками дьявола, слугами сил тьмы и мастерами «черного искусства». В «белой» и «черной» магии египтян можно найти большую часть магии, известной в других

странах мира; пока невозможно сказать точно, насколько сильно повлияли они на верования и религиозные системы других народов, но не подлежит сомнению, что некоторые взгляды и религиозные представления многих языческих и христианских сект восходят прямо к ним. В подтверждение этого можно было бы привести много любопытных доказательств, но пределы этой книги не позволяют изложить их здесь.

Когда мы думаем о возвышенном духовном характере большей части египетской религии и вспоминаем ее глубокую древность, трудно понять, почему египтяне даже в пору наивысшего своего умственного просвещения бережно сохраняли в своих писаниях и обрядах так много простодушных древних верований, которые должны были быть порождением их додинастических или доисторических предков. Но факт остается фактом: они действительно верили в Единого Бога, всемогущего, вечного и невидимого, который сотворил небеса, и землю, и все существа и вещи, что в них; и в воскресение тела в измененном и прославленном образе, которому предстояло жить во веки веков в обществе духов и душ праведных, в царстве, где правит существо божественного происхождения, которое, однако, жило на земле, претерпело жестокую смерть от рук своих врагов, восстало из мертвых и стало Богом и царем мира, что за гробом; и все же, хотя они верили во все это и исповедовали свою веру с почти страстной горячностью, они, по-видимому, так и не освободились от тяги к амулетам и талисманам, к магическим именам и словам силы и, кажется, полагались на них в спасении своих душ и тел, живых и мертвых, почти с той же уверенностью, какую возлагали на смерть и воскресение Осириса. Удивительно то, что они, по-видимому, не видят ничего несообразного в подобной смеси магии и религии, и общее отношение египтянина к этому вопросу

хорошо показывают следующие факты. При служении Ра, богу Солнца, в Фивах состояли многочисленные коллегии жрецов, обязанности которых заключались столько же в переписывании религиозных книг и в поддержании живыми «божественных преданий», сколько в служении богу в положенные сроки. Члены этих коллегий, писавшие списки «Книги мертвых», которые клали в гробницы царей, цариц и особ царского или высокого звания, во всеуслышание и без малейших колебаний провозглашали силу и всемогущество Всемогущего Бога, видимым символом которого для человечества было Солнце, и его владычество над небесным и земным; и мы вправе ожидать, что они верили в то, что провозглашали, то есть что Бог достаточно могуществен, чтобы охранить свой символ на небе. Однако фиванские жрецы переписывали сочинения, которые содержали тексты, назначенные для чтения в определенные часы дня и ночи, и предписывали совершение магических обрядов, открыто объявленной целью которых было не дать мифическому чудовищу Апопу одолеть бога Солнца. И совершенно серьезно утверждается, что если кусок папируса, на котором нарисовано изображение этого чудовища, и восковую его фигурку сжечь на огне из травы определенного рода и, пока они горят, прочесть над ними предписанные слова, то бог Солнца будет избавлен от Апопа и ни дождь, ни тучи, ни туман не смогут помешать его свету падать на землю. Более того, рубрика описывает совершение этого обряда как дело похвальное!

Э. А. Уоллис Бадж

Лондон, 28 августа 1899 года

ГЛАВА I

ДРЕВНОСТЬ МАГИЧЕСКИХ ОБРЯДОВ В ЕГИПТЕ

✦

В первом томе этой серии была сделана попытка изложить перед читателем представления и верования древних египтян о Боге, о «богах», о Суде, о Воскресении и о Бессмертии — словом, в кратком очерке обрисовать многое из того, что было прекрасного, благородного и возвышенного в их религии. Сведения для этого изложения были целиком почерпнуты из туземных религиозных сочинений, позднейшему из которых несколько тысяч лет, а о древнейшем можно сказать, что его древность составляет от шести до семи тысяч лет; приведенные в подтверждение сделанных выводов выдержки должны были дать читателю возможность самому судить об общей верности заключений, изложенных там. Многие писатели о египетской религии несколько закрывали глаза на то, что у нее было две стороны: одной стороной она во многих отношениях близко напоминает нынешнюю христианскую религию, другой — религию многих сект, процветавших в первые три или четыре века нашей эры и, можно сказать, державшихся верований отчасти христианских, отчасти нехристианских. В своем нехристианском облике она представляет собой собрание понятий и верований, восходящих к древнейшей, первобытной поре жизни и в известной мере

сохранявших власть над умами египтян еще долго после того, как те поднялись на высокую ступень цивилизации. Какими бы ни казались нам такие представления и верования, нет ни малейших оснований сомневаться в том, что для тех, кто их держался, они были вещами вполне действительными; и они, несомненно, вошли в религию народа Египта, где выросли и расцвели и были — по крайней мере многие из них — восприняты египтянами, обращенными в христианство, то есть коптами. Упоминания о них встречаются в лучших классических сочинениях древних египтян, и более чем вероятно, что отсюда они проникли в литературы других великих народов древности, а через греков, римлян, арабов и других — в страны Европы. На следующих страницах будет сделана попытка дать в руки читателю свидетельства о магической стороне египетской религии, которые были бы неуместны в прежней книге, ставившей своей целью описать верования более духовного свойства. Но, как и в книге «Египетские представления о загробной жизни», приводимые здесь факты взяты из папирусов и других туземных документов, а выдержки цитируются из сочинений, которыми египтяне действительно пользовались, чтобы производить магические действия.

«Магия» египтян была двоякой: 1) та, которую применяли для законных целей и с мыслью принести пользу живым или мертвым, и 2) та, к которой прибегали ради осуществления злых умыслов и козней и которая должна была навлечь беды на тех, против кого была направлена. В религиозных текстах и сочинениях мы видим, как магию делают служанкой религии и как в иных местах она выступает бок о бок с самыми возвышенными духовными понятиями; и не может быть сомнения, что главной целью магических книг и обрядов было

приносить пользу тем, кто тем или иным путем приобрел достаточно знания, чтобы ими пользоваться. Но египтянам не посчастливилось: многие чужеземцы, попадавшие в их страну, не понимали их, и в результате среди окрестных народов распространялись ложные и преувеличенные представления об их религии, а магические обряды, совершавшиеся на их похоронах, невежды изображали то как нелепые проявления суеверия, то как проделки «черного» искусства. Но если магия всякого другого народа древнего Востока была направлена всецело против сил тьмы и придумана для того, чтобы расстраивать их лютые замыслы, призывая на помощь класс благодетельных существ, то египтяне стремились к тому, чтобы повелевать своими богами, заставляя их работать на себя, и принуждать их являться по своему желанию. Этих великих результатов надлежало достигать употреблением определенных слов, которые, чтобы возыметь действие, должны были произноситься надлежащим тоном голоса человеком, должным образом к тому подготовленным; такие слова можно было написать на каком-нибудь материале — на папирусе, драгоценных камнях и тому подобном — и носить на себе, и тогда их действие могло передаваться на любое расстояние. Так как почти каждый мужчина, женщина и ребенок в Египте, кому это было по средствам, носил какой-нибудь подобный оберег или талисман, неудивительно, что египтян уже в очень раннюю пору считали народом магов и чародеев. Еврейские, греческие и римские писатели упоминали о них как о знатоках тайных наук и обладателях сил, которые смотря по обстоятельствам могли быть употреблены человеку как на добро, так и во зло.

От евреев мы получаем — правда, попутно — немало сведений о силе египетского мага. Святой Стефан с гордостью говорит, что

великий законодатель Моисей «научен был всей мудрости Египетской», и заявляет, что он «был силен в словах и делах»[1]; и в жизни этого замечательного человека есть множество черт, показывающих, что он был знаком со многими приемами египетской магии. Выражение «силен в словах» означает, вероятно, что он, подобно богине Исиде, был «могуч языком», произносил известные ему слова силы с правильным выговором, не запинался в речи и был совершенен и в отдании повеления, и в произнесении слова. Превращение змеи в то, что с виду есть неодушевленная деревянная палка[2], и обратное превращение палки в извивающуюся змею[3] — это искусства, которые на Востоке показывали с древнейших времен; а умение подчинять себе и направлять движения этих ядовитых гадов было одним из тех дел, которыми египтянин больше всего гордился и в которых был всего искуснее уже во времена, когда строились пирамиды. Но это отнюдь не единственное доказательство, которое Моисей дает своей сведущести в магии египтян, ибо, подобно мудрецу Аба-анеру, и царю Нектанебу, и всем прочим магам Египта с незапамятных времен, он и Аарон обладали чудесным жезлом[4], с помощью которого творили свои чудеса. По слову Моисея Аарон поднял свой жезл и ударил по водам, и они превратились в кровь; он простер его над водами, и явилось несметное множество жаб; когда жезлом ударили по праху, прах сделался мошками; и так далее. Моисей бросил пепел «к небу», и сделалось воспаление с нарывами на людях и на скоте; он простер свой жезл, и был «град и огонь между градом, град весьма сильный», и «побит был лен и ячмень»; он простер свой жезл, и пришла саранча, а за нею тьма. Все это Моисей совершил, и смерть первенцев египетских навел, по повелению своего Бога и посредством слов, которые Бог велел ему произнести. Но хотя еврейский писатель и сообщает нам, что

египетские маги не могли повторить всех чудес Моисея, совершенно несомненно, что каждый египетский маг верил, что может творить дела столь же дивные, просто произнеся имя одного из своих богов или посредством слов силы, которые он научился читать; и известно немало случаев, когда египетские маги совершенно уничтожали своих врагов чтением нескольких слов, обладавших магической силой, и совершением какого-нибудь, по-видимому, простого обряда[5]. Но между магией Моисея и магией египтян, среди которых он жил, следует провести одно важное различие: первая творилась по повелению Бога евреев, вторая же — богами Египта по повелению человека.

[1] Деян. 7:22.

[2] Исх. 7:10 и далее. Двоих противников Моисея звали «Ианний» и «Иамврий» (см. 2 Тим. 3:8).

[3] Что жезл, или змей, Моисея должен был поглотить жезлы, или змеев, египтян, — это, разумеется, вполне ожидаемо, так же как и то, что его магическая сила объявляется превосходящей силу египтян.

[4] Любопытная статья об употреблении жезла у египтян и евреев была опубликована Шаба в «Анналах музея Гиме», т. I, с. 35–48, Париж, 1880.

[5] Подробнее см. главу III («Магические фигурки»).

Далее в истории сношений Моисея с египтянами мы находим рассказ о том, как «простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону». Когда египтяне вошли между двумя стенами воды, Моисей по повелению Бога простер руку свою на море, «и к утру вода возвратилась в свое место», и «вода возвратилась и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за

ними в море»[6]. Но власть над водами моря или реки притязал иметь египетский маг задолго до Моисея, как мы можем видеть из любопытного рассказа, сохранившегося в папирусе Весткар[7]. Этот документ написан в начале XVIII династии, около 1550 г. до н. э., но ясно, что рассказы в нем восходят к Древнему царству и, по сути, так же стары, как Великая пирамида. Рассказ этот поведал царю Хуфу (Хеопсу) Баиу-ф-Ра как случай, бывший во времена отца царя, и как доказательство дивной магической силы, которой обладал жрец[8] по имени Тчатча-ем-анх. Случилось однажды, что царь Сенеферу был в унынии и обратился к вельможам своего царского дома, ожидая, что они найдут какое-нибудь средство, чтобы возвеселить его сердце; но так как они ничем не могли развлечь царя, он приказал немедленно привести к нему жреца и писца книг Тчатча-ем-анха, и по царскому повелению того тотчас привели. Когда он пришел, Сенеферу сказал ему: «Брат мой, я обратился к вельможам моего царского дома, ища средства, чтобы возвеселить мое сердце, но они ничего не нашли для меня». Тогда жрец ответил и посоветовал царю отправиться на озеро близ дворца и покататься по нему в лодке, удобно убранной вещами из царского дома. «Ибо, — сказал он, — сердце твоего величества возрадуется и возвеселится, когда ты будешь плыть туда и сюда и увидишь прекрасные заросли, что на озере, и когда ты увидишь милые берега его и прекрасные поля, тогда сердце твое исполнится счастья». Затем он попросил царя позволить ему устроить эту прогулку и испросил разрешения принести двадцать весел черного дерева, выложенных золотом, а также привести двадцать юных дев с прекрасными волосами, прелестным станом и стройными членами и принести двадцать сетей, в которые эти девы облачатся вместо обычных своих одежд. Девы должны были грести и петь его величеству. Царь

согласился на эти предложения, и когда все было готово, он занял свое место в лодке; пока молодые женщины катали его туда и сюда, царь смотрел на них, и сердце его освободилось от забот. И вот, когда одна из молодых женщин гребла, она каким-то образом запуталась в своих волосах, и одно из ее украшений, сделанное из «новой бирюзы», упало в воду и пошло ко дну; она перестала грести, и не только она одна, но и все остальные девы также перестали грести. Когда царь увидел, что девы оставили свою работу, он сказал им: «Разве вы не будете грести?» — а они ответили: «Наша старшая перестала грести». Тогда, обратившись к деве, уронившей свое украшение за борт, он спросил ее, почему она не гребет, и она рассказала ему, что случилось. На это царь обещал, что достанет ей украшение.

[6] Исх. 14:21–28.

[7] См.: Эрман, «Сказки папируса Весткар», Берлин, 1890.

[8] Он был старшим *кхери-хеб*, то есть главой жрецов, которые совершали погребальные обряды и читали службу по книге.

Тогда царь повелел, чтобы Тчатча-ем-анх немедленно предстал перед ним, и как только мудреца привели к нему, сказал ему: «О Тчатча-ем-анх, брат мой, я поступил по твоим словам, и сердце моего величества возвеселилось, когда я увидел, как гребут девы. Но вот украшение из новой бирюзы, принадлежащее одной из гребущих дев, упало в воду, и она оттого умолкла, и перестала грести, и расстроила греблю своих подруг. Я сказал ей: „Отчего ты не гребешь?“ — и она ответила: „Украшение [мое] из новой бирюзы упало в воду“. Тогда я сказал ей: „Я достану его тебе“». Тогда жрец и писец книг Тчатча-ем-анх произнес некие слова силы (*хекау*) и, заставив таким образом одну часть воды в озере подняться на другую, нашел украшение лежащим на черепке, взял

его и отдал деве. Глубина воды была двенадцать локтей, но когда Тчатча-ем-анх поднял одну часть воды на другую, эта часть стала глубиной в двадцать четыре локтя. Маг снова произнес некие слова силы, и вода озера стала такой, какой была прежде, чем он заставил одну ее часть подняться на другую; а царь устроил пир для всего своего царского дома и наградил Тчатча-ем-анха всякого рода дарами. Таков рассказ о силе, которой обладал маг во времена царя Хуфу (Хеопса), царствовавшего в начале IV династии, около 3800 г. до н. э. Список этого рассказа, которым мы располагаем, старше эпохи, когда жил Моисей, и потому мы никак не можем видеть в нем искаженный пересказ чуда о водах моря, ставших стенами, одна по правую руку и другая по левую; с другой стороны, чудо Моисея вполне может иметь какую-то связь с чудом Тчатча-ем-анха.

У греков и римлян немалым уважением пользовалась не только «мудрость» египтян, но и та сила творить магию, которой они, как считалось, обладали. Греческие путешественники, посещавшие Египет, привозили на родину множество сведений о его религии и цивилизации, и хотя многое из того, что они там видели и слышали, они понимали неверно, некоторые из величайших греческих мыслителей смотрели на эту страну не только как на родину знания и источник цивилизации и искусств, но и как на первоисточник того, что называли «белой магией» и «черным искусством». В некоторых отношениях они преувеличивали силы египтян, но нередко, когда классические писатели были хорошо осведомлены, они лишь приписывали им те магические знания, обладать которыми притязали сами египетские маги. Разительный пример этого дан во второй книге «Метаморфоз» Апулея, где, как помнит читатель, рассказывается следующее. Студент Телефрон прибыл однажды в Ларису и, бродя

по городу почти без гроша, увидел старика, который стоял на большой каменной глыбе и возвещал, что тот, кто возьмется стеречь мертвое тело, получит хорошую награду. Когда Телефрон спросил, не имеют ли покойники привычки убегать, старик раздраженно ответил в том смысле, что ведьмы по всей Фессалии обгрызают зубами куски плоти с лиц мертвецов, чтобы творить из них магические чары, и чтобы этого не случилось, мертвые тела по ночам непременно нужно стеречь. Тогда юноша спросил, каковы будут его обязанности, если он возьмется за это дело, и ему сказали, что он должен будет всю ночь совершенно не спать, неотрывно смотреть на мертвое тело, не глядеть ни направо, ни налево и не смыкать глаз даже на миг. Это было совершенно необходимо, потому что ведьмы умели выходить из своей кожи и принимать облик птицы, собаки или мыши, а хитрость их была такова, что они могли принимать облик мух и навевать на сторожа сон. Если сторож ослабит внимание и ведьмы изуродуют тело, то вырванные куски плоти придется возместить из тела самого сторожа. Телефрон согласился взяться за это дело за тысячу нуммов, и старик привел его в дом; когда его ввели в комнату, где лежало мертвое тело, он застал там человека, который записывал на табличках, что нос, глаза, уши, губы, подбородок и прочее не тронуты и целы. Получив светильник и немного масла, он в ту ночь начал свое бдение, и все шло хорошо, хотя ему было очень страшно, до глухой полуночи, когда в покой вошла ласка и доверчиво посмотрела на сторожа; но он выгнал зверька — без сомнения, это была ведьма — из комнаты и затем крепко заснул. Рано утром его внезапно разбудили трубы солдат, и почти тотчас же к нему пришла вдова умершего с семью свидетелями и принялась осматривать тело, чтобы убедиться, что оно невредимо; найдя, что ему не причинено никакого вреда, она

велела своему управителю заплатить Телефрону условленную плату и была так благодарна ему, что обещала сделать его своим домочадцем. Однако, пытаясь выразить свою благодарность, он употребил несколько недобрых слов, и тотчас слуги дома набросились на него, избили его, вырвали с корнем его волосы, разорвали на нем одежду и наконец выбросили его из дома. Вскоре после этого, бродя по городу, он увидел, как через форум проходит похоронное шествие, и в эту минуту к носилкам подошел старик и с рыданиями и слезами обвинил вдову в том, что она отравила его племянника, чтобы унаследовать его имущество и выйти замуж за своего любовника. Тотчас собравшаяся толпа захотела поджечь ее дом, а некоторые начали бросать в нее камни; бросали в нее камнями и мальчишки. Когда же она отвергла обвинение и призвала богов в свидетели своей невиновности, старик вскричал: «Пусть же божественное Провидение рассудит, где истина, в ответ на ее запирательство. Вот, среди нас живет знаменитый пророк, египтянин Заклас, и он обещал мне за большие деньги вернуть душу умершего из обители смерти в преисподней и заставить ее на краткое время снова поселиться в его теле». С этими словами он вывел вперед человека, одетого в льняное платье и обутого в сандалии из пальмовых листьев, у которого, как у всех египетских жрецов, была обрита голова, и, поцеловав ему руки и обняв его колени, заклинал его звездами, и богами преисподней, и островом Нила, и Разливом, и прочим вернуть жизнь мертвому телу хотя бы на самое короткое время, чтобы истинность его обвинения против вдовы была доказана. Так заклятый, Заклас трижды коснулся каким-то растением уст и груди мертвеца и, обратив лицо к востоку, помолился; и легкие трупа начали наполняться дыханием, а сердце его забилось, и, приподняв голову и плечи, он

спросил, зачем его призвали обратно к жизни, а затем стал умолять, чтобы ему позволили почивать в мире. Тут Заклас обратился к нему и, сказав, что властен своими молитвами заставить демонов прийти и мучить его, приказал ему открыть, от чего он умер. Со стоном тот ответил, что жена, на которой он недавно женился, дала ему выпить яду и что от этого он и умер. Жена тотчас стала опровергать слова мужа, и из людей, стоявших вокруг, одни приняли одну сторону, другие другую. Наконец муж объявил, что докажет истинность своих слов, и, указав на Телефрона, который пытался стеречь его тело, рассказал присутствующим, что ведьмы, после многих попыток обмануть его бдительность, навели на него глубокий сон. Затем они стали звать по имени его самого, а его звали Телефроном, как и его сторожа, и пока он слабо силился повиноваться их чарам, его сторож бессознательно поднялся и стал ходить. Увидев это, ведьмы проникли в комнату через какое-то неведомое место и, отрезав у сторожа нос и уши, приставили на их место подобия этих членов. Слышавшие эти слова пристально посмотрели на юношу, а он тотчас поднял руки и коснулся этих членов — и нос остался у него в руке, а уши проскользнули сквозь пальцы на землю.

Конец рассказа нас не касается, и потому мы перейдем к тому, чтобы отметить, что прикосновение к устам, которое совершил Заклас, — это, разумеется, часть обряда «отверзания уст», о котором так часто говорится в религиозных текстах и который считался чрезвычайно важным для благополучия умершего[9], и что силу возвращать мертвых к жизни, которую Апулей приписывает жрецу или магу, мудрецы Египта действительно притязали иметь за несколько тысяч лет до Рождества Христова, как мы можем видеть из следующего рассказа папируса Весткар.

[9] См. главу VI («Магические обряды»).

Сын царя Хуфу (или Хеопса, царствовавшего около 3800 г. до н. э.) по имени Херутатаф, который славился как ученый муж и имя которого сохранилось в «Книге мертвых» в связи с «обретением» некоторых глав этого дивного собрания[10], беседовал однажды со своим отцом, по-видимому, о магической силе, которой обладали древние. В ответ на какое-то замечание Хуфу он сказал: «До сих пор ты слышал лишь молву о том, что знали люди древних времен, и человек не знает, правда это или нет; но ныне я дам твоему величеству увидеть мудреца в твое собственное время, и такого, который не знает тебя». На вопрос Хуфу: «Кто этот человек, о Херутатаф?» — юноша ответил: «Это некий человек по имени Тета, который живет в Тет-Сенеферу; ему сто десять лет, и по сей день он съедает пятьсот хлебов и лопатку быка и выпивает сто кружек пива. Он умеет приставить обратно к телу отрубленную голову; он умеет заставить льва идти за собою, меж тем как его сеть волочится по земле; и он знает число *антет* святилища Тота». А Хуфу уже давно разыскивал *антет* святилища Тота, потому что желал сделать подобные для своего собственного «горизонта». Хотя в настоящее время невозможно сказать, что такое был *антет*, совершенно ясно, что это был предмет или орудие, употреблявшееся при совершении какой-то магии, и ясно также, что царь был увлечен этим занятием не меньше своих подданных. В ответ на слова сына Хуфу велел ему пойти и привести к нему мудреца, и когда была подана царская ладья, Херутатаф отправился туда, где жил мудрец. Проплыв некоторое расстояние вверх по реке, он и его спутники прибыли в Тет-Сенеферу, и когда лодки были привязаны к пристани, царевич пустился в остальную часть пути, которая шла сушей, в своего рода носилках из черного дерева, которые несли люди на шестах

из дерева *сеснетчем*, выложенных золотом. Когда он прибыл к жилищу Теты, носилки опустили на землю, и царевич вышел приветствовать мудреца, которого нашел лежащим на плетеном ложе или подстилке, поставленной для него во дворе его дома, меж тем как один слуга растирал ему голову, а другой растирал ему ноги. После подобающего приветствия и слова о почтенном состоянии мудреца Херутатаф сказал ему, что прибыл издалека, чтобы передать ему весть от Хуфу, своего отца, и мудрец сердечно сказал ему: «Добро пожаловать» — и предрек, что Хуфу весьма возвысит его сан. Когда приветствия окончились, Херутатаф помог Тете подняться, и старец отправился к пристани, опираясь на руку царского сына, а прибыв туда, попросил, чтобы дали лодку для перевозки его детей и его книг. Тотчас же снарядили две лодки с полным числом гребцов, и Тета поплыл вниз по Нилу вместе с Херутатафом, а его семья следовала за ним.

[10] Главы XXX, LXIV, CXXXVII. См. мою книгу «Главы о выходе днем» (текст), с. 97, 141, 309.

Спустя некоторое время они прибыли во дворец Хуфу, и Херутатаф вошел к своему отцу и доложил ему, что привез мудреца Тету, чтобы царь мог его увидеть; Хуфу приказал поскорее привести его к нему и, выйдя в колоннаду дворца, велел ввести к себе Тету. Хуфу сказал ему: «Как же так, Тета, что я никогда не видел тебя?» — а мудрец ответил: «О государь, приходит тот, кого зовут; и раз ты позвал меня, вот я здесь». Хуфу сказал ему: «Правда ли то, что о тебе говорят, будто ты умеешь приставить обратно к телу отрубленную голову?» — и мудрец ответил: «Да, воистину, о владыка мой государь, я умею делать это». И Хуфу сказал: «Пусть приведут ко мне пленника, что заключен в темнице, дабы я свершил над ним казнь», но Тета ответил: «Нет, владыка мой царь, пусть это будет сделано не над человеком, а над какой-нибудь

тварью из священных животных». Тогда ему принесли гуся, и, отрубив ему голову, он положил тело гуся на западной стороне колоннады, а голову на восточной. Затем Тета встал и произнес некие слова магической силы, и тело начало двигаться, а с ним и голова, и с каждым движением одно приближалось к другому, пока наконец голова не встала на свое место на теле птицы, которая тотчас загоготала. После этого Тета велел принести себе птицу *хет-аа* и совершил над ней то же чудо, что и над гусем; а чтобы доказать, что он имеет такую же власть над животным миром, к нему привели быка, и, отрубив ему голову, которая упала на землю, он произнес слова магической силы, и бык поднялся и стал жить, как прежде.

Двух приведенных выше рассказов из папируса Весткар достаточно, чтобы доказать, что уже при IV династии творение магии было у египтян признанным искусством, и все, что мы узнаем из позднейших текстов, указывает на то, что почти невозможно представить себе время в Египте, когда было бы иначе. Но «мудрость» египтян была двоякой, то есть они владели двумя родами «мудрости», которые позволяли им иметь дело и с вещественным миром, и с миром духовным; окрестные же народы смешивали эти два рода и вследствие этого неверно понимали дело.

Одно из древнейших имен Египта — «Камт», или «Кемт», слово, означающее «черный» или «темный», и стране оно было дано из-за темного цвета ила, из которого состоит земля по обе стороны Нила; христиане-египтяне, или копты, передали это слово грекам, римлянам, сирийцам и арабам в форме Хеме. Уже в очень раннюю пору египтяне славились своим искусством в обработке металлов и своими попытками превращать их, и, по словам греческих писателей, они употребляли ртуть в тех процессах, посредством

которых отделяли металлы золото и серебро от самородной руды. Из этих процессов получался «черный» порошок, или вещество, которое, как полагали, обладало самыми чудесными силами и заключало в себе особые свойства различных металлов; и в нем были соединены самые их сущности. Мистическим образом этот «черный» порошок отождествлялся с телом, которое, как было известно, бог Осирис имел в преисподней, и тому и другому приписывались магические свойства, и то и другое считалось источником жизни и силы. Так, рядом с ростом мастерства в обычных приемах металлургического дела в Египте в этой стране выросла вера в то, что в плавнях и сплавах заключены магические силы; и искусство обращения с металлами, и знание химии металлов и их магических сил стали обозначаться именем «Хемейя», то есть «приготовление черной руды» (или «порошка»), которая считалась действующим началом при превращении металлов. К этому имени арабы прибавили артикль *ал*, и так мы получаем слово Ал-Хемейя, или алхимия, которое увековечит славу египтян как искусных знатоков и «белой магии», и «черного» искусства.

Но помимо своего мастерства как ремесленников и умельцев египтяне были искусны в литературном сочинительстве и в создании книг, особенно того рода, который относился к обрядам, совершавшимся ради блага умерших. У нас, к несчастью, нет никакой возможности узнать, что думали о египетских погребальных обрядах ранние народы, современные египтянам, но представляется несомненным, что славу чудотворцев египтяне снискали главным образом благодаря этим обрядам. Если бы каким-нибудь членам пустынного племени случилось увидеть обряды, совершавшиеся, когда царей, для которых были построены пирамиды, полагали в них на покой, то рассказы,

которые они принесли бы своим сородичам, были бы приняты как верные доказательства того, что египтяне имеют силу давать жизнь мертвым, оживлять статуи и повелевать службой своих богов одним лишь произнесением их имен как слов силы. Столбцы иероглифов, которыми нередко бывали покрыты стены гробниц, и изображения богов, написанные красками или высеченные на стелах или саркофагах, еще сильнее поражали бы простой народ, который всегда взирает с великим благоговением на написанную букву и на тех, кто ее понимает. Следующий рассказ из Масуди[11] покажет, каких взглядов держались арабы на надписи и изображения богов в храмах Египта. Случилось так, что, когда войско фараона потонуло в Красном море, женщины и рабы стали бояться, как бы на них не напали цари Сирии и Запада; в этой беде они избрали своей царицей женщину по имени Далука, потому что она была мудра, рассудительна и искусна в магии. Первым делом Далука окружила весь Египет стеной, которую охраняли люди, расставленные вдоль нее на небольшом расстоянии друг от друга, и целью ее было столько же уберечь своего сына, пристрастного к охоте, от нападений диких зверей, сколько уберечь Египет от вторжения кочевых племен; кроме того, она расставила вокруг ограды изображения крокодилов и других грозных животных. В течение своего тридцатилетнего царствования она наполнила Египет своими храмами и изображениями животных; она также сделала изображения людей в облике обитателей стран, лежащих вокруг Египта, и Сирии, и Запада, и тех животных, на которых они ездили. В храмах она собрала все тайны природы и все притягательные и отталкивающие силы, какие заключены в минералах, растениях и животных. Свои чародейства она совершала в тот миг обращения небесных светил, когда они становились подвластны высшей

силе. И случалось так, что если войско выступало из какой-либо части Аравии или Сирии, чтобы напасть на Египет, царица заставляла изображения его воинов и животных, на которых те ехали, исчезнуть под землей, и та же участь тотчас постигала живые существа, которых они изображали, где бы те ни находились в пути, и уничтожение изображений на изваяниях влекло за собой уничтожение вражеского войска. Словом, огромные изображения богов, высеченные или написанные на стенах, и сопровождавшие их иероглифические надписи те, кто не мог ни понять их, ни прочесть, считали не чем иным, как магическими изображениями и формулами, предназначенными служить талисманами.

[11] «Золотые луга» (изд. Б. де Мейнара и П. де Куртея), Париж, 1863, т. II, с. 398 и сл.

Историк Масуди упоминает[12] пример магической силы, которой обладал некий еврей, и пример этот доказывает, что магические приемы египтян перешли на восток и нашли себе родственное пристанище среди евреев, живших в Вавилоне и его окрестностях. Человек этот был уроженцем деревни Зурара в округе Куфы и проводил время, занимаясь магией. В мечети Куфы, в присутствии Валида ибн Укбы, он вызвал несколько призраков и заставил царя исполинского роста, сидевшего на коне, скакать по двору мечети. Затем он превратился в верблюда и прошел по канату; и заставил призрак осла пройти сквозь свое тело; и наконец, убив человека, отсек ему голову и отделил ее от туловища, а затем провел мечом над обеими частями — и они соединились, и человек снова ожил. Это последнее деяние напоминает описанное выше приставление головы мертвого гуся к его телу и возвращение птицы к жизни.

[12] «Золотые луга» (изд. Б. де Мейнара), Париж, 1865, т. IV, с. 266, 267.

Теперь нам предстоит кратко описать главные средства, на которые египтяне полагались, творя магию, а именно: магические камни, или амулеты, магические фигурки, магические изображения и формулы, магические имена, магические обряды и прочее, а также те части «Книги мертвых», которые в целом касаются этих предметов.

ГЛАВА II

МАГИЧЕСКИЕ КАМНИ, ИЛИ АМУЛЕТЫ

✦

«Амулетом» называют разряд предметов и украшений, а также принадлежностей одежды и платья, сделанных из различных веществ, которыми египтяне, а позднее и другие народы пользовались, чтобы оберегать человеческое тело, живое или мертвое, от зловредных влияний и от нападений видимых и невидимых врагов. Слово «амулет» происходит от арабского корня, означающего «носить, нести», так что «амулет» — это «нечто носимое на себе», и в широком смысле это имя прилагают ко всякому талисману или украшению, которому приписывают сверхъестественную силу. Неясно, предназначался ли амулет прежде всего для защиты живого или мертвого тела, но, по-видимому, первоначально его носили, чтобы охранить владельца от диких зверей и от змей. С течением времени религиозные представления и верования развивались, и вследствие этого изобретались новые амулеты, выражавшие новые взгляды; а предметы, способные защищать живых, путем легкого перехода в умах тех, кто их носил, стали служить и защите мертвых. Более того, так как сохранение тленного тела, со всеми его членами в целости и невредимости, имело важнейшее значение для жизни духовного и нетленного тела, которое, как верили, из него произрастало, то под влиянием новых верований мертвое тело

превратилось в настоящее хранилище амулетов. Каждый член был отдан под особое покровительство того или иного амулета, а множество предметов, которые, как считалось, охраняли тело вообще от змей, червей, плесени, тления и гниения, щедрой рукой клали внутрь него, на него, вокруг него и между пеленами, которыми его обвивали. Когда люди в Египте начали класть амулеты своим умершим, сказать нельзя, и столь же невозможно сказать, когда родилась вера в действенность того или иного амулета; ясно, однако, что некоторые амулеты выражают верования столь древние, что даже сами египтяне порою сомневались в их происхождении и значении.

Амулеты бывают двух родов: 1) надписанные магическими формулами и 2) не надписанные. В древнейшие времена над амулетами, которые носили живые или которые клали на мертвых, формулы или молитвы читали жрецы либо люди, поставленные общиной для совершения религиозных служб; но не всякому было дано пользоваться ими, и в сравнительно раннюю пору слова магической силы и молитвы стали вырезать на самих амулетах, которые благодаря этому обрели двойную силу, а именно ту силу, что, как думали, была присуща веществу, из которого сделан амулет, и ту, что заключалась в начертанных на нем словах. Древнейшее название формул, встречающихся на амулетах, — *хекау*, и умершему было столь необходимо запастись этими *хекау*, или «словами силы», что в XVI веке до н. э., а вероятно, и более чем за тысячу лет до того, в «Книгу мертвых» был включен особый раздел[1], назначение которого — заставить их приходить к нему, где бы они ни находились, «быстрее борзых и скорее света». Древнейшие известные египетские амулеты — это куски зеленого сланца различной формы, звериной и иной, которые клали на грудь умершего; их находят в большом числе в

доисторических, или додинастических, погребениях в разных местах Египта. Весьма маловероятно, чтобы их изготовляли коренные обитатели Египта, ибо, несмотря на различные догадки, высказанные об их назначении и употреблении, почти наверное можно сказать, что, как заметил г-н Ж. де Морган[2], они «принадлежат культу». По словам этого исследователя, употребление их было чрезвычайно распространено вплоть до конца неолитической эпохи, но с приходом народа, который мы называем египтянами, они становятся очень редки. В следующий период звериные формы исчезают, и место их занимают прямоугольные сланцевые пластины, на которых грубыми очертаниями начертаны фигуры животных и т. п. Мнение, будто эти предметы служили точильными камнями или плитками для растирания краски, не выдерживает критики по причинам, которые привел г-н Ж. де Морган. Более того, в скарабее из зеленого камня, которого в династическое время клали на грудь умершего, мы, вероятно, видим пережиток додинастического амулета из зеленого сланца — как в отношении цели, ради которой его делали, так и в отношении материала. Но обычай писать *хекау*, или слова силы, на папирусе почти так же стар, как обычай писать их на камне, и из надписи на стенах коридоров и покоев пирамиды Унаса, царя Египта около 3300 г. до н. э., мы видим, что вместе с ним была погребена «книга со словами магической силы»[3]. В другом месте[4] нам сообщают, что книга, которую имел при себе Тета, царь Египта около 3266 г. до н. э., «действует на сердце богов»; и нет сомнения, что целью всякого религиозного текста, когда-либо написанного на гробнице, стеле, амулете, гробе, папирусе и т. д., было подчинить богов власти умершего, чтобы он мог принуждать их исполнять его волю.

[1] То есть глава XXIV, которая озаглавлена «Глава о доставлении слов силы Осирису в загробном мире».

[2] «Доисторическая этнография», с. 144.

[3] «Унас», изд. Масперо, строка 584.

[4] «Тета», изд. Масперо, строка 351.

1. Амулет сердца

Сердце было не только средоточием жизненной силы, но и источником как добрых, так и злых помыслов; а порою оно олицетворяло совесть. После смерти его охраняли с особой заботой: его бальзамировали отдельно, а затем вместе с легкими хранили в сосуде, который отдавали под покровительство бога Дуамутефа. Сохранение его считалось делом столь важным, что уже в раннюю пору в «Книгу мертвых» был включен текст[5], назначение которого — снабдить умершего сердцем взамен того, что было извлечено при бальзамировании. Текст гласит:

[5] Глава XXVI, озаглавленная «Глава о даровании сердца умершему».

> «Да будет сердце мое со мною в Доме Сердец! Да будет грудь[6] моя со мною в Доме Сердец! Да будет сердце мое со мною, и да покоится оно там, иначе не вкушу я лепешек Осириса на восточной стороне Озера Цветов, и не будет у меня ладьи, чтобы спуститься вниз по Нилу, ни другой, чтобы подняться вверх, и не смогу я плыть вниз по Нилу с тобою. Да будут [даны] мне уста мои, чтобы говорить ими, и ноги мои, чтобы ходить ими, и руки мои, чтобы низвергнуть врага моего. Да отворятся мне двери неба; да раскроет мне Себ, князь богов, свои челюсти; да откроет он глаза мои, которые завязаны; да даст он мне раздвинуть ноги мои, которые связаны вместе; и да укрепит Анпу (Анубис) бедра мои, чтобы мог я стоять на них. Да поднимет меня богиня Сехмет,

чтобы мог я взойти на небо, и да исполнится то, что повелю я в Доме Ка Птаха. Я буду разуметь сердцем моим, я обрету власть над сердцем моим, я обрету власть над руками моими, я обрету власть над ногами моими, я буду в силах делать все, что угодно моему *ка* (то есть двойнику). Душа моя не будет прикована к телу моему у врат загробного мира, но я войду и выйду с миром».

[6] Буквально — «околосердечная сумка».

Когда умерший произносил эти слова, он, как верили, тотчас обретал те силы, которыми желал обладать в ином мире; а когда он обретал власть над своим сердцем, то сердце, двойник и душа получали возможность идти куда пожелают и делать что им угодно. Упоминание бога Птаха и его супруги Сехмет указывает на то, что глава эта — дело рук мемфисских жрецов и что выраженные в ней представления весьма древни. Согласно папирусу Нехту-Амона, амулет сердца, о котором говорится в приведенной главе, надлежало делать из лазурита, и нет сомнения, что этому камню приписывали некие свойства, благотворные для тех, кто его носил. Следует также вспомнить, что, по одному преданию[7], текст LXIV главы «Книги мертвых» был найден написанным письменами из лазурита в царствование Хесепти, царя Египта около 4300 г. до н. э., а то, как этот факт упомянут в рубрике к главе, доказывает, что ему придавали особое значение.

[7] См. «Главы о выходе днем» (перевод, с. 119).

Нефер-убен-ф, жрец, охраняющий свое сердце от похитителя сердец. (Из Навиля, «Книга мертвых», т. I, табл. 39.)

Но хотя посредством приведенной главы человеку можно было даровать сердце, умершему надлежало с величайшим тщанием следить, чтобы его не похитило у него чудовище — отчасти человек, отчасти зверь, — которое бродило в поисках сердец, чтобы уносить их. Дабы предотвратить такое бедствие, было написано не менее семи глав «Книги мертвых» (№ XXVII, XXVIII, XXIX, XXIXA, XXX, XXXA и XXXB). Глава XXVII была связана с амулетом сердца из белого полупрозрачного камня и гласит:

> «Привет вам, уносящие сердца! Привет вам, похищающие сердца и заставляющие сердце человека проходить через его превращения по его делам, да не повредит ему перед вами то, что он совершил! Поклон вам, о владыки вечности, обладатели бесконечности, не берите в свою хватку это сердце Осириса[8] и не давайте подняться

против него злым словам; ибо это сердце Осириса, и принадлежит оно Многоименному[9], могучему, чьи слова — его члены и кто посылает свое сердце обитать в его теле. Сердце Осириса торжествует, и оно обновлено перед богами: он обрел над ним власть, и он не был судим по тому, что совершил. Он обрел власть над собственными членами. Сердце его повинуется ему, он владыка его, оно в его теле и никогда не отпадет от него. Я, Осирис, победоносный в мире и торжествующий в прекрасной Аменти и на горе вечности, велю тебе [о сердце] быть послушным мне в загробном мире».

[8] То есть умершего, которого отождествляли с Осирисом, богом и судьей мертвых.

[9] То есть Тоту.

Другая глава (XXIXB) была связана с амулетом сердца из сердолика, образцы которого во множестве можно видеть в больших музеях; текст ее гласит:

«Я — Бенну[10], душа Ра и проводник богов, пребывающих в загробном мире. Их божественные души вышли на землю, чтобы исполнять волю своих двойников; так пусть же и душа Осириса выйдет, чтобы исполнять волю своего двойника».

[10] Птицу Бенну обычно отождествляют с фениксом.

Бенну был также душою Осириса, и, таким образом, амулет приносил с собою покровительство и Осириса, и Ра.

Но из всех глав, относящихся к сердцу, самой любимой у египтян была та, что обычно известна как XXXB, и значение ее с религиозной точки зрения невозможно переоценить. Древность главы несомненна, ибо, согласно папирусу Ну[11], документу начала XVIII династии, она восходит ко времени Хесепти, царя Египта около 4300 г. до н. э., и, по-видимому, составляла пару или дополнение к LXIV главе, которая притязала на то, чтобы

изложить суть всех «Глав о выходе днем» в одной-единственной главе. В рубрике к пространной редакции этой главы, приведенной в том же папирусе[12], глава XXXB связывается с Херутатафом, сыном Хуфу (Хеопса), мужем, славным своей мудростью, и там же предписано читать ее слова над твердым скарабеем из зеленого камня, которого надлежит положить в грудь умершего, туда, где обычно бывает сердце; и тогда этот амулет совершит для него «отверзание уст»[13], ибо слова главы будут поистине «словами силы». От чтения слов главы над скарабеем до вырезания их на нем был всего один шаг, и шаг этот был сделан уже при IV династии. Текст таков:

[11] Британский музей, № 10 477, лист 13.

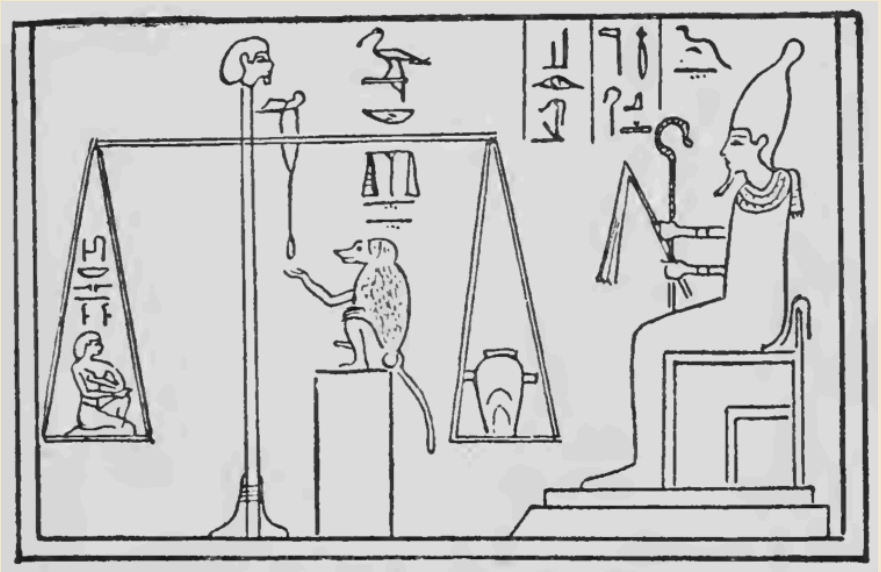
[12] См. лист 21.

[13] См. главу VI («Магические обряды»).

> «Сердце мое, мать моя; сердце мое, мать моя! Сердце мое, через которое я получил бытие! Да не восстанет ничто против меня на [моем] суде; да не будет мне противодействия перед державными князьями; да не будет разлуки твоей со мною перед тем, кто хранит Весы! Ты — мой двойник (*ка*), обитающий в моем теле, бог Хнум, что связует и укрепляет члены мои. Да выйдешь ты в место блаженства, куда мы идем. Да не сделают *Шенит*, творящие удел жизни людей, имя мое зловонным. Да будет это угодно нам, и да будет слушание угодно нам, и да будет нам радость сердца при взвешивании слов. Да не будет сказано ложное против меня перед великим богом, владыкой Аментет. Поистине, сколь велик будешь ты, когда восстанешь в торжестве».

Именно эту главу читал умерший, находясь в Чертоге Суда Осириса, пока его сердце взвешивали на Весах против пера — символа права и истины. Судя по некоторым папирусам,

приведенные слова, собственно, должен был произносить умерший тогда, когда его самого взвешивают против его собственного сердца, а это представление совсем иное, нежели суд над сердцем перед богами.

Писец Небсени, взвешиваемый на весах против своего сердца в присутствии Осириса. (Из папируса Небсени, лист 4.)

2. Амулет скарабея

Из сказанного выше видно, что амулет сердца, связанный с самой важной и самой любимой из глав, охраняющих сердце, уже в очень раннюю пору было предписано делать в виде скарабея. Представления египтян об этом насекомом мы можем проследить до времени постройки пирамид[14], и нет сомнения, что они выражали верования, которые уже и в ту раннюю пору были очень древними. Египтянин, по-видимому, рассуждал так:

поскольку телесное сердце перед бальзамированием извлекают из тела, а телу нужно другое, которое служило бы источником жизни и движения в его новой жизни, на его место надо положить другое. Но каменное сердце, будь оно из лазурита или из сердолика, в конце концов лишь каменное сердце, и хотя посредством молитв, прочитанных должным образом, оно не дает «грабителям сердец» унести телесное сердце, само по себе оно не обладает ничем, что можно было бы обратить на дарование новой жизни и бытия телу, на котором оно лежит. Скарабей же, или жук, сам по себе обладает замечательными силами, и если сделать изображение скарабея и написать на нем надлежащие слова силы, то тому, к чьему телу оно прикреплено, будет дарована не только защита умершего телесного сердца, но также новая жизнь и существование. Более того, скарабей был образом и символом бога Хеперы, незримой творческой силы, которая катила солнце по небу. Жук, которого египтяне избрали образцом для амулетов, принадлежит к семейству навозных пластинчатоусых, живущих в тропических странах. Виды эти обычно черного цвета, но среди них встречаются и украшенные богатейшими металлическими оттенками. Замечательная особенность заключается в строении и расположении задних ног, которые помещены так близко к концу тела и так далеко одна от другой, что придают насекомому при ходьбе весьма необычайный вид. Такое своеобразное строение, однако, особенно полезно его обладателям, когда они катят шары из нечистот, в которые заключают свои яйца. Шары эти сначала неправильной формы и мягкие, но постепенно, по мере того как их катят, становятся круглыми и твердеют; движут их при помощи задних ног. Иногда эти шары бывают полутора или двух дюймов в поперечнике, и, катя их, жуки стоят почти на голове, обратив голову от шара. Цель этих маневров — зарыть шары в

ямки, заранее вырытые насекомыми для их приема; и именно навозом, отложенным таким образом, питаются вылупившиеся личинки. Не похоже, чтобы эти жуки умели отличать свои шары, ибо, потеряв свой, они хватают чужой; говорят даже, что порою несколько жуков сообща катят один шар. В катании шариков помогают как самцы, так и самки. Летают они в самую жаркую пору дня[15].

[14] О царе Тете сказано, что он «живет, как скарабей» («Тета», строка 89); и еще сказано: «Пепи — сын Скарабея, который рождается в Хетепет под волосами северной Иусаас» («Пепи», строка 422).

[15] См. Дж. О. Вествуд, «Введение в современную классификацию насекомых», Лондон, 1839, т. I, с. 204 и сл.

У древних бытовало несколько любопытных представлений о скарабее, будь то вида *scarabaeus sacer* или *ateuchus Aegyptiorum*[16], а Элиан, Порфирий и Гораполлон утверждали, что самок скарабея не существует. Последний из названных писателей говорил, что скарабей обозначал «единородного», ибо это существо самопорожденное, не зачатое самкой. Далее он говорит, что, сделав шар из навоза, жук катит его с востока на запад и, вырыв ямку, зарывает его в ней на двадцать восемь дней; на двадцать девятый день он вскрывает шар и бросает его в воду, и из него выходят скарабеи. То, что скарабей летает в самую жаркую пору дня, привело к тому, что насекомое отождествили с солнцем, а шар с яйцами стали сравнивать с самим солнцем. Незримая сила Бога, явленная в образе бога Хеперы, заставляла солнце катиться по небу, и само это действие — качение — дало скарабею его имя *хепер*, то есть «тот, кто катит». Солнце содержало зародыши всякой жизни, и так как шар насекомого содержал зародыши молодых скарабеев, его также отождествляли с солнцем как существо, производящее жизнь особым образом. Далее, бог Хепера

представлял также косную, но живую материю, которая готова начать путь существования, и в очень раннюю пору его стали считать богом воскресения; а поскольку скарабея отождествляли с ним, это насекомое стало разом символом бога и образом воскресения. Но мертвое человеческое тело, если взглянуть на него с одной стороны, содержало зародыш жизни, то есть зародыш духовного тела, которое вызывалось к бытию молитвами, читавшимися, и обрядами, совершавшимися в день погребения; с этой точки зрения шар с яйцами насекомого и мертвое тело были тождественны. И как насекомое дало своим яйцам в шаре жизнь в возможности, так, думали, и изображение скарабея, само по себе символ бога Хеперы, даст жизнь в возможности мертвому телу, на которое его положат, — при непременном условии, что над ним прежде будут произнесены или на нем написаны надлежащие «слова силы». Представление о «жизни», по-видимому, связывалось со скарабеем в Египте и Восточном Судане с незапамятных времен, ибо и поныне это насекомое сушат, толкут, смешивают с водою и дают пить женщинам, которые верят, что это безотказное средство обзавестись большой семьей. В древности, если человек желал отвратить действие всякого рода чародейства и заклинаний, он мог сделать это, отрезав голову и крылья у большого жука, которого он варил и клал в масло. Затем голову и крылья подогревали и вымачивали в масле змеи *аппент*, и, когда их еще раз сварили, человек должен был выпить эту смесь[17].

[16] См. мою книгу «Мумия», с. 233.

[17] См. Иоахим, «Древнейшая книга о врачевании», Берлин, 1890, с. 160.

Амулет скарабея находили в Египте в бесчисленных тысячах, и разновидности его чрезвычайно многочисленны. Их делали из

зеленого базальта, зеленого гранита, известняка, зеленого мрамора, синей пасты, синего стекла, пурпурного, синего и зеленого глазурованного фаянса и т. д.; слова силы обычно вырезаны контуром на основании. В редких случаях у скарабея человеческое лицо или голова, а иногда на спинке изображены ладья Ра, птица *Бенну*, «душа Ра», и око Гора. Скарабеи из зеленого камня часто оправлены в золото, и поперек и вдоль спинки, там, где сходятся крылья, у них идет золотая полоса; иногда вся спинка позолочена, а иногда основание покрыто золотой пластинкой, на которой оттиснуты или выгравированы слова силы. Изредка основание скарабея делают в форме сердца, и это доказывает, сколь тесна была связь между амулетами сердца и скарабея. В позднее время, то есть около 1200 г. до н. э., большие погребальные скарабеи вставлялись в нагрудники в форме пилона из фаянса разных цветов, на которых ладья Солнца была либо нарисована красками, либо выполнена рельефом, а скарабей помещен так, что кажется, будто его везут в ладье; слева стоит Исида, справа Нефтида[18]. Древнейший известный мне погребальный скарабей из зеленого камня находится в Британском музее (№ 29 224); он найден в Курне близ Фив и относится к эпохе XI династии, около 2600 г. до н. э. Имя человека, для которого он был сделан (по-видимому, это был служитель храма Амона), нанесено на него светлой краской, которую затем покрыли лаком; «слов силы» на этом любопытном предмете нет.

[18] Краткий обзор главных разновидностей погребального скарабея я дал в моем «Папирусе Ани», Лондон, 1895, с. 262.

Писец Ани держит ожерелье с нагрудником, на котором изображена ладья Ра со скарабеем, или жуком, в присутствии Анубиса, бога мертвых. (Из «Папируса Ани», табл. 15.)

Когда обычай хоронить скарабеев вместе с телами умерших утвердился, вошла в моду привычка живым носить их как украшения, и вследствие этого скарабеев едва ли не всех видов и родов можно найти тысячами во многих собраниях; и, вероятно, число их разновидностей ограничивалось лишь изобретательностью тех, кто изготовлял их в древности. Употребление амулета-скарабея перешло в Западную Азию и в ряд стран, лежавших по Средиземному морю, и те, кто его носил, по-видимому, связывали с ним почти то же представление, что и его первые изобретатели — египтяне. Из греческого магического папируса, переведенного Гудвином[19], мы можем видеть, что над скарабеем, прежде чем его надеть, совершали некие

торжественные обряды даже в эпоху владычества греков и римлян. Так, о «перстне Гора» и «обряде жука» нам велят взять жука, вырезанного так, как описано ниже, и положить его на бумажный стол, а под столом пусть будет чистое льняное полотно; под него положи немного масличного дерева, а посреди стола поставь малую курильницу, в которой следует воскурять мирру и кифи. И имей под рукой малый сосуд из хризолита, в который нальют мазь из лилий, или из мирры, или из корицы, и возьми перстень и положи его в мазь, прежде сделав его чистым и непорочным, и принеси его в жертву в курильнице с кифи и миррой; оставь перстень на три дня, а затем вынь его и положи в надежное место. При совершении обряда пусть лежат поблизости чистые хлебы и плоды, какие бывают в эту пору, и, совершив другое жертвоприношение на виноградных лозах, во время жертвоприношения вынь перстень из мази и помажься умащением с него. Помазаться тебе следует рано поутру и, обратившись к востоку, произнести слова, написанные ниже. Жука следует вырезать из драгоценного изумруда; просверли его и продень сквозь него золотую проволоку, а под жуком вырежи святую Исиду и, освятив его, как написано выше, пользуйся им. Подходящими днями для обряда были 7, 9, 10, 12, 14, 16, 21, 24 и 25-й от начала месяца; в прочие дни воздерживайся. Заклинание, которое надлежало читать, начиналось так: «Я Тот, изобретатель и основатель врачеваний и письмен; приди ко мне, ты, что под землей, восстань ко мне, ты, великий дух».

[19] «Фрагмент греко-египетского сочинения о магии» (Труды Кембриджского общества древностей, 1852).

3. Амулет пряжки

Этот амулет изображает пряжку пояса Исиды; обычно его делают из сердолика, красной яшмы, красного стекла и других веществ красного цвета; иногда его делают из золота и из веществ, покрытых золотом. Он всегда связан с CLVI главой «Книги мертвых», которую часто надписывают на нем и которая гласит:

> «Кровь Исиды, и сила Исиды, и слова силы Исиды будут могущественны, дабы служить силами, охраняющими это великое и божественное существо, и оберегать его от того, кто захотел бы сделать ему что-либо, что ему мерзко».

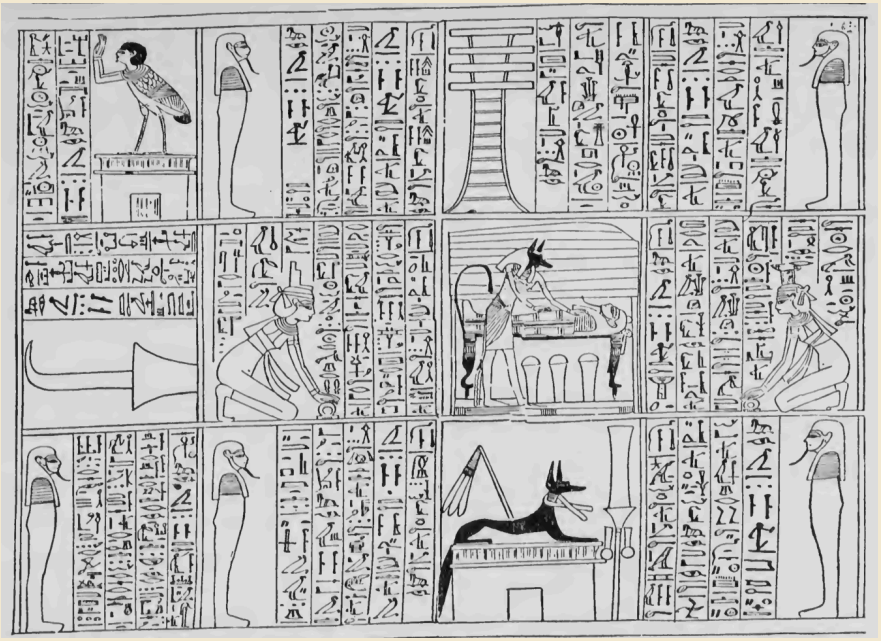
Но прежде чем пряжку привязывали к шее умершего, куда велела поместить ее рубрика, ее надлежало окунуть в воду, в которой были вымочены цветы *анхам*; и когда над нею были прочитаны слова приведенной выше главы о пряжке, амулет приносил умершему покровительство крови Исиды и ее слов силы. Следует вспомнить, что Исида воскресила мертвое тело Осириса своими словами силы, и существует предание, будто она поразила бога Солнца Ра тяжкой болезнью силою магии, которой обладала. Другое назначение пряжки состояло в том, чтобы открыть умершему доступ во всякое место загробного мира и дать ему возможность иметь «одну руку к небу, а другую руку к земле».

4. Амулет столба *тет*

Этот амулет, вероятно, изображает ствол дерева, в котором богиня Исида скрыла мертвое тело своего мужа, а четыре перекладины обозначают четыре страны света; он стал для египтян символом величайшей религиозной важности, и установление столба *тет* в Бусирисе, символизировавшее

воссоздание тела Осириса, было одним из самых торжественных обрядов, совершавшихся при почитании Осириса. *Тет* не изображает ни стола каменщика, ни ниломера, как думали некоторые. Он всегда связан с CLV главой «Книги мертвых», которая гласит:

> «Восстань, о Осирис! У тебя есть хребет твой, о Недвижное Сердце! У тебя есть связки шеи и спины твоей, о Недвижное Сердце! Поставь себя на основание твое, я подливаю воду под тебя и приношу тебе *тет* из золота, чтобы ты возрадовался ему».

Мумия писца Ани, лежащая на погребальном ложе; при ней Исида, Нефтида, Анубис, четыре сына Гора, фигурка-ушебти, его душа, столб *тет* и т. д. (Из «Папируса Ани», табл. 33, 34.)

Подобно пряжке, столб *тет* надлежало окунуть в воду, в которой были вымочены цветы *анхам*, и положить на шею умершего; он давал умершему силу воссоздать тело и стать совершенным *ху* (то есть духом) в загробном мире. На гробах правая рука умершего сжимает пряжку, а левая — столб *тет*; оба сделаны из дерева, несмотря на то что рубрика к главе о столбе *тет* велит делать *тет* из золота.

5. Амулет подголовника

Этот амулет — подобие подголовника, который находят подложенным под шею мумии в гробу, и назначение его — «поднимать» и охранять голову умершего. Обычно его делают из гематита и надписывают текстом CLXVI главы «Книги мертвых», которая гласит:

> «Ты поднят, о недужный, лежащий распростертым. Поднимают голову твою к горизонту, ты восставлен и торжествуешь благодаря тому, что было сделано для тебя. Птах низверг врагов твоих, как и было повелено сделать для тебя. Ты — Гор, сын Хатхор, … возвращающий голову после побоища. Голова твоя не будет унесена от тебя после [побоища], голова твоя никогда, никогда не будет унесена от тебя».

6. Амулет коршуна

Этот амулет должен был сделать силу Исиды как «божественной матери» защитой для умершего; его делали из золота в виде коршуна, парящего в воздухе с распростертыми крыльями и держащего в каждой лапе символ «жизни» , и клали на шею в день погребения. С этим амулетом была связана CLVII глава

«Книги мертвых», и рубрика к ней велела читать ее над ним; текст этот гласит:

> «Исида приходит и парит над городом, и ходит она, отыскивая тайные обиталища Гора, когда он выходит из своих папирусных зарослей, и поднимает она плечо его, которое в бедственном состоянии. Он принят в сонм божественной ладьи, и владычество над всем миром присуждено ему. Он воевал могуче, и он делает так, что деяния его памятны; он сделал так, что страх перед ним существует и трепет перед ним имеет бытие. Мать его, могучая владычица, охраняет его, и она передала ему свою силу».

Первое упоминание относится к заботе, которую Исида проявляла о Горе, когда растила его в папирусных зарослях, а второе — к его битве с Сетом, которого он победил силою Исиды.

7. Амулет золотого ожерелья

Этот амулет должен был дать умершему силу освободиться от своих пелен; рубрика к CLVIII главе «Книги мертвых» велит класть его умершему на шею в день погребения и делать его из золота. Текст главы гласит:

> «О отец мой, брат мой, мать моя Исида, я распеленут, и я вижу. Я один из тех, кто распеленут и видит бога Себа».

Этот амулет весьма редок и, по-видимому, был выражением верований, сложившихся в эпоху XXVI династии, около 550 г. до н. э.

8. Амулет папирусного скипетра

Этот амулет должен был дать умершему бодрость и обновление юности; его делали из «матери изумруда» или из светло-зеленого либо синего фаянса, и, когда над ним были прочитаны слова CLIX главы «Книги мертвых», его клали умершему на шею в день погребения. В эпоху XXVI династии и позднее амулет, по-видимому, олицетворял силу Исиды, которая получила ее от своего отца, супруга Рененет, богини обильных жатв и пищи. В более раннее время, судя по тексту CLX главы, амулет вкладывает в руки умершего бог Тот, и умерший говорит: «Он невредим, и я невредим; он не поврежден, и я не поврежден; он не истерт, и я не истерт».

9. Амулет души

Этот амулет делали из золота, инкрустированного драгоценными камнями, в виде ястреба с человеческой головой, и, когда над ним были прочитаны слова LXXXIX главы «Книги мертвых», рубрика к этой главе предписывала класть его на грудь умершего. Назначение амулета явствует из текста, в котором умерший говорит:

> «Привет тебе, бог Анниу! Привет тебе, бог Пехрер, обитающий в чертоге своем! Даруй, чтобы душа моя пришла ко мне, где бы она ни была. Если она замешкается, то пусть принесут мне душу мою, где бы она ни была… Дай мне обладать душою моею и духом моим, и дай мне быть правогласным с ними, где бы они ни были… Привет вам, боги, что тянут ладью владыки миллионов лет, что возносят ее над загробным миром и ведут ее над Нут, что вводят души в их духовные тела, … даруйте, чтобы душа Осириса[1] вышла пред богов и была правогласна с вами на востоке неба, и

последовала к месту, где была вчера, и вкушала двойной мир в Аментет. Да взирает она на свое природное тело, да покоится она на своем духовном теле, и да не погибнет и не подвергнется тлению тело ее во веки!»

---

[1] То есть умершего, которого отождествляют с богом Осирисом.

Таким образом, амулет души должен был дать душе возможность и соединяться с мумифицированным телом, и пребывать со своим духом (*ху*) и духовным телом по своей воле.

10. Амулет лестницы

В гробницах Древнего и Среднего царств часто находили небольшие предметы из дерева и других веществ в форме лестниц, но значение их не всегда очевидно. Из текстов, начертанных на стенах коридоров и покоев пирамид Унаса, Теты, Пепи и других ранних царей, ясно, что первобытные египтяне верили, будто пол неба, служивший также небосводом этого мира, сделан из огромной железной плиты прямоугольной формы, четыре угла которой покоятся на четырех столбах, обозначающих страны света. На этой железной плите жили боги и блаженные умершие, и стремлением всякого доброго египтянина было попасть туда после смерти. В некоторых священных местах край плиты так близко подходил к вершинам гор, что умерший мог легко вскарабкаться на нее и так получить доступ на небо, но в других местах расстояние между нею и землей было столь велико, что ему требовалась помощь, чтобы до нее добраться. Существовало поверье, что и сам Осирис с некоторым трудом поднялся на железную плиту и что лишь посредством лестницы, которую дал ему отец его Ра, он наконец взошел на небо. По одну сторону лестницы стоял Ра, а по другую — Гор[2], сын Исиды, и

каждый из этих богов помогал Осирису взойти по ней. Первоначально двумя стражами лестницы были Гор Старший и Сет, и в ранних текстах есть несколько упоминаний о помощи, которую они оказывали умершему, которого, разумеется, отождествляли с богом Осирисом. Но, чтобы либо напомнить этим богам об их мнимой обязанности, либо принудить их исполнить ее, на мертвое тело в гробнице или подле него часто клали модель лестницы и составляли особое сочинение, благодаря которому лестница становилась средством восхождения умершего на небо. Так, в тексте, написанном для Пепи[3], умерший обращается к лестнице с такими словами:

[2] «Унас», строка 579.

[3] Строка 192 и сл.

> «Привет тебе, о божественная Лестница! Привет тебе, о Лестница Сета! Встань прямо, о божественная Лестница! Встань прямо, о Лестница Сета! Встань прямо, о Лестница Гора, по которой Осирис вышел на небо, когда употребил свою магическую силу на Ра… Ибо Пепи — сын твой, и Пепи — Гор, и ты родила Пепи так же, как родила бога, который есть владыка Лестницы (то есть Гора); и ты дашь Пепи Лестницу бога (то есть Гора), ты дашь ему Лестницу бога Сета, по которой этот Пепи выйдет на небо, когда употребит свою магическую силу на Ра. О бог тех, чьи двойники (*кау*) проходят дальше, когда Око Гора парит на крыле Тота на восточной стороне божественной Лестницы (*или* Лестницы Бога), о люди, чьи тела [пошли бы] на небо, Пепи — Око Гора, и, когда Око обращается к какому-либо месту, где он есть, Пепи идет бок о бок с Оком Гора; и вы, братья богов, возрадуйтесь, что Пепи странствует среди вас. И братья Пепи, которые суть боги, будут рады, встретив Пепи, как рад Гор, когда встречает свое Око. Он поставил свое Око пред отцом своим Себом, и всякий бог и всякий

дух простирает руку к Пепи, когда он выходит на небо с Лестницы. Пепи нет нужды ни „пахать землю“, ни „собирать приношение“; и нет ему нужды ни идти в Чертог, что в Анну (Гелиополе), ни в Чертог Утра, что в Анну; ибо то, что он видит, и то, что он слышит, будет кормить и питать его, когда он явится на небе с Лестницы. Пепи восходит, как урей на челе Сета, и всякий бог и всякий дух простирает руку к Пепи на Лестнице. Пепи собрал свои кости, он собрал свою плоть, и он быстро взошел на небо посредством двух пальцев[4] бога Лестницы (то есть Гора)».

[4] Ср.: «Дай же Пепи эти два пальца, которые ты дал Неферт, дочери великого бога, как вестников с неба на землю» («Пепи», строка 422).

В другом месте[5] к богам Хонсу, Септу и другим взывают, чтобы они принесли лестницу Пепи, а саму лестницу заклинают прийти со своим именем; а еще в одном месте[6] мы читаем:

[5] «Пепи», строка 200.

[6] «Пепи», строка 471.

«Привет тебе, о Лестница, поддерживающая золотой сосуд Духов Пе и Духов Нехена, простри руку твою к этому Пепи, и пусть он займет место свое между двумя великими богами, что в месте этого Пепи; возьми его за руку и веди его к Сехет-Хетеп (то есть к Елисейским Полям), и пусть он займет место свое среди звезд, что на небе».

Значение лестницы видно и в фиванской редакции «Книги мертвых», ибо в главе CXLIX[7] умерший говорит: «Я ставлю Лестницу среди богов, и я божественное существо среди них»; а в главе CLIII он говорит: «Осирис Ну выйдет по вашей Лестнице, которую сделал для него Ра, и Гор и Сет крепко возьмут его за руку». Наконец, когда обычай класть модель лестницы в гробницу вышел из употребления, жрецы восполнили эту нужду умерших,

рисуя лестницу на папирусах, на которых писали тексты из «Книги мертвых» и которые погребали вместе с ними[8].

[7] См. мои «Главы о выходе днем» (перевод, с. 270).

[8] См. «Папирус Ани», 2-е изд., табл. 22.

11. Амулет двух пальцев

Этот амулет изображает два пальца, указательный и средний, которыми бог Гор помогал отцу своему Осирису взойти по лестнице[9] на небо, как было описано выше; его находят внутри мумий, и делают его обычно из обсидиана или гематита.

[9] См. «Пепи», строка 196.

12. Амулет Ока Гора

Амулет Ока Гора, или *уджат*, — один из самых распространенных, и употребление его, по-видимому, было всеобщим во все времена. Его делали из золота, серебра, гранита, гематита, сердолика, лазурита, фаянса, дерева и т. д., хотя рубрика одной поздней главы «Книги мертвых»[10] предписывает делать этот амулет либо из лазурита, либо из камня *мак*. *Уджат* бывает двух видов: один обращен влево, другой вправо, и вместе они изображают два ока Гора, одно из которых, согласно древнему тексту, было белым, а другое черным; с другой точки зрения, один *уджат* представляет Солнце, а другой Луну, то есть соответственно Ра и Осириса. Но, вообще говоря, когда египтяне носили *уджат* как амулет, они хотели, чтобы он приносил им благо силы, бодрости, защиты, безопасности, доброго здоровья и тому подобного, и имели при этом в мыслях Око Гора, вероятно белое, то есть Солнце. В религиозных текстах часто встречается выражение *мех уджат*, то

есть «наполнение *уджата*», и из многих соображений ясно, что его следует понимать как указание на Солнце в летнее солнцестояние; таким образом, амулет, по-видимому, должен был приносить своему носителю силу и здоровье, подобные силе Солнца в ту пору года, когда оно всего могущественнее. В CLXVII главе «Книги мертвых» умерший говорит:

[10] То есть CXL.

> «Бог Тот принес *уджат* и дал ему успокоиться после того, как он удалился, о Ра. Он был тяжко поражен бурей, но Тот дал ему успокоиться после того, как он вышел из бури. Я невредим, и он невредим; я невредим, и он невредим; и Небсени, владыка благочестия, невредим».

Чтобы умерший получил от амулета *уджат* полную пользу, надлежало сделать его из лазурита, покрыть золотом и затем принести ему приношения в летнее солнцестояние; после этого следовало сделать другой — из яшмы, и если, после того как над ним прочитана названная глава (CXL), его клали на любую часть тела умершего, тот становился богом и занимал свое место в ладье Ра. В это солнцестояние надлежало зажечь двенадцать жертвенников[11]: четыре для Ра-Тему, четыре для *уджата* и четыре для прочих богов, упомянутых в главе. Любопытный пример употребления *уджата* встречается в греческом заклинании для отыскания вора, написанном уже в IV веке нашей эры[12]. В нем нам велят: «Возьми траву *хелкбей* и воловик, выжми сок, сожги истолченные листья и смешай пепел с соком. Помажь и напиши этими веществами на стене: Хоо. И возьми простой кусок дерева, и вырежь из него молоток, и ударяй им по уху, произнося такое заклинание: „Заклинаю тебя святыми именами, выдай вора, который унес такую [-то] вещь, — Халхак, Халкум, Хиам, Хар, Хрум,

Збар, Бери, Збарком, Хре, Кариоб, Фарибу, — и грозными именами αεεηηηιιιοοοοουυυυυυωωωωωωω“»[13]. После этих слов мы видим изображение *уджата*, по обе стороны которого гласные расположены вот так:

[11] По одному на каждый месяц года.

[12] Кеньон, «Каталог греческих папирусов», с. 64.

[13] Семь гласных, как полагали в гностической системе, заключали в себе все имена Бога и потому были весьма могущественны, когда их употребляли как заклинание.

ω		*α*
υυ		*εε*
ιιι		*ηηη*
ηηηηη		*ιιιι*
εεεεεε		*ηηηηη*
αααααααα		*εεεεεε*
		αααααααα

Заклинание продолжается: «„Выдай вора, который украл такую [-то] вещь: доколе я бью по уху этим молотком, пусть око вора будет поражено и воспалено, пока не выдаст его“. Произнося эти слова, ударяй молотком»[14].

[14] См. Гудвин, «Фрагмент греко-египетского сочинения о магии», с. 7.

13. Амулет «жизни» ☥ (анх)

Предмет, который изображает этот амулет, неизвестен, и из всех высказанных о нем догадок нет менее вероятной, чем та, что приписывает ему фаллическое происхождение. Что бы он ни изображал, он несомненно символизирует «жизнь»; его держит каждый бог, и, по-видимому, уже в древнейшие времена он был условным изображением некоего предмета, который в самую отдаленную эпоху употреблялся как амулет. В папирусе Ани (2-е

изд., табл. 2) анх поднимается из столба *тет*, и руки, выступающие из него, поддерживают диск солнца, как здесь показано. Этот амулет делали из различных веществ, и употреблялся он главным образом как подвеска ожерелья.

14. Амулет нефер

Этот амулет означает «счастье, удача» и т. п. и изображает музыкальный инструмент; его делали из сердолика, красного камня, красного фаянса и тому подобного, и он был весьма излюбленной формой подвесок для ожерелий и низок бус.

15. Амулет змеиной головы

Этот амулет клали на мертвое тело, чтобы уберечь его от укусов змей в загробном мире или в гробнице. Его делают из красного камня, красной яшмы, красной пасты и сердолика. Так как богиню Исиду часто изображают в виде змеи и красный цвет присущ именно ей, то, по-видимому, в основе употребления этого амулета лежала мысль одолеть змей в гробнице силою великой богини-змеи Исиды. Эта сила была передана амулету словами XXXIV главы «Книги мертвых», которые часто надписывают на нем. Текст гласит:

«О Змей! Я — пламя, сияющее над Отверзающим сотни тысяч лет, и знамя бога Тенпу, — или, как говорят другие, знамя молодых растений и цветов. Отойдите от меня, ибо я — божественная Рысь».

Некоторые полагали, что змеиная голова изображает змею, венчающую баранью голову на орудии *ур-хекау*, которым пользовались при совершении обряда «Отверзания уст»[15].

[15] См. описание этого обряда в главе VI.

Жрец-чтец (*кхери-хеб*) касается статуи умершего орудием *ур-хекау*, чтобы совершить «отверзание уст». (Из «Папируса Ани», табл. 15.)

16. Амулет менат

Этот амулет был в употреблении в Египте уже при VI династии; его носили, держали или несли вместе с систром боги, цари, жрецы, жрицы и т. д.; обычно его держат в руке, но часто носят и

на шее. Назначение его было приносить носителю радость и здоровье, и верили, что он обладает магическими свойствами; он олицетворял питание[16] и силу, и считалось, что в нем соединена мощь мужских и женских детородных органов, рассматриваемых мистически. Амулет делают из бронзы, камня, фаянса и других веществ, и, положенный на тело умершего, он приносил ему силу жизни и воспроизведения.

[16] Слово *менат* связано с корнем, от которого происходит слово «кормилица» (*менат*); см. статью Лефебюра «Менат и имя евнуха» в «Записках Общества библейской археологии», 1891, с. 333 и сл.

17. Амулет сам

Этот амулет, вероятно, изображает некий орган человеческого тела, и употребление его весьма древнее; его делают из лазурита и других твердых каменных веществ, и в позднее время его часто находят в пеленах мумий. Первоначальное его значение — «соединение», и относится оно к животному наслаждению.

18. Амулет шен

Этот амулет изображает орбиту солнца, и он стал символом неопределенного периода времени, то есть вечности; его клали на тело умершего, чтобы дать ему жизнь, которая длилась бы столько, сколько солнце обращается по своей орбите в небесах. На изображении погребального покоя[17] видно, как богини Исида и Нефтида стоят на коленях, опираясь руками на *шен*. Изображения *шен* рисовали на стелах, гробах и т. д.; как амулет его обычно делают из лазурита или сердолика. Полагали, что амулет картуша не что иное, как вытянутый *шен*, но, вероятно, он связан с обычным значением знака , то есть «имя».

[17] См. «Папирус Ани», 2-е изд., табл. 33, 34.

19. Амулет ступеней

Этот амулет, по-видимому, имеет два значения: восхождение на небо и престол Осириса. Согласно одному преданию, когда бог Шу пожелал поднять богиню Нут из объятий бога Себа, чтобы ее тело, опирающееся на вытянутые руки и ноги, образовало небо, он обнаружил, что недостаточно высок для этого; в этом затруднении он воспользовался ступенями и, взойдя на самый их верх, оказался в силах совершить свое дело. В четвертом отделе Елисейских Полей[18] изображены три таких всхода ступеней. В XXII главе «Книги мертвых» умерший молится, чтобы ему «иметь долю с тем, кто на вершине ступеней», то есть с Осирисом, а на погребальных виньетках этот бог изображен сидящим на вершине ступеней и держащим свои обычные знаки власти и владычества. Амулет ступеней обычно делают из зеленого или синего глазурованного фаянса.

[18] См. «Папирус Ани», 2-е изд., табл. 35.

20. Амулет лягушки

Этот амулет — символ кишащей жизни и воскресения. Богиня с головой лягушки Хекет, жена Хнума, была связана с воскресением, и этот амулет, положенный на тело умершего, должен был передать ему ее силу. Лягушку часто изображают на верхней части греческих и римских терракотовых светильников, которые находят в Египте, и на одном из них по-гречески написано: «Я — воскресение»[19].

[19] См. Ланцоне, «Словарь», с. 853.

Описанные выше амулеты — те, что чаще всего находят в гробницах и на мумиях, но известны и некоторые другие, например: белая корона Юга, красная корона Севера, горизонт, то есть место, где восходит солнце, угол, знаменующий защиту, рога, диск и перья, отвес и т. д. Кроме того, всякое кольцо, или подвеска, или украшение, или любой вообще предмет, на котором было начертано имя бога, или его эмблема, или изображение, становились амулетом с охранительной силой; и, по-видимому, эта сила оставалась действенной, пока существовало вещество и пока имя, эмблема или изображение не были стерты с него. Употребление амулетов было обычным в Египте с древнейших времен до римской эпохи, и, когда египтяне приняли христианство, они вместе с гностиками и полухристианскими сектами внесли в свою новую веру многие взгляды и верования, которых держались их так называемые языческие предки, а с ними и употребление имен древних египетских богов, и богинь, и демонов, и формул, которыми они пользовались почти так же, как ими пользовались в старину.

ГЛАВА III

МАГИЧЕСКИЕ ФИГУРКИ

✦

Выше было сказано, что имя, эмблема или изображение бога или демона могли стать амулетом, наделенным силой охранять того, кто его носил, и что сила эта держалась до тех пор, пока держалось вещество, из которого амулет был сделан, если только имя, эмблема или изображение не были с него стерты. Но египтяне пошли на шаг дальше и верили, что можно передать *фигуре* любого мужчины, или женщины, или животного, или иного живого существа душу того существа, которое она изображала, а вместе с душой — его свойства и качества. Статуя бога в храме заключала в себе дух того бога, которого она изображала, и с незапамятных времен народ Египта верил, что во всякой статуе и во всякой фигуре обитает дух. Когда египтяне, обращенные в христианство, ополчались на «идолов язычников», они тем самым доказывали, что держатся этой веры, ибо всегда старались низвергнуть статуи богов греков и римлян, зная, что, если статуи однажды будут разбиты, духам, обитавшим в них, негде будет обитать и они станут бездомными и бессильными. Следует вспомнить, что в апокрифических евангелиях сказано, будто, когда Дева Мария и ее Сын прибыли в Египет, «было движение и сотрясение по всей земле, и все идолы упали со своих подножий и разбились на куски». Тогда все жрецы и вельможи пошли к одному

жрецу, с которым «из идола обычно говорил бес», и спросили его, что означают эти дела; и когда он объяснил им, что на землю Египта ступила нога сына «тайного и сокровенного бога», они приняли его совет и сделали изображение этого бога. Египтяне признали, что новый бог больше всех их богов, вместе взятых, и вполне готовы были поставить ему статую, ибо верили, что, сделав это, они принудят хотя бы часть духа «тайного и сокровенного бога» прийти и поселиться в ней. На следующих страницах мы постараемся описать главные способы, какими египтяне употребляли фигуры богов, людей и животных, которым магическая сила была сообщена посредством некоторых символических обрядов и чтения некоторых слов силы, и показать, как их можно было обращать и на добро, и на зло.

Один из древнейших примеров употребления магической фигуры описан в папирусе Весткар[1], где мы читаем, что царевич Хаф-Ра рассказал Хуфу (Хеопсу) о событии, которое случилось во времена Неб-ка, или Неб-кау-Ра, царя III династии, царствовавшего около 3830 г. до н. э. По-видимому, этот царь однажды посетил одного из своих высоких сановников по имени Аба-анер, жена которого страстно влюбилась в одного из воинов царской свиты. Эта госпожа послала к нему свою служанку с подарком — ларцом, полным одежд, и служанка, очевидно, открыла ему желание своей госпожи, ибо он вернулся вместе с нею в дом Аба-анера. Там он увидел жену и назначил ей свидание в маленьком доме, стоявшем в поместье ее мужа, а она велела одному из управителей Аба-анера приготовить этот дом к прибытию ее самой и ее возлюбленного. Когда все было готово, она пришла в тот дом и провела там весь день до заката, пируя и предаваясь любви с этим человеком; а когда настал вечер, он встал и спустился к реке, и служанка омыла его в ее водах. Но

управитель, приготовивший дом, объявил, что должен известить об этом деле своего господина, и на следующее утро, едва рассвело, пошел к Аба-анеру и рассказал ему обо всем, что случилось. Сановник ничего не ответил на донесение слуги, но велел принести ему кое-какие припасы и свой ларец из черного дерева и драгоценного металла. Из ларца он вынул некоторое количество воска, который, без сомнения, хранился там для целей, подобных той, ради которой часть его теперь должна была пойти в дело, и вылепил изображение крокодила длиною в семь пядей, а затем, прочитав над ним некие магические слова, сказал: «Когда человек сойдет купаться в моих водах, схвати его». Потом, обратившись к управителю, он отдал ему воскового крокодила и сказал: «Когда человек, по своему ежедневному обычаю, сойдет омыться в воде, ты бросишь крокодила вслед за ним»; и управитель, взяв воскового крокодила у своего господина, пошел своей дорогой.

---

[1] Изд. Эрмана, с. 7 и 8.

И снова жена Аба-анера велела управителю, ведавшему поместьем, приготовить дом, стоявший в саду, «ибо, — сказала она, — вот, я иду провести в нем некоторое время». И дом был приготовлен и снабжен всякими добрыми вещами, и она пришла с тем человеком и провела с ним там некоторое время. И когда настал вечер, человек сошел к воде омыться по своему ежедневному обычаю, а управитель сошел вслед за ним и бросил в воду воскового крокодила, и тот тотчас обратился в живого крокодила длиною в семь локтей (то есть около двенадцати футов), схватил человека и утащил его под воду.

Тем временем Аба-анер семь дней пребывал при своем царе Неб-кау-Ра, а человек оставался в глубине вод, и ему нечем было

дышать. И на седьмой день Аба-анер, *кхери-хеб*[2], вышел с царем на прогулку и пригласил его величество прийти и самому посмотреть на дивное дело, которое случилось с одним человеком в его дни; и царь пошел с ним. Когда они пришли к воде, Аба-анер заклял крокодила, сказав: «Принеси сюда человека», — и крокодил вышел из воды, неся с собою человека. А когда царь заметил, что крокодил — чудовище страшного вида, Аба-анер нагнулся и взял его в руку, и тот тотчас стал восковым крокодилом, каким был прежде. После этого Аба-анер рассказал царю о том, что было между его женой и человеком, которого крокодил вынес из воды, и тогда царь сказал крокодилу: «Возьми то, что твое, и уходи»; и крокодил тотчас схватил человека, прыгнул с ним в воду и исчез в ее глубине. А жену Аба-анера по царскому повелению схватили, отвели на северную сторону дворца и сожгли, а пепел ее бросили в реку. Итак, уже при III династии мы застаем веру в то, что восковой крокодил, над которым были сказаны некие слова, мог по желанию превращаться в живое пресмыкающееся и что теми же средствами человека можно было заставить прожить на дне реки семь дней без воздуха. Заметим также, что великий жреческий сановник, *кхери-хеб*, так привык совершать подобные магические действия, что держал в комнате ларец с припасами и орудиями, всегда готовыми для этой цели; и, по-видимому, ни он сам, ни его царь, ни его слуга не считали, что творение магии несовместимо с его высоким религиозным саном.

[2] То есть жреческий сановник, совершавший важнейшие из погребальных обрядов; это всегда был человек великой учености и обычно высокого звания.

Но в то самое время, когда Аба-анер творил магию посредством восковых фигур, вероятно, во вред и на погибель своим врагам, жрецы заботились о счастье и благополучии умерших также

посредством фигур, сделанных из различных веществ. Согласно одному очень древнему верованию, умершие держали путь в область, называемую Сехет-Аару, где вели жизнь, не слишком отличавшуюся от той, какую вели на земле. По изображениям этого места, нарисованным на гробах XI династии, мы видим, что оно было окружено потоками воды и изрезано каналами и, в сущности, очень походило на обыкновенное хорошо устроенное поместье в Дельте. Существа, жившие в этом месте, имели, однако, те же нужды, что и люди, то есть нуждались и в пище, и в питье, иначе говоря, в хлебных лепешках и пиве. Существование хлеба и пива предполагало существование пшеницы и ячменя, а их выращивание предполагало обработку земли и труд земледельцев. Но египтянин вовсе не желал продолжать в мире за гробом труды пахоты, жатвы и подготовки земли под новый посев и потому старался избежать их, поручив работу другим. Если слова силы, сказанные над фигурой, могли заставить ее творить зло, то так же точно слова силы, сказанные над фигурой, могли заставить ее творить добро. Сначала была составлена формула[3], чтение которой, как думали, избавляло умершего от необходимости исполнять какую бы то ни было работу, и когда умерший сам говорил: «Я поднимаю руку человека, который бездействует. Я пришел из города Унну (Гермополя). Я — божественная Душа, которая живет, и я веду с собою сердца обезьян», — его существование, как думали, становилось свободным от трудов. Но так как обитатели Сехет-Аару нуждались в пище и питье, надлежало позаботиться о том, чтобы их производить, и необходимые полевые работы так или иначе должны были исполняться. Чтобы выйти из этого затруднения, вместе с умершим хоронили маленькую каменную фигурку, изображавшую его самого, но прежде чем положить ее в гробницу,

жрецы читали над нею слова силы, которые должны были заставить ее исполнять за умершего всякую работу, какую ему присудят исполнять в царстве Осириса. Позднее эти слова стали надписывать на фигурке иероглифами, а еще позднее фигурку стали снабжать изображениями веревочной корзины, плуга и цепа — орудий, какими египетский земледелец пользовался, когда носил плоды полей, пахал и молотил зерно. Формула[4], или слова силы, которые надписывали на таких фигурках, в разные времена была различной, но в одной из древнейших, бывшей в употреблении при XVIII династии, умерший говорит фигурке, которую называли «шабти»:

[3] То есть глава V «Книги мертвых».

[4] То есть глава V «Книги мертвых».

> «О ты, фигурка шабти писца Небсени! Если призовут меня или если присудят мне исполнить какую бы то ни было из работ, какие человек должен исполнять в загробном мире в свой черед, — вот, всякие препятствия (*или* противодействие) тебе будут там устранены, — пусть всегда падает приговор на тебя вместо меня, когда нужно будет засевать поля, наполнять каналы водою и переносить пески с востока на запад».

За этими словами следует ответ фигурки: «Воистину я здесь и [исполню] все, что ты велишь мне исполнить». Египтяне всего более желали избежать трудов по посыпке земли удобрением[5] и посева семян — работы, которую человеку приходилось исполнять, стоя в воде под солнцем, — а также тяжкого труда у *шадуфа*, то есть снаряда для подъема воды из Нила и выливания ее на землю. В гробницах находят не одну фигурку, а несколько, и говорят, что в гробнице Сети I, царя Египта около 1370 г. до н. э., было найдено не менее семисот деревянных *ушебти*,

надписанных VI главой «Книги мертвых» и покрытых битумом. Употребление фигурок *шабти* продолжалось не ослабевая вплоть до римской эпохи, когда вместе с умершими клали в гробницы ящики, полные неуклюжих фаянсовых фигурок без надписей.

[5] Таков, я думаю, смысл слов о переносе песка с востока на запад.

Следующий пример употребления магических фигур, заслуживающий упоминания, мы находим в официальном отчете о заговоре против Рамсеса III, царя Египта около 1200 г. до н. э. По-видимому, несколько высоких сановников, и в их числе Смотритель казны, а также некоторые писцы составили заговор против этого царя, очевидно, с целью свергнуть его с престола. Они вовлекли в свои замыслы нескольких придворных женщин (некоторые думают, что те принадлежали к *гарему*), и главное жилище этих женщин стало местом сбора заговорщиков. Одного сановника обвиняли в том, что он «разносил их слова их матерям и сестрам, которые были там, чтобы возмущать людей и подстрекать злодеев сделать зло своему господину»; другого — в том, что он помогал заговору и поощрял его, сделавшись заодно с зачинщиками; третьего — в том, что он знал все дело и утаил то, что знал; еще одного — в том, что он «слушал беседы мужчин, сговаривавшихся с женщинами Пер-хента, и не донес на них», и так далее. Вскоре заговор распространился из Египта на Эфиопию, и в него был вовлечен высокий военный начальник этой страны: его втянула сестра, которая убеждала его: «Подстрекни людей совершить преступление и сам приди сделать зло твоему господину»; а сестра этого начальника находилась в Пер-хенте и потому могла сообщать брату последние известия о том, как растет смута. Не довольствуясь попыткой свергнуть царя восстанием и воинов, и простых жителей, некий высокий

сановник Хуи, который был смотрителем [царских] стад, задумал призвать на помощь их злым замыслам магию и с этой целью пошел к одному человеку, имевшему доступ в царскую библиотеку, и получил от него книгу, содержавшую формулы магического свойства и наставления о том, как творить магию. С помощью этой книги он обрел «божественную силу» и стал способен наводить на людей чары. Завладев книгой, он затем стал искать место, где мог бы без помехи заниматься своим магическим делом, и наконец нашел его. Там он принялся делать из воска фигуры людей, а также амулеты, надписанные словами магической силы, которые должны были возбуждать любовь, и ему удалось пронести их в царский дворец через сановника Атирму; и похоже на то, что и те, кто проносил их во дворец, и те, кто их принимал, находились под магической властью Хуи. Вероятно, любовные зелья предназначались для женщин, замешанных в заговоре, но о назначении восковых фигур сомнений нет, ибо они должны были причинить зло царю. Тем временем Хуи с великим усердием изучал свое магическое дело, и ему удалось найти действенные средства, чтобы совершить все «ужасные дела и все злодеяния, какие только могло измыслить его сердце»; этими средствами он пользовался со всей серьезностью и в конце концов совершил великие преступления, которые были мерзостью для всякого бога и всякой богини, а наказанием за такие преступления была смерть. В другом месте Хуи обвиняют в том, что он писал книги, или формулы магических слов, действие которых должно было лишать людей рассудка и наводить на них ужас, и делал из воска богов, а из того же вещества — фигуры людей, которые должны были поражать изображенных ими людей расслаблением и бессилием. Но старания их были тщетны: заговор раскрыли, и все дело

тщательно расследовали два небольших судебных собрания, члены которых по большей части были личными друзьями царя; а царь повелел им так: «Те, кто виновен, пусть умрут от собственной руки, а мне ничего об этом не говорите». Первое собрание, состоявшее из шести членов, разбирало проступки мужей и родственников царских женщин, а также проступки самих женщин, но еще до того, как они кончили дело, трое из них были взяты под стражу, ибо обнаружилось, что женщины приобрели над ними великое влияние, что они пировали вместе с женщинами и что вследствие этого они перестали быть беспристрастными судьями. Их удалили с тех почетных мест, которые они занимали при царе, и, после того как их допросили и вина их была ясно доказана, им отрезали уши и носы в наказание и в предостережение другим, чтобы те не заводили дружбы с врагами царя. Второе собрание, состоявшее из пяти членов, разбирало дела тех, кого обвиняли в том, что они «возмущали людей и подстрекали злодеев сделать зло своему господину», и, признав их виновными, оно приговорило шестерых из них к смерти, одного за другим, в таких словах:

> «Пентаура, которого называют также другим именем. Он был приведен за преступление, которое совершил в связи со своей матерью Ти, когда она составила заговор с женщинами Пер-хента, и за то, что имел умысел сделать зло своему господину. Его привели пред собрание судей, чтобы он получил приговор, и они нашли его виновным и отпустили его на его собственную смерть, и он принял смерть от собственной руки».

Несчастный Хуи, который делал восковые фигуры и чары с умыслом причинить царю боль, страдания и смерть, также был принужден покончить с собой[6].

[6] См.: Деверия, «Туринский судебный папирус», в «Азиатском журнале», 1865; и Шаба, «Магический папирус Харриса», с. 169 и сл.

Приведенная выше история знаменитого заговора против Рамсеса III весьма полезна тем, что доказывает: в царской библиотеке существовали книги магии, и были они не просто рассуждениями о магических делах, но настоящими сочинениями с подробными наставлениями читателю о том, как совершать обряды, необходимые для того, чтобы формулы, или слова силы, возымели действие. Мы видели теперь, что восковые фигуры употребляли и на добро, и на зло от III до XX династии и что представления египтян о них около 1200 г. до н. э. были почти теми же, что и за две с половиной тысячи лет до того; мы видели также, что широко было распространено употребление фигурок *ушебти*, назначение которых — освободить умершего от необходимости трудиться в мире за гробом. Нечему удивляться, что такие фигуры употреблялись в додинастическую пору, когда египтяне медленно восходили от первобытной жизни к цивилизации, и не должно изумлять нас и то, что они уцелели как пережиток при первых династиях, прежде чем народ в целом понял, что великие силы Природы, которые он обожествлял, не могут подчиняться человеку и его ничтожным словам и делам, как бы таинственны и торжественны они ни были. Весьма замечательно, однако, обнаружить, что употребление восковых фигур занимало видное место в некоторых ежедневных службах, которые совершались в храме бога Амона-Ра в Фивах, а еще замечательнее то, что службы эти совершались в то время, когда египтяне славились среди народов цивилизованного мира своей ученостью и мудростью. Одна дружина жрецов, состоявшая при храме, была занята переписыванием гимнов и религиозных сочинений, в которых единство, могущество и мощь Бога

выражены в недвусмысленных словах, а в то же самое время другая дружина совершала службу, цель которой состояла в том, чтобы избавить Солнце, обожествленное в образе Ра и бывшее образом и символом Бога на земле, от нападений чудовища по имени Апоп!

Следует вспомнить, что глава XXXIX «Книги мертвых» — сочинение, написанное с целью одолеть некоего змея, которому дается много имен, и избавить умершего от его нападений. В ней мы находим описание того, как побеждают чудовище, и умерший говорит ему:

> «Ра заставляет тебя повернуть назад, о ты, ненавистный ему; он взирает на тебя — отступи. Он пронзает твою голову, он рассекает твое лицо, он раскалывает твою голову по обе стороны дорог, и она раздавлена в его земле; кости твои сокрушены на куски, члены твои отсечены от тебя, и бог Акер осудил тебя, о Апоп, враг Ра. Отступи, Изверг, пред стрелами его лучей! Ра низверг твои слова, боги обратили твое лицо назад, Рысь разодрала твою грудь, Скорпион наложил на тебя оковы, и Маат послала тебе погибель. Боги юга и севера, запада и востока наложили на него цепи и сковали его оковами; бог Рекес низверг его, и бог Хертит заковал его в цепи»[7].

[7] См. «Главы о выходе днем», с. 89.

Древность этого сочинения неизвестна, но оно встречается, с разночтениями, во многих списках «Книги мертвых», сделанных при XVIII династии. Позднее, однако, заключенные в нем представления получили развитие, само сочинение сильно разрослось, и ко времени Птолемеев оно стало книгой под названием «Книга низвержения Апопа», которая содержала двенадцать глав. В то же время существовало и другое сочинение

под тем же названием; оно не было разделено на главы, но содержало два изложения истории Творения, перечень злых имен Апопа и гимн Ра[8]. Среди глав первого из этих сочинений была одна под названием «Глава о наложении огня на Апопа», которая гласит:

[8] Иероглифический текст обоих сочинений с переводами я дал в «Археологии», т. LII.

> «Огонь на тебя, Апоп, враг Ра! Око Гора одолевает проклятую душу и тень Апопа, и пламя Ока Гора вгрызется в этого врага Ра; и пламя Ока Гора пожрет всех врагов Могучего Бога — жизнь! сила! здоровье! — и в смерти, и в жизни».
>
> «Когда Апопа предают пламени, — говорит рубрика, — ты скажешь эти слова силы: „Вкуси смерть, о Апоп, отступи, удались, о враг Ра, пади, будь отражен, отступи и удались! Я отогнал тебя и рассек тебя на куски.
>
> Ра торжествует над Апопом. Вкуси смерть, Апоп.
> Ра торжествует над Апопом. Вкуси смерть, Апоп.
> Ра торжествует над Апопом. Вкуси смерть, Апоп.
> Ра торжествует над Апопом. Вкуси смерть, Апоп“».

Эти последние слова произносились четыре раза, то есть по разу для каждого из богов четырех стран света. Текст продолжает: «Назад, Изверг, конец тебе! Потому я метнул в тебя пламя, и потому я предал тебя гибели, и потому я присудил тебя ко злу. Конец, конец тебе! Вкуси смерть! Конец тебе! Никогда не восстанешь ты вновь». Таковы слова силы, а за ними следуют наставления о совершении обряда, которые гласят так:

> «Если ты хочешь погубить Апопа, ты скажешь эту главу над изображением Апопа, нарисованным зеленой краской на листе нового папируса, и над восковой фигурой[9] Апопа, на которой

вырезано его имя, а вырезанное заполнено зеленой краской; и ты положишь их на огонь, чтобы он пожрал врага Ра. И ты положишь такую фигуру на огонь на рассвете, и другую в полдень, и другую вечером, когда Ра заходит в земле жизни, и другую в полночь, и другую в восьмом часу дня, и другую к вечеру; [а если нужно,] ты можешь делать так каждый час дня и ночи, и в дни праздников… и каждый день. Этим Апоп, враг Ра, будет низвергнут посреди ливня, ибо Ра воссияет, и Апоп поистине будет низвергнут».

А когда папирус и фигура «будут сожжены в огне из травы *хесау*, остатки их надлежит смешать с нечистотами и бросить в огонь; ты сделаешь это в шестом часу ночи и на рассвете в пятнадцатый день [месяца]. И когда фигуру Апопа положат в огонь, ты будешь плевать на него по нескольку раз каждый час в продолжение дня, пока не повернется тень. Ты будешь делать это, когда на востоке неба бушуют бури, в то время как Ра заходит, дабы не дать бурям надвинуться. Ты будешь делать это и так не дашь прийти ливню или грозе с дождем, и этим солнце будет принуждено сиять».

---

[9] Феокрит сохранил для нас доказательство того, что греки пользовались восковыми фигурами уже в раннее время. Так, в «Колдуньях» (стих 27 и сл.) женщина, вращая свое колесо и обращаясь к Вертишейке, говорит: «Как я плавлю этот воск с помощью бога, так пусть скорее растает он от любви!» (перевод Ланга, с. 12).

В другом месте этой книги чтецу велено сказать следующее «твердо устами»:

«Ниц на лицо твое, о Апоп, враг Ра! Пламя, исходящее из Ока Гора, наступает на тебя. Ты брошен в пламя огня, и оно идет на тебя. Пламя его смертоносно для твоей души, и для твоего духа, и для твоих слов силы, и для твоего тела, и для твоей тени. Владычица огня одолевает тебя, пламя пронзает твою душу, оно кладет конец твоей особе и вонзается в твой образ. Око Гора, могучее против своего врага, низвергло тебя, оно пожирает тебя, великий огонь

> испытует тебя, Око Ра одолевает тебя, пламя пожирает тебя, и то, что от него ускользает, не имеет бытия. Отступи, ибо ты рассечен на части, душа твоя иссохла, проклятое имя твое погребено в забвении, и молчание над ним, и оно выпало [из памяти]. Ты пришел к концу, ты прогнан, и ты забыт, забыт, забыт» и т. д.

Чтобы эти слова возымели действие, говорящему велено написать имена Апопа на новом папирусе и сжечь его в огне либо тогда, когда Ра восходит, либо в полдень, либо на закате и т. д. В другом месте этого сочинения, после ряда проклятий, которые велено произносить над Апопом, рубрика предписывает, чтобы их читал человек, который омылся и чист по обряду, а когда это будет исполнено, он должен написать зеленой краской на куске нового папируса имена всех злых духов, что следуют за Апопом, а также имена их отцов, матерей и детей. Затем он должен сделать фигуры всех этих злых духов из воска и, надписав на них их имена, связать их черным волосом, а потом бросить их на землю, попрать их левой ногой и пронзить каменным копьем; сделав это, их надлежит бросить в огонь. Не раз сказано: «Хорошо человеку постоянно читать эту книгу пред священным богом», ибо считалось, что исполнение этого дает великую силу «ему, и на земле, и в загробном мире». Наконец, после того как перечислены имена Апопа, тому, кто желает извлечь пользу из знания их, велено «сделать фигуру змея с хвостом во рту и, вонзив ему в спину нож, бросить его на землю и сказать: „Апоп, Изверг, Бетет“». Затем, чтобы погубить злых духов, что следуют за Апопом, надлежит сделать другие их изображения, или фигуры, со связанными за спиной руками; их следует называть «Детьми бездействия». Далее папирус продолжает:

«Сделай другого змея с мордой кошки и с ножом, вонзенным ему в спину, и назови его „Хемхем“ (Рыкающий). Сделай другого с мордой крокодила и с ножом, вонзенным ему в спину, и назови его „Хауна-ару-хер-хра“. Сделай другого с мордой утки и с ножом, вонзенным ему в спину, и назови его „Алути“. Сделай другого с мордой белой кошки и с ножом, вонзенным ему в спину, и обвяжи его, и крепко скрути, и назови его „Апоп Враг“».

Таковы средства, к которым прибегали египтяне, когда хотели отогнать дождь и бурю, гром и молнию, туман и облака и обеспечить ясное, чистое небо, по которому солнце могло бы совершать свой путь.

К «Магическим фигурам», несомненно, следует причислить и так называемую фигуру Птах-Сокер-Аусара, которую обычно делают из дерева; часто она сплошная, но иногда бывает полой и обычно вставлена в прямоугольную деревянную подставку, которая также может быть сплошной или полой. Три бога, или троица, Птах, Сокер (Сокарис) и Аусар (Осирис) должны изображать бога восходящего солнца (Птаха), бога ночного солнца (Сокера) и бога воскресения (Осириса). Имя Птах значит «Отверзающий», и его обычно прилагают к солнцу как к «отверзающему» день; а имя Сокер значит «Тот, кто заключен», то есть ночное солнце, которое считалось на время погребенным. Жизнь же человека на земле отождествляли с жизнью солнца: он «отверзал», то есть начинал, свою жизнь как Птах, а после смерти бывал «заключен», или «положен во гроб», также подобно солнцу. Но солнце восходит снова, когда ночь прошла, и так как оно начинает новую жизнь с обновленной силой и бодростью, оно стало прообразом новой жизни, которую египтянин надеялся прожить в мире за гробом. Трудность, однако, состояла в том, как приобрести покровительство Птаха, Сокера и Осириса и как

заставить их сделать для человека то, что они делали для самих себя, и тем обрести их свойства. Для достижения этой цели изготовляли фигуру так, чтобы в ней соединились главные черты образов этих богов, и вставляли ее в прямоугольную деревянную подставку, которая должна была изображать гроб, или ковчег, из которого выходила троица Птах-Сокер-Аусар. На самой фигуре и на боках подставки надписывали молитвы за человека, для которого ее сделали, и египтянин верил, что эти молитвы заставляют могущество и силы трех богов прийти и поселиться в деревянной фигуре. Но для того чтобы подставка фигуры как можно больше походила на гроб, небольшую часть тела умершего тщательно мумифицировали и помещали в нее, и думали, что если три бога будут охранять и сберегать эту часть и если в свое время оживят ее, то и все тело будет охранено, сбережено и оживлено. Часто, особенно в позднюю эпоху, в боку подставки делали углубление и клали в него маленький свиток папируса, надписанный текстом некоторых глав «Книги мертвых», и таким образом умерший получал дополнительное ручательство в воскресении своего духовного тела в будущем мире. На маленьких свитках папируса часто написаны лишь краткие и отрывочные тексты, но иногда, как в случае жрицы Анхаи, прекрасный большой папирус[10], надписанный многими текстами и украшенный виньетками, помещали внутрь фигуры бога, который в этом случае имеет облик одного лишь Осириса[11]. По-видимому, фигура Птах-Сокер-Аусара была в большом употреблении в Египте в позднюю эпоху, ибо найдено много надписанных образцов, которые не только невозможно прочесть, но которые доказывают, что мастер не имел ни малейшего понятия о смысле того, что писал. Возможно, ими широко

пользовались бедняки, у которых они, по-видимому, заменяли дорогую гробницу.

[10] Этот папирус хранится в Британском музее (№ 10 472).

[11] Британский музей, № 20 868.

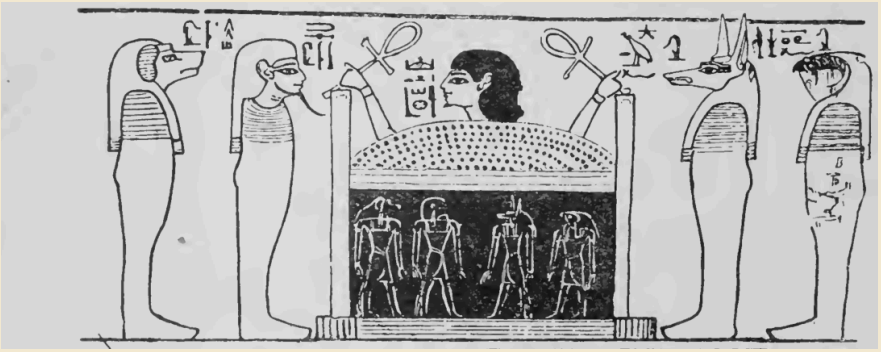

Фигура Птах-Сокер-Аусара с полостью, в которой заключена мумифицированная часть человеческого тела. (Британский музей, № 9736.)

Возвращаясь еще раз к восковым фигуркам, можно удивиться, почему столь большая часть фигурок богов, которые живые носили на себе, а к телам умерших прикрепляли в качестве амулетов, сделана почти из всякого вещества, кроме воска. Но причину этого искать недалеко: воск — вещество, которое легко меняет свою форму от тепла и давления; возможно также, что то обстоятельство, что с незапамятных времен его употребляли для изготовления фигурок, которые должны были приносить человеку вред, а не добро, побудило тех, кто делал амулеты в образе богов, избирать иной материал. Однако на деле известно несколько восковых фигурок богов, служивших охранительными амулетами, и среди них заслуживает внимания набор из четырех фигурок, изображающих четырех сыновей Гора, ныне хранящийся в Британском музее. Четыре сына Гора, или боги четырех стран света, звались Местха, Хапи, Дуамутеф и Кебхсенуф, и с ними были связаны соответственно богини Исида, Нефтида, Нейт и Серкет. Местха был с головой человека, представлял юг и охранял желудок и толстые кишки; Хапи был с головой собаки, представлял север и охранял тонкие кишки; Дуамутеф был с головой шакала, представлял восток и охранял легкие и сердце; а Кебхсенуф был с головой ястреба, представлял запад и охранял печень и желчный пузырь. Различные внутренние органы человека извлекали из тела, прежде чем его мумифицировать, и, вымочив их в неких вяжущих веществах и битуме, обертывали пеленами и клали в четыре сосуда из камня, мрамора, фаянса, глины или дерева. Каждый сосуд отдавали под покровительство одного из четырех сыновей Гора; и так как сосуд был полым, а крышку его делали в виде головы бога, которого он представлял, и так как благодаря надписи на нем сосуд становился обиталищем бога, то вполне можно было сказать, что помещенный в него

орган умершего действительно помещался внутрь самого бога. Обычай бальзамировать внутренности отдельно очень древний, и известно несколько примеров его при XI династии; уже в ту раннюю пору четыре сосуда с мумифицированными внутренностями ставили в погребальный ларь, или ковчег, который устанавливали на салазки и везли в погребальном шествии сразу за гробом. В более позднее время мы находим немало попыток обеспечить умершему благо покровительства этих четырех богов, не неся расходов на каменные сосуды; достичь этого можно было, похоронив с ним четыре модели сосудов, или «ложные» сосуды, либо четыре фаянсовые фигурки четырех богов, либо четыре восковые. По какой-то неизвестной причине упомянутый выше набор был сделан из воска[1]. Четыре сына Гора играли очень важную роль в погребальных сочинениях ранних династий; первоначально они представляли четыре опоры неба, но очень скоро каждого из них стали считать богом одной из четырех частей земли, а также той части небес, что была над нею. Так как неизменной молитвой умершего было, чтобы ему ходить, куда он пожелает, и на земле, и на небе, для его благополучия было совершенно необходимо умилостивить этих богов и стать под их покровительство, а достичь этого можно было лишь чтением неких слов силы над их фигурками или над сосудами, сделанными в их подобие.

[1] № 15563, 15564, 15573 и 15578 во Втором египетском зале.

Четыре сына Гора (слева направо): Хапи, Местха, Дуамутеф, Кебхсенуф. Осирис, встающий из погребального ларя с символом «жизни» в каждой руке. (Из «Папируса Ани», табл. 8.)

Но из всех египтян, искусных в творении магии, первым, если верить греческому преданию, был Нектанеб, последний туземный царь Египта, около 358 г. до н. э. Согласно Псевдо-Каллисфену и переложениям его сочинений, переведенным на пехлеви, арабский, сирийский и еще два десятка языков и наречий, этот царь славился как маг и мудрец и был глубоко сведущ во всей мудрости египтян. Он знал, что таится в глубинах Нила и неба, он был искусен в чтении звезд, в толковании знамений, в составлении гороскопов рождения, в гадании о судьбе и в предсказании будущего еще не рожденного ребенка, а также в творении магии всякого рода, как мы увидим; о нем говорили, что он владыка земли и что он правит всеми царями посредством своих магических сил. Всякий раз, когда ему грозило нашествие с моря или с суши, он сокрушал силу своих врагов и прогонял их от своих берегов или границ, и делал он это следующим образом. Если враг шел на него морем, то, вместо того чтобы высылать против него своих моряков, он удалялся в некий покой и, вынув чашу, которую держал для этой цели, наполнял ее водой, а затем,

сделав из воска фигурки кораблей и людей неприятеля, а также своих людей и кораблей, ставил их на воду в чаше: своих людей по одну сторону, а вражеских по другую. Затем он выходил и, надев плащ египетского пророка и взяв в руку жезл черного дерева, возвращался в покой и, произнося слова силы, призывал богов, которые помогают людям творить магию, и ветры, и подземных демонов, и те тотчас являлись ему на помощь. Их силою восковые фигурки людей оживали и начинали сражаться, и восковые корабли тоже начинали двигаться; но фигурки, изображавшие его людей, одолевали тех, что изображали неприятеля, и, как фигурки кораблей и людей вражеского флота опускались сквозь воду на дно чаши, так и настоящие корабли и люди опускались сквозь воды на дно моря. Так ему удавалось сохранять свою власть, и он довольно долгое время продолжал мирно владеть своим царством. Но случилось однажды, что пришли некие лазутчики и известили Нектанеба, что множество восточных народов заключили союз против Египта и что их союзные силы в эту самую минуту идут на него. Услышав эту весть, царь рассмеялся и, сказав несколько презрительных слов о своих врагах, пошел в свой тайный покой и, налив воды в чашу, начал творить магию обычным образом. Но когда он произнес слова силы, он взглянул на восковые фигурки и, к своему смятению, увидел, что боги Египта правят кораблями неприятеля и ведут его воинов на войну против него самого. И как только Нектанеб это увидел, он понял, что конец царства египетского близок, ибо до сих пор боги охотно беседовали с ним и подавали ему помощь всякий раз, когда он в ней нуждался. Тогда он поспешно покинул покой и, обрив волосы и бороду и переодевшись в простое платье, сел на корабль и бежал в Пеллу в Македонии, где обосновался как врач и египетский прорицатель.

Не касаясь пока содержания IV главы Псевдо-Каллисфена, где описано, как Нектанеб составил гороскоп рождения Олимпиады, мы переходим к тому месту, где рассказывается, каким образом он навел на царицу сон посредством восковой фигурки. Целью его было убедить царицу, что египетский бог Амон придет к ней ночью. Для этого он удалился от нее и, выйдя в пустыню, собрал множество трав, которыми умел пользоваться, чтобы насылать на людей сновидения, и, принеся их с собою, выжал из них сок. Затем он сделал из воска фигурку женщины и написал на ней имя Олимпиады — точно так же, как жрец в Фивах сделал из воска фигуру Апопа и вырезал на ней его имя. После этого Нектанеб зажег свой светильник и, полив соком трав восковую фигурку царицы, заклял демонов с таким успехом, что Олимпиаде приснился сон, в котором бог Амон пришел к ней, и обнял ее, и сказал ей, что она родит младенца мужского пола, который отомстит за нее мужу ее Филиппу. Но описанное выше средство было не единственным, какое знал Нектанеб для наведения снов: когда он пожелал, чтобы Филипп Македонский увидел во сне некие вещи и составил о виденном определенное мнение, он послал к спящему Филиппу ястреба, которого прежде околдовал магическими словами; и за одну ночь ястреб долетел из Македонии до того места, где был Филипп, и, придя к нему, сказал ему, что он должен увидеть во сне, — и тот это увидел. Наутро Филипп велел истолкователю снов растолковать ему сон и удостоверился, что дитя[2], которое должна была родить его жена Олимпиада, — сын бога Амона (или Аммона) Ливийского, которого почитали отцом всех царей, восходивших на престол Египта и не принадлежавших к царскому роду этой страны[3].

[2] То есть Александр Великий.

[3] О снах подробнее см. последнюю главу этой книги.

Здесь, в связи с употреблением восковых фигурок у египтян, следует упомянуть один-два рассказа и предания об Александре Великом, которые явно восходят к египетским источникам. Арабский писатель Абу Шакир, живший в XIII веке нашей эры, приводит предание, будто Аристотель дал Александру множество восковых фигурок, прибитых гвоздями в ящике, который запирался на цепь, и велел ему никогда не выпускать этот ящик из своих рук или по крайней мере из рук кого-нибудь из своих доверенных слуг. Ящик должен был следовать за Александром повсюду, куда бы тот ни шел, и Аристотель научил его читать над ним некие формулы всякий раз, когда он брал его в руки или ставил на место. Фигурки в ящике должны были изображать различные роды вооруженных сил, которые Александр мог встретить против себя. Одни из фигурок держали в руках свинцовые мечи, загнутые назад, у других в руках были копья, обращенные остриями вниз, у третьих — луки с перерезанными тетивами; и все они лежали в ящике лицом вниз. Если смотреть на это в свете того, что мы знаем о понятиях, лежавших в основе употребления восковых фигурок у египтян и греков, ясно, что, снабжая Александра этими моделями и словами силы, которыми следовало при них пользоваться, Аристотель полагал, что дает ему средство сделать его врагов подобными фигуркам в ящике, так что они будут бессильны напасть на него[4].

[4] См. мою книгу «Жизнь и подвиги Александра Великого» (издание в одном томе), с. xvi.

В греко-римский период[5] восковые фигурки употреблялись при совершении всякого рода магических обрядов, и два следующих примера показывают, что понятия, лежавшие в основе их

употребления, нисколько не изменились. Если влюбленный желал добиться благосклонности своей возлюбленной, ему предписывается сделать фигурку собаки из воска, смешанного со смолой, камедью и т. п., длиной в восемь пальцев, а над тем местом, где у нее должны быть ребра, написать некие слова силы. Далее нужно было написать на дощечке другие слова силы, или имена существ, которые, как полагали, обладали магическими силами; на эту дощечку надлежит поставить фигурку собаки, а саму дощечку водрузить на треножник. Когда это сделано, влюбленный должен прочитать слова силы, написанные на боку собаки, а также имена, начертанные на дощечке, и тогда случится одно из двух: собака либо оскалится и щелкнет зубами на влюбленного, либо залает. Если она оскалится и щелкнет зубами, влюбленный не добьется предмета своей страсти, если же залает, дама придет к нему. Во втором примере влюбленному велят сделать две восковые фигурки: одну в образе Ареса, а другую в образе женщины. Женская фигурка должна стоять на коленях со связанными за спиной руками, а мужская — стоять над нею, приставив меч к ее горлу. На членах женской фигурки надлежит написать великое множество имен демонов, а когда это сделано, влюбленный должен взять тринадцать бронзовых игл и вонзить их в ее члены, приговаривая при этом: «Пронзаю (тут он называет член), чтобы она думала обо мне». Далее влюбленный должен написать некие слова силы на свинцовой пластинке, которую следует привязать к восковым фигуркам шнуром с тремястами шестьюдесятью пятью узлами, и фигурку и пластинку надлежит закопать в могиле человека, умершего молодым или погибшего насильственной смертью. Затем он должен прочитать длинное заклинание подземным богам, и, если все это будет сделано надлежащим образом, влюбленный завоюет сердце женщины[6].

[5] Греки пользовались заклинаниями уже в раннюю пору, как мы можем видеть у Пиндара, «Пифийские песни», IV, 213; этот писатель жил в первой половине V века до н. э.

[6] Сведениями об этих двух примерах употребления восковых фигурок, а также о двух заклинаниях для вызывания видений и снов (см. главу VII) и о примере употребления сферы Демокрита (см. главу VII) я обязан г-ну Ф. Г. Кеньону, помощнику хранителя Отдела рукописей Британского музея.

Из Египта через Грецию и Рим употребление восковых фигурок перешло в Западную Европу и Англию, и в Средние века оно пользовалось большой благосклонностью у тех, кто занимался «черным» искусством или желал причинить зло своему ближнему или врагу. Ходит много рассказов о том, как в Италии и Англии невежественные или злонамеренные люди лепили из воска изображения своих врагов и подвешивали их в дымоходе, не слишком близко к огню, чтобы они таяли медленно, и о том, как люди, изображенные такими фигурками, постепенно теряли власть над своими членами, и не могли спать, и медленно чахли и умирали. Если в назначенные сроки в восковые фигурки втыкали булавки и иглы, то страдания живых становились еще мучительнее, а смерть их гораздо болезненнее.

Шарп рассказывает[7], что около конца VII века король Дуффус был столь нелюбим, что «сборище ведьм жарило его изображение, сделанное из воска, на деревянном вертеле, читая некие слова чародейства и поливая фигурку ядовитой жидкостью. Эти женщины, когда их схватили, объявили, что по мере того, как таял воск, тело короля должно было чахнуть, а слова чародейства лишали его отрады сна». Две следующие выдержки из «Ведьмы» Томаса Мидлтона[8] показывают, каких взглядов на восковые фигурки держались в Англии во времена этого писателя[9].

[7] См.: Ч. К. Шарп, «Колдовство в Шотландии», Лондон, 1884, с. 21.

[8] Лондон, 1778.

[9] Родился около 1570 г., умер около 1626 г.

I.

Геката. Что, сердце восковое
Утыкано волшебными иглами?

Стадлин. Готово, Геката.

Геката. А изображенья Фермера и женки
Уже к огню положены?

Стадлин. Обоих тоже жарим.

Геката. Добро:
Так тает тонко мозг в костях у них,
И три месяца хвори высосут из них жизнь.

(Действие I, сцена 2.)

II.

Геката. Какой же смерти ты желаешь Альмахильдесу?

Герцогиня. Внезапной и неприметной.

Геката. Тогда я тебе угодила.
Вот здесь дары того и другого — внезапной и неприметной:
Его изображенье, сделанное из воска и тихо растопленное
На синем огне, разожженном мертвецкими глазами,
Изведет его понемногу.

(Действие V, сцена 2.)

Г-н Элворти в своей весьма занимательной книге «Дурной глаз»[10] приводит несколько поразительных примеров того, как в недавние годы с магической целью сжигали сердца, утыканные булавками. Так, у одной старухи в Мендипе заболела свинья, и она тотчас решила, что животное «сглазили»; в своей беде она

обратилась к «белой ведьме», то есть к «знающему» человеку, и по его указанию поступила так. Она раздобыла овечье сердце и, утыкав его булавками[11], поставила жариться перед огнем, а ее друзья и соседи тем временем пели:

[10] Лондон, 1895, с. 53, 56.

[11] В Северном Райдинге Йоркшира дурные влияния отвращали при помощи живого черного петуха, которого «протыкали булавками и жарили живьем глухой ночью, заткнув все двери, окна, щели и трещины» (см.: Блейкборо, «Остроумие, нрав, фольклор и обычаи Северного Райдинга Йоркшира», Лондон, 1898, с. 205).

«Не это сердце я сжечь хочу,
А сердце того, кого обратить хочу;
Пусть не знает он ни отдыха, ни покоя,
Пока не умрет и не сгинет».

Время от времени ее сын Джордж посыпал огонь солью, что придавало сцене еще больше жути, и наконец, когда жаренье затянулось до глубокой ночи, откуда-то выскочила черная кошка, и ее, разумеется, тотчас объявили тем самым демоном, которого изгнали заклинанием. Далее, в октябре 1882 года сердце, утыканное булавками, нашли в нише дымохода в старом доме в деревне Эшбриттл, а в 1890 году другое такое же нашли прибитым гвоздями внутри «клейвела» в дымоходе старого дома в Стейплгроуве.

Искусство делать такие фигурки король Яков I приписывает «Дьяволу» и, описывая то, что ведьмы способны «производить силою своего хозяина»[12], говорит: «Иных же в эти времена он научает, как делать изображения из воска или глины, дабы через поджаривание оных те особы, чье имя они носят, непрестанно таяли или иссыхали от непрестанной болезни… Они могут околдовать и отнять жизнь у мужчин или женщин, поджаривая

изображения, как я говорил прежде, что равным образом весьма возможно совершить их Хозяину; ибо хотя (как я сказал прежде) сие орудие из воска не имеет никакой силы в таком деле, однако разве не может он весьма хорошо, в той же самой мере, в какой его заклятые рабы растапливают тот воск на огне, — разве не может он, говорю я, в те же самые времена тонко, как дух, столь ослабить и рассеять жизненные духи больного, чтобы, с одной стороны, от изнеможения он выпотевал влагу своего тела, а с другой стороны, от несодействия тех духов, что производят его пищеварение, столь расслабить его желудок, что, когда эта коренная влага непрестанно выпотевает с одной стороны, а новый добрый сок не поступает на ее место за недостатком пищеварения с другой, он наконец истает, точно так же как его изображение погибнет на огне? И тот плутоватый и хитрый работник, мучая его лишь по временам, устанавливает такую соразмерность между действием того и другого, что оба кончатся как бы в одно время». Итак, мы видели, что вере в действенность восковых фигурок по меньшей мере шесть тысяч лет, и, судя по местам из сочинений современных писателей, она и в настоящее время не вовсе неизвестна в нашей собственной стране.

[12] Следующие слова вложены в уста Эпистемона в «Демонологии в форме диалога», Лондон, 1603, книга вторая, гл. V, с. 44, 45.

Эту главу уместно будет закончить рассказом о благе, которое принесла восковая фигурка одному христианскому купцу в Леванте. Согласно эфиопской рукописи в Британском музее[13], человек этот был не только купцом, но и судовладельцем и имел обыкновение отправлять свои товары на рынок на собственных кораблях; однако в его дни море кишело пиратами, и он много терял от их удачных нападений на его суда. Наконец он решил сам отправиться в плавание на одном из своих кораблей с отрядом

вооруженных людей, чтобы иметь возможность отразить любое нападение, какое могли бы предпринять пираты, и покарать их за прежние грабежи. Вскоре после того, как он отплыл, ему встретилось пиратское судно, и между его командой и разбойниками тотчас завязался бой, в ходе которого ему попала в глаз стрела; он прекратил бой и поплыл к гавани, лежавшей близ монастыря, где, как говорили, Дева Мария творила чудеса посредством своего образа, висевшего в нем. Когда купец прибыл в гавань, ему было так худо от раны в глазу, что его нельзя было сдвинуть с места, и оказалось, что в глазу засел обломок поразившей его стрелы; и он чувствовал, что, если не получит скорой помощи Девы, смерть его близка. В этом затруднении некий христианин пришел на корабль, сделал восковую фигурку купца и, воткнув ей в один глаз подобие стрелы, поразившей его, отнес фигурку в монастырь, бывший в нескольких милях оттуда, и упросил монахов позволить ему поднести ее к образу Девы. Когда это было сделано и Деве вознесли молитвы, изображение Девы простерло руку и тотчас вытащило подобие стрелы из глаза восковой фигурки купца, да так, что ни одного обломка не осталось. Когда восковую фигурку отнесли обратно на корабль, оказалось, что обломок стрелы был извлечен из глаза купца в тот самый миг, когда Дева вытащила стрелу из глаза восковой фигурки. После этого глаз купца зажил, и зрение вернулось к нему.

[13] Oriental 646, л. 29b и сл.

ГЛАВА IV

МАГИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ФОРМУЛЫ, ЗАКЛИНАНИЯ И ПРОЧЕЕ

✦

Из сказанного выше ясно, что египтянин считал возможным посредством формул и слов силы оживить всякую фигуру, сделанную в образе человека или животного, и заставить ее действовать в пользу ближнего или против него. Кроме того, он глубоко верил в действенность изображений, или картин, богов, а также божественных существ и предметов, если только над ними были прочитаны слова силы, и прочитаны по всем правилам людьми, надлежащим образом к тому поставленными. Если помнить об этом, многие трудности в понимании религиозных текстов исчезают, и многие на вид ребяческие обстоятельства обнаруживают важный смысл. Заглянув в гробницы раннего периода, мы видим на стенах множество сцен, в которых умерший изображен приносящим жертвы богам и совершающим религиозные обряды, а также множество других, где он распоряжается работами в своем поместье и управляет своим домом. Такие картины рисовали на стенах гробниц не из одной только гордости, ибо в глубине сердца египтянин надеялся и верил, что они в действительности изображают то, что он будет делать в ином мире, и уповал, что слова его молитв превратят картины в действительность, а рисунки — в вещества. Богатый

египтянин оставлял после себя средства на приношения, в которых нуждался его *ка*, или двойник, и мог обеспечить содержание своей гробницы, и часовни *ка*, и жреца или жрецов, которые в ней служили. Все сословия держались того догмата веры, что если *ка* не кормить как должно, то он будет вынужден скитаться и подбирать нечистоты и все прочее того же рода, что найдет у себя на пути, как мы видим из LII главы «Книги мертвых», в которой умерший говорит: «То, что мне мерзость, то, что мне мерзость, да не съем я. То, что мне мерзость, то, что мне мерзость, — это нечистоты; да не съем я их вместо лепешек, [которые приносятся] Двойникам (*кау*). Да не падут они на тело мое; да не буду я принужден брать их в руки мои; и да не буду я принужден ступать по ним в сандалиях моих». А в CLXXXIX главе он молится, чтобы ему не пришлось пить грязную воду или как-либо осквернить ею. Даже богатый человек не был уверен, что положенные приношения мяса и питья могут совершаться или будут совершаться в его гробнице вечно; что же тогда было делать бедняку, чтобы избавить свой *ка* от позора есть нечистоты и пить грязную воду? Чтобы выйти из этого затруднения, делали из камня модель жертвенника и ставили на нее модели лепешек, сосудов с водой, плодов, мяса и т. д.; там, где это было невозможно, изображения приношений высекали на самом камне; в иных же случаях, когда родственники умершего не могли вынести даже расхода на жертвенник, в гробницу ставили жертвенник с нарисованными на нем приношениями, и, пока он существовал, *ка*, благодаря читаемым молитвам, не терпел недостатка в пище. Иногда в гробницу не ставили ни жертвенника, ни модели, ни изображения жертвенника, и единственной заботой о нуждах *ка* была молитва о том, чтобы боги дали умершему погребальные трапезы, начертанная на каком-нибудь предмете погребальной

утвари; но всякий раз, как кто-нибудь, проходя мимо гробницы, читал эту молитву и присоединял к ней имя человека, погребенного в ней, его *ка* получал новый запас приношений мяса и питья, ибо модели или изображения их в надписи тотчас становились настоящими веществами. На внутренних стенках деревянных гробов XII династии, около 2500 г. до н. э., нарисованы целые ряды предметов, которые в еще более раннее время действительно клали в гробницы вместе с мумией; но мало-помалу люди перестали доставлять многочисленные предметы, связанные с погребением умерших, которых требовал древний обряд, и стали полагаться на тексты и формулы, которые писали на гробу, чтобы те превратили изображения в вещества, и, кроме подголовника, почти ничего больше в гробницу не клали.

Богиня Хатхор подает писцу Ани пищу и питье из сикоморы, растущей на берегу потока. (Из «Папируса Ани», табл. 16.)

Писец Ани и его жена стоят в потоке и пьют воду. (Из «Папируса Ани», табл. 16.)

Около тысячи лет спустя, когда религиозные тексты, составлявшие «Книгу мертвых», стали писать на папирусах, а не на гробах, к ним прибавили великое множество иллюстраций, или виньеток; многим из них придавали особое значение, и следующие заслуживают внимания.

Следует вспомнить, что CXXV глава «Книги мертвых» содержит так называемую «Отрицательную исповедь», которую читают в Чертоге Маати, и ряд имен богов и существ, знание которых весьма важно для благополучия умершего. В конце главы мы находим следующее указание: «Эту главу умерший скажет, после того как будет омыт и очищен, и когда будет облачен в одежды, и обут в сандалии из белой кожи, и глаза его будут подведены сурьмой, и тело его будет умащено мазью *анти*, и когда он принесет в жертву быков, и птиц, и ладан, и лепешки, и пиво, и садовые травы. И вот, ты нарисуешь изображение того, что будет

происходить в Чертоге Маати, на новой плитке, вылепленной из земли, по которой не ступала ни свинья, ни иное животное. И если ты напишешь на ней эту главу, умерший будет процветать, и дети его будут процветать, и имя его никогда не придет в забвение, и хлеб, и лепешки, и сласти, и вино, и мясо будут даваться ему у жертвенника великого бога; и не будет он отвращен ни у какой двери в загробном мире; и его введут вместе с царями Севера и Юга; и он будет в свите Осириса всегда и во веки». Итак, здесь перед нами превосходный пример далеко идущего действия картины, сопровождаемой надлежащими словами силы, и всякая картина в «Книге мертвых» была столь же действенна в достижении известной цели, а цель эта всегда была связана с благополучием умершего.

Как видно из многих мест и глав, умерший страшился, как бы ему не остаться в загробном мире без воздуха и воды, равно как и без пищи, и, чтобы устранить всякую опасность такого бедствия, на его папирусе рисовали картины, на которых он изображен держащим в руках парус (символ воздуха, ветра и дыхания) и стоящим по щиколотку в воде[1], а под ними писали тексты, подобные следующим: «Уста мои и ноздри мои отверсты в Татту (Бусирисе), и я имею место покоя в Анну (Гелиополе), который есть дом мой; построила его для меня богиня Сешета, и бог Хнум поставил его для меня на стены его…» «Привет тебе, бог Тем, даруй мне сладостное дыхание, что обитает в ноздрях твоих! Я обнимаю великий престол, что в Хемену (Гермополе), и я стерегу Яйцо Великого Гоготуна; я прорастаю, как оно прорастает; я живу, как оно живет; и дыхание мое — его дыхание»[2]. Но надлежало совершить еще одну «превеликую тайну», если умерший должен был получить возможность входить на небо по своей воле через четыре его двери и наслаждаться воздухом, проходившим через

каждую. Северный ветер принадлежал Осирису, южный — Ра, западный — Исиде, а восточный — Нефтиде; и чтобы умерший обрел власть над каждым из них и над всеми ими, ему надлежало стать господином дверей, через которые они дули. Эту власть можно было обрести только тем, что на гробу рисовали изображения четырех дверей и при каждой — фигуру Тота, отворяющего ее. Этим изображениям придавали какое-то особое значение, ибо рубрика говорит: «Да не знает этой главы никто из посторонних, ибо это великая тайна, и живущие в болотах (то есть невежды) не знают ее. Не делай этого в присутствии кого бы то ни было, кроме отца твоего, или сына твоего, или тебя самого одного; ибо это поистине превеликая тайна, которой не знает никто из людей»[3].

[1] См. виньетки к главам LIV–LX «Книги мертвых».

[2] См. «Главы о выходе днем», с. 106.

[3] Там же, с. 289.

Одной из радостей, которых жаждал умерший, было плавать по небу в ладье Ра вместе с богами погребального круга Осириса; это счастье можно было обеспечить ему, нарисовав некие картины и произнеся над ними некие слова силы. На куске чистого папируса надлежит нарисовать ладью чернилами, сделанными из зеленой краски *абут*, смешанной с водой *анти*, и в ней должны быть фигуры Исиды, Тота, Шу и Хепера, а также умершего; когда это сделано, папирус надо прикрепить к груди умершего, позаботившись о том, чтобы он не касался самого тела. Тогда дух его будет каждый день входить в ладью Ра, и бог Тот будет печься о нем, и он будет плавать с Ра в любое место, куда пожелает[4]. В другом месте велено нарисовать ладью Ра «в чистом месте», а на носу ее надлежит нарисовать фигуру умершего; но считалось, что

Ра странствует в одной ладье (называемой «Атет») до полудня, а в другой (называемой «Сектет») до заката, и об умершем надлежало позаботиться в обеих ладьях. Как же это сделать? С одной стороны изображения ладьи следовало нарисовать фигуру утренней ладьи Ра, а с другой — фигуру послеполуденной ладьи; так одно изображение могло стать двумя ладьями. И если в день рождения Осириса за умершего приносили надлежащие приношения, душа его жила вечно, и он не умирал второй раз[5]. Согласно рубрике к главе[6], в которой даны эти указания, текст ее по меньшей мере так же древен, как время Хесепти, пятого царя I династии, царствовавшего около 4350 г. до н. э., и обычай рисовать ладью на папирусе, вероятно, восходит к той же поре. Две следующие рубрики, из глав CXXXIII и CXXXIV соответственно, еще яснее покажут важность таких картин:

[4] См. «Главы о выходе днем», с. 162.

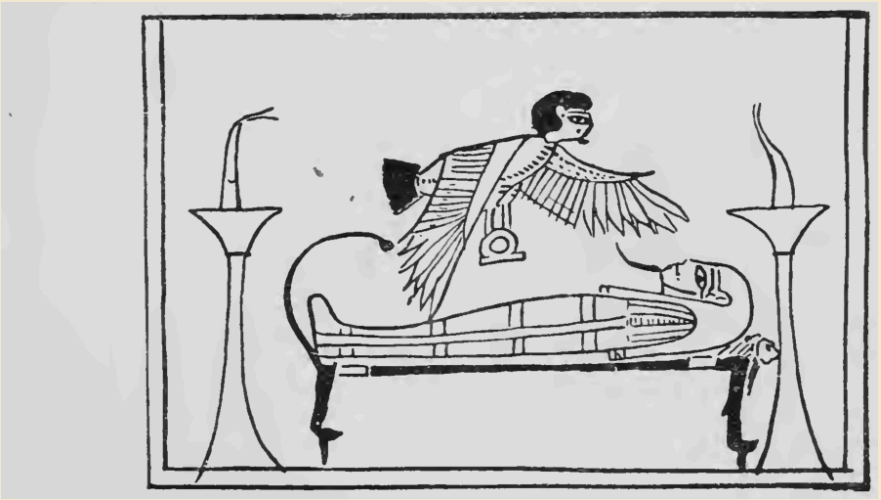
[5] Там же, с. 212.

[6] То есть CXXX.

> 1. «Эту главу надлежит читать над ладьей длиною в четыре локтя, сделанной из зеленого фаянса, [на которой нарисованы] божественные державные правители городов; надлежит сделать также изображение неба со звездами его, и это ты обрядово очистишь натром и ладаном. И вот, ты сделаешь изображение Ра желтой краской на новой пластинке и поставишь его на носу ладьи. И вот, ты сделаешь изображение духа, которого желаешь сделать совершенным, [и поместишь его] в эту ладью, и заставишь его плавать в ладье, [сделанной по образу ладьи] Ра; и он увидит в ней облик самого бога Ра. Да не взирает на это око какого бы то ни было человека, кроме тебя самого, или отца твоего, или сына твоего, и храни [это] с великим тщанием. Тогда

дух будет совершенным в сердце Ра, и это даст ему силу с сонмом богов; и боги будут взирать на него как на божественное существо, подобное им самим; и люди и мертвые будут падать ниц пред ним, и в загробном мире его будут видеть в образе сияния Ра».

2. «Эту главу надлежит читать над ястребом, стоящим, с белой короной на голове, [и над фигурами] богов Тема, Шу, Тефнут, Себа, Нут, Осириса, Исиды, Сути и Нефтиды, нарисованными желтой краской на новой пластинке, которую надлежит поместить в [модель] ладьи [Ра] вместе с фигурой духа, которого ты желаешь сделать совершенным. Их ты умастишь кедровым маслом, и им будет воскурен ладан на огне, и будет изжарена пернатая птица. Это — хвала Ра в его странствии, и это даст человеку пребывать вместе с Ра день за днем, куда бы ни плыл бог; и это поистине будет губить врагов Ра постоянно и непрерывно».

Душа писца Ани навещает его мумифицированное тело, лежащее на погребальном ложе в гробнице. (Из «Папируса Ани», табл. 17.)

Многие картины, или виньетки, несут свое толкование в самих себе; так, изображение души, парящей над мертвым телом, которое лежит под нею на погребальном ложе, сразу наводит на мысль о воссоединении души с телом; изображение умершего, уходящего прочь от «плахи заклания» и ножа, с которого каплет кровь, говорит об избавлении от жестокой смерти; изображение души и духа, стоящих пред отворенной дверью, говорит о том, что душа вольна странствовать, где пожелает; а изображение души и тени, выходящих через дверь гробницы, ясно указывает, что эти части человеческого существа не заключены в гробнице на всю вечность. Но мысли, побудившие рисовать другие виньетки, не столь ясны, например мысли тех виньеток, что сопровождают главы CLXII–CLXV в поздней, или саисской, редакции «Книги мертвых», хотя, к счастью, рубрики к этим главам проясняют их назначение. Так, картина, стоящая над главой CLXII, изображает корову, у которой на голове рога, диск и два пера, и из рубрики мы узнаем, что изображение ее надлежало сделать из золота и прикрепить к шее умершего, а другое, нарисованное на новом папирусе, положить ему под голову. Если это будет сделано, «то обильное тепло будет в нем по всему телу, подобное тому, какое было в нем, когда он был на земле. И он станет подобен богу в загробном мире, и никогда не будет отвращен ни у каких врат его». Слова этой главы обладают великой охранительной силой (то есть составляют оберег величайшей важности), как нам сообщают, «ибо их сделала корова для сына своего Ра, когда он заходил и когда жилище его было окружено сонмом огненных существ». Корова — это, разумеется, Исида-Хатхор, и как слова, так и картина относятся к некоему событию в жизни Ра, или Гора. Совершенно очевидно, что слова силы, или оберег, произнесенные Исидой-Хатхор, избавили бога от некой беды, и мысль состоит в

том, что, как они избавили бога и принесли ему пользу, так избавят они и умершего и принесут пользу ему. Слова силы гласят: «О Амон, о Амон, сущий на небе, обрати лицо твое на мертвое тело сына твоего и сделай его здравым и крепким в загробном мире». И снова нас предостерегают, что эти слова — «великая тайна» и что «око никакого человека не должно видеть ее, ибо мерзость для [всякого человека] знать ее. Сокрой же ее; „Книга владычицы сокровенного храма“ — имя ей».

Анубис держит мумию писца Ани; у двери гробницы стоят душа и дух умершего в образе ястреба с человеческой головой и птицы *бенну* соответственно. (Из «Папируса Ани», табл. 16.)

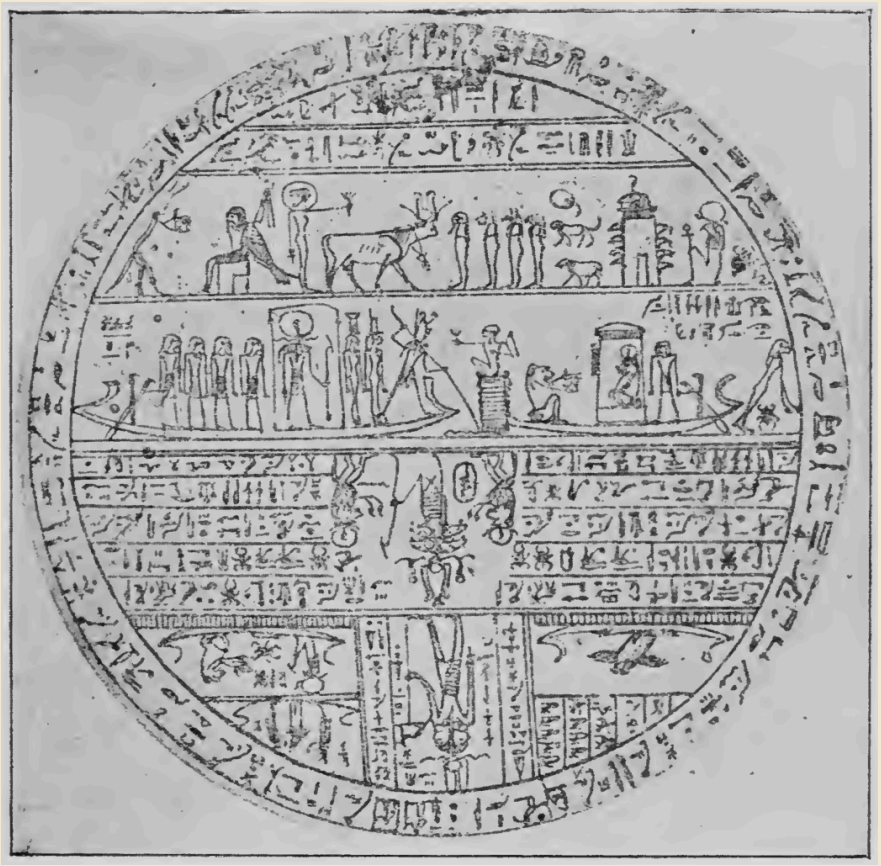
Писец Ани выходит через дверь гробницы; снаружи — его тень и его душа в образе птицы с человеческой головой. (Из «Папируса Ани», табл. 18.)

Исследование мумий позднего времени показывает, что египтяне действительно рисовали фигуру коровы на папирусе и клали его под голову умершего и что корова — лишь одна фигура среди множества других, нарисованных на том же папирусе. Вместе с фигурами надписывали магические тексты, и со временем, когда папирус стали наклеивать на полотно, он вытеснил золотую фигуру коровы, которую прикрепляли к шее умершего, и стал, строго говоря, амулетом, хотя у археологов его обычно называют «гипокефалом». Помещенный здесь рисунок хорошо показывает этот предмет. Заметим, что гипокефал круглый; это оттого, что он изображает зрачок Ока Гора, которое с незапамятных времен считалось в Египте источником всякой производящей силы, а также воспроизведения и жизни. Первая группа богов такова: Нехебка, подносящий Гору его Око; богиня, у которой вместо

головы Око Гора; корова Исиды-Хатхор, описанная выше; четыре сына Гора; два льва; член человеческого тела; пилон с головами Хнума, бога воспроизведения; и Гор-Ра. Во второй — ладья Солнца, которую Гор ведет шестом, и ладья Луны с Гарпократом на носу. В прочих сценах мы видим бога Хепера в его ладье, Гора в его ладье и Гора-Септа в его ладье. Бог с двумя лицами представляет двоякий облик солнца — заходящего и восходящего, а бог с бараньими головами, которому поклоняются обезьяны, — это мистическая форма Хнума, одного из великих богов воспроизведения, который в еще более позднее время стал тем существом, чье имя в форме Хнумис, или Хнубис, занимало столь важное место среди магических имен, бывших в употреблении у гностиков. Две следующие молитвы с гипокефала поясняют приведенные выше слова силы, обращенные к Амону, то есть Сокровенному:

1. «Я — Сокровенный в сокровенном месте. Я — совершенный дух среди спутников Ра, и я входил и выходил среди совершенных душ. Я — могучая Душа шафранного облика. Я вышел из загробного мира по своей воле. Я пришел. Я вышел из Ока Гора. Я вышел из загробного мира с Ра из Дома Великого Старца в Гелиополе. Я — один из духов, выходящих из загробного мира: даруй мне то, в чем нуждается тело мое, и небо для души моей, и сокровенное место для мумии моей».

2. «Да дарует бог, который сам сокрыт и чье лицо утаено, который сияет над миром в формах бытия своего и в загробном мире, чтобы душа моя жила вечно! Да даст великий бог в диске своем лучи свои в загробном мире Гелиополя! Даруй мне вход и выход в загробном мире без помехи и препятствия».

Гипокефал, то есть предмет, который клали под голову умершего Шаи-енена, чтобы сохранить тепло в теле.

Глава CLXIII «Книги мертвых» была написана для того, чтобы тело человека не истлело в загробном мире, и для того, чтобы избавить его от душ, имевших несчастье быть заключенными в различных местах этого мира; но, чтобы сделать ее вполне действенной, ее велено было читать над тремя изображениями: (1) змеем с ногами, у которого на голове диск и два рога; (2) *уджатом*[7], или Оком Гора, «в зрачке которого будет фигура Бога с поднятой рукой

с ликом божественной души, с перьями и спиной, как у ястреба»; (3) *уджатом*, или Оком Гора, «в зрачке которого будет фигура Бога с поднятой рукой с ликом богини Нейт, с перьями и спиной, как у ястреба». Если это будет сделано для умершего, «он не будет отвращен ни у каких врат загробного мира, он будет есть, и пить, и отправлять естественные надобности тела своего, как делал, когда был на земле; и никто не восстанет, чтобы вопиять против него; и он будет огражден от рук врага во веки веков»[8].

[7] См. главу II.

[8] См. «Главы о выходе днем», с. 292.

Слова силы, составляющие CLXIV главу, чтобы возыметь действие, должны были читаться над фигурой богини Мут, у которой надлежало быть трем головам. Первая голова была подобна голове богини Пехат и имела перья; вторая была подобна голове человека и имела на себе короны Юга и Севера; третья была подобна голове коршуна и имела на себе перья; у фигуры была пара крыльев и когти льва. Эту фигуру рисовали черной, зеленой и желтой красками на куске полотна *анес*; перед нею и позади нее рисовали по карлику с перьями на голове. У каждого карлика одна рука была поднята, и у каждого было по два лица: одно — ястреба, другое — человека; тело каждого было тучным. Когда эти фигуры сделаны, умерший, как нам сообщают, будет «подобен богу среди богов загробного мира; никогда, никогда не будет он отвращен; плоть его и кости его будут как у того, кто никогда не умирал; он будет пить воду у истока потока; ему будет дана усадьба в Сехет-Аару; он станет звездою неба; он выступит на битву со змеем-извергом Некау и с Таром, которые в загробном мире; он не будет заключен вместе с душами, что в оковах; он будет иметь силу избавить себя, где бы ни находился; и черви не пожрут его»[9].

[9] См. «Главы о выходе днем», с. 294.

Далее, слова силы, составляющие CLXV главу, чтобы возыметь действие, рубрика велела «читать над фигурой Бога с поднятой рукой, у которой на голове будут перья; ноги ее будут широко расставлены, а средняя часть ее будет в образе жука, и раскрашена она будет в синий цвет краской, сделанной из лазурита, смешанного с водой *камаи*. И читать ее над фигурой с головой, подобной голове человека, и руки ее будут простерты в стороны от тела; над правым плечом ее будет голова барана, и над левым плечом ее будет голова барана. И ты нарисуешь фигуру Бога с поднятой рукой на куске полотна прямо над сердцем умершего, а другую нарисуешь над грудью его; но да не узнает о том бог Сукати, который в загробном мире». Если это будет сделано, «умерший будет пить воду из истока потока и будет сиять, как звезды в небесах вверху». Вероятно, главы CLXII–CLXV были составлены в сравнительно позднее время.

Здесь надлежит привести еще один пример магических картин «Книги мертвых». Виньетка CXLVIII главы содержит изображения семи коров «и их быка» и четырех рулей; семь коров относятся к семи богиням Хатхор, бык — это, разумеется, одна из форм Ра, а четыре руля относятся к четырем странам земли и к четырем сторонам света. Текст главы содержит имена коров, и быка, и рулей, и некоторые молитвы о погребальных приношениях. Так вот, умерший будет обеспечен «обилием пищи постоянно и непрерывно во веки», если для него будет сделано следующее. Фигуры коров, и их быка, и рулей надлежало нарисовать красками на доске (?), и, когда Ра, бог Солнца, восходил над ними, друзья умершего должны были ставить пред ними приношения; эти приношения таинственно принимали боги и богини, которых изображали фигуры, и взамен они даровали умершему все

приношения, или дары мяса и питья, какие ему понадобятся. Более того, «если это будет сделано, — говорят нам, — Ра будет рулем для умершего, и он будет силою, охраняющей его, и он положит конец всем врагам его в загробном мире, и на небе, и на земле, и во всяком месте, куда бы он ни вошел».

Мы видели выше, при описании амулетов, которыми пользовались египтяне, как и вещество амулета, и слова, начертанные на нем, обладали магической силой; но из нескольких примеров, приводимых в папирусах, мы можем узнать, что в иных случаях одних написанных слов было достаточно, чтобы произвести замечательное действие. Это, разумеется, весьма естественное развитие, и обереги, или слова силы, которым для магического действия не требовалось ничего, кроме того, чтобы их написали на папирусе или полотне, должны были пользоваться любовью у мужчин и женщин всех сословий, и особенно у бедных и неграмотных. С незапамятных времен на Востоке относились к написанному слову с благоговением, и список священного писания или текста носят на себе или при себе по сей день почти с теми же представлениями и верованиями о его охранительной силе, что и в древнейшие времена. В древнем Египте вся «Книга мертвых», как и различные ее отделы, которые обычно переписывались на папирусы, состояла из ряда «слов силы», и нынешний египтянин смотрит на Коран так же, как его предок смотрел на более древнее сочинение. Любопытное место в тексте, начертанном внутри пирамиды Унаса, гласит (строка 583): «Кость и плоть, не имеющие письма, жалки, но вот, письмо Унаса под большой печатью, и вот, оно не под малой печатью». Трудно вполне объяснить это место, но несомненно, что здесь перед нами намек на обычай класть вместе с умершими писания, которым приписывали магическую силу. Некоторые места или отделы

религиозных книг древних народов всегда почитались более важными, чем другие, и, принимая во внимание великую длину таких сочинений, этому нечего удивляться. У египтян были в употреблении две формы LXIV главы «Книги мертвых», и нет ни малейшего сомнения, что более краткая форма уже при I династии, около 4300 г. до н. э., должна была служить сводом всего сочинения и что чтение ее считалось столь же действенным, как чтение всего остального[10]. Замечательно, что эта форма называется «Глава о познании „Глав о выходе днем“ в одной главе» и что о ней сказано, будто она восходит ко времени Хесепти, царя I династии, около 4300 г. до н. э., тогда как «обретение» более длинной формы относят к царствованию Мен-кау-Ра (Микерина), царя IV династии, около 3600 г. до н. э. Любопытно отметить, как упорно некоторые главы и формулы встречаются в погребальных папирусах разных периодов, и объяснение, по-видимому, в том, что в раннее время был составлен излюбленный народом подбор глав и этот подбор переписывали с такими прибавлениями или пропусками, какие позволяли или делали необходимыми средства друзей умершего. Одно совершенно несомненно: всякий человек в Египте умирал в твердой вере, что на пути в иной мир он будет снабжен словами силы, которые дадут ему возможность беспрепятственно добраться туда и доставят ему обилие мяса и питья. Это воззрение на слова силы мы можем видеть из следующих мест: «Да придет Тот, исполненный и снабженный словами силы, и да развяжет повязки, повязки Сета, что сковывают уста мои… Что же до слов силы и всех слов, какие могут быть сказаны против меня, да воспротивятся им боги и да противостанет им каждый из сонма богов»[11]. «Вот, я собираю слово силы отовсюду, где оно есть, и от всякого человека, у которого оно есть, быстрее борзых и скорее света»[12]. Крокодилу,

который приходит отнять у умершего его слова силы, он говорит: «Отступи, вернись, отступи, крокодил-изверг Суи! Не приблизишься ты ко мне, ибо я живу словами силы, которые со мною… Небо имеет власть над своими временами, и слова силы владычествуют над тем, чем владеют; потому уста мои будут иметь власть над словами силы, что в них»[13]. «Я облечен (?) и вполне снабжен твоими магическими словами, о Ра, теми, что на небе надо мною и на земле подо мною»[14]. Двум богиням-сестрам Мерт умерший говорит: «Мое послание к вам — мои слова силы. Я сияю из ладьи Сектет, я — Гор, сын Исиды, и я пришел увидеть отца моего Осириса»[15]. «Я стал духом в формах моих, я овладел словами силы моими, и мне присуждено быть духом»[16]. «Привет тебе, отсекающий головы и рассекающий лбы, ты, что изгоняешь память о злом из уст духов словами силы, что в них, … да не будут уста мои замкнуты из-за слов силы, что в тебе… Отступи и удались пред словами, которые произнесла богиня Исида, когда ты пришел вложить память о злом в уста Осириса»[17]. На амулете пряжки начертаны слова: «Да будут кровь Исиды, и силы (?) Исиды, и слова силы Исиды могучи, чтобы охранять этого могучего» и т. д., а в речи, с которой Тот обращается к Осирису, он говорит: «Я — Тот, любимец Ра, владыка мощи, приводящий к благополучному концу то, что делает, могучий словами силы, тот, кто в ладье миллионов лет, владыка законов, покоритель двух земель» и т. д.[18]

[10] Подобным же образом арабы придают Фатихе, то есть открывающей главе, и главе, которая возвещает единство Бога (CXII), столько же значения, сколько всему остальному Корану.

[11] См. «Главы о выходе днем», с. 70.

[12] Там же, с. 71.

[13] См. «Главы о выходе днем», с. 81.

[14] Там же, с. 84.

[15] Там же, с. 87.

[16] Там же, с. 129.

[17] Там же, с. 150.

[18] См. «Главы о выходе днем», с. 340 и сл.

Из приведенных мест мы узнаем не только, как велико было доверие умершего к его словам силы, но и то, что источниками, из которых они проистекали, были боги Тот и Исида. Следует вспомнить, что Тота называют «писцом богов», «владыкой письма», «господином папируса», «творцом палетки и чернильницы», «владыкой божественных слов», то есть священных писаний, или книг; и так как он был владыкой книг и господином силы речи, его почитали обладателем всякого знания, и человеческого, и божественного. При сотворении мира именно он облек в слова волю невидимой и неведомой творящей Силы и произнес их так, что вселенная возникла, и именно он, применяя свое знание, показал себя защитником и другом Осириса, и Исиды, и их сына Гора. По свидетельству текстов мы знаем, что Тот помогал этим трем богам не телесной мощью, а тем, что давал им слова силы и наставлял их, как ими пользоваться. Мы знаем, что Осирис победил своих врагов, и восстановил свое тело, и стал царем загробного мира и богом мертвых, но сделать все это он смог лишь посредством слов силы, которые дал ему Тот и которые Тот научил его произносить правильно и надлежащим тоном голоса. Именно эта вера заставляет умершего восклицать: «Привет тебе, Тот, сделавший Осириса победителем над врагами его, сделай Ани победителем над врагами его пред великими и

державными князьями, что в Татту», или в любом другом месте. Без слов силы, данных ему Тотом, Осирис был бы бессилен против нападений своих врагов, и точно так же умерший, которого всегда отождествляли с Осирисом, со смертью перестал бы существовать, если бы не слова силы, доставленные писаниями, которые погребали вместе с ним. В сцене Суда именно Тот докладывает богам об исходе взвешивания сердца на весах и именно он снабдил владельца сердца словами, которые тот произнес в своих мольбах; и все, что можно сказать в пользу умершего, он говорит богам, и все, что можно сделать для него, он делает. Но Тот был не только защитником и другом Осириса — он был и прибежищем, к которому Исида бежала в своей беде. Слова одного гимна возглашают, что она знала, «как отвратить злую участь», и что она была «сильна языком, и произносила слова силы, которые знала, с правильным выговором, и не запиналась в речи своей, и была совершенна и в отдании приказа, и в произнесении слова»[19]; но это описание лишь доказывает, что Тот наставил ее в искусстве действенно произносить слова силы, и ему, поистине, она была обязана еще большим. Когда она нашла мертвое тело своего мужа Осириса, она парила над ним в образе птицы, производя воздух биением своих крыльев и испуская свет от блеска своих перьев, и наконец пробудила мертвого к жизни своими словами силы; от объятия, последовавшего за этой встречей, родился Гор, и мать вскормила его и растила в своем убежище в папирусных болотах. Спустя некоторое время ее стал преследовать Сет, убийца ее мужа, который, по-видимому, заключил ее вместе с сыном Гором в доме как пленников. Однако благодаря помощи, которую подал ей Тот, она вышла ночью, и в пути ее сопровождали семь скорпионов[20], называемых Тефен, Бефен, Местет, Местетеф, Петет, Тетет и Матет, из которых последние три указывали путь. Проводник пути

привел ее к болотам Пер-суи[21] и к городу двух богинь сандалий, где начинается болотистая область Атху. Продолжая путь, они пришли в Теб[22], где у начальника округа был дом для его жен; но хозяйка дома не хотела впустить Исиду из-за скорпионов, бывших с нею, ибо она выглянула из двери и видела, как Исида приближается. Тогда скорпионы держали совет между собою и пожелали ужалить ее посредством скорпиона Тефена, но в эту минуту бедная женщина, жившая на болотах, отворила Исиде дверь своей хижины, и богиня нашла в ней приют. Тем временем скорпион прополз под дверью в дом правителя, и ужалил сына хозяйки дома, и к тому же поджег дом; никакая вода не могла угасить огонь, и не было дождя, чтобы угасить его, ибо тогда было не время дождей. Так вот, все это случилось с женщиной, которая не причинила Исиде никакого действительного зла, и несчастная бродила по улицам города, испуская громкие вопли горя и отчаяния, ибо не знала, будет ли ее мальчик жить или умрет.

[19] Шаба, «Археологическое обозрение», 1857, с. 65 и сл.; Ледрен, «Египетские памятники», табл. XXII и сл.; новейший перевод см. в моих «Первых шагах в египетском языке», с. 179–188.

[20] Эта история рассказана на знаменитой стеле Меттерниха, изд. Голенищева, Лейпциг, 1877.

[21] То есть Крокодилополь.

[22] Город двух сандалий. Две сандалии были сделаны из кожи бога Нехеса, или Сета, противника Гора.

Увидев это, Исида пожалела ужаленного ребенка и, так как он не был повинен в том, что дверь дома его матери затворили перед лицом богини, решила спасти его. И вот она воззвала к обезумевшей от горя матери, говоря: «Приди ко мне, приди ко мне! Ибо слово мое — талисман, несущий жизнь. Я дочь, хорошо

известная и в твоем городе, и я отвращу зло словом уст моих, которому научил меня отец мой, ибо я дочь его собственного тела». Затем Исида возложила руки на тело мальчика и, чтобы вернуть дух в его тело, сказала:

«Приди, Тефен, выйди на землю, уйди отсюда, не приближайся!

Приди, яд Бефена, выйди на землю. Я — Исида, богиня, владычица слов силы, творящая дела магии, та, чьи слова, изреченные голосом, — обереги.

Повинуйся мне, всякий гад, который жалит, и пади вниз головою!

О яд [Местета и] Местетефа, не поднимайся вверх!

О яд Петета и Тетета, не приближайся!

О Матет, пади вниз головою!»

Затем богиня Исида произнесла некие слова оберега, данного ей богом Себом, чтобы отвращать от нее яд, и сказала: «Отвернись, уйди, отступи, о яд», прибавляя, когда обращалась к скорпионам, утром слова «Мер-Ра», а вечером — «Яйцо Гусыни выходит из сикоморы». Обе эти фразы были талисманами. После этого Исида сетовала, что она более одинока и несчастна, чем все люди Египта, и что она стала подобна старику, который перестал смотреть на прекрасных женщин и посещать их в их домах; и она велела скорпионам отвратить от нее свои взоры и указать ей путь к болотам и к тайному месту, которое находится в городе Хебт. Тогда были произнесены слова клича: «Мальчик живет, яд умирает! Как живет солнце, так умирает яд», — и огонь в доме женщины угас, и небо возрадовалось словам Исиды. Когда Исида сказала, что «сын женщины был ужален потому, что мать его затворила дверь своего дома перед лицом ее и ничего для нее не сделала», снова

были произнесены слова клича: «Мальчик живет, и яд умирает», — и сын женщины выздоровел.

Далее Исида продолжает свой рассказ так: «Я, Исида, зачала дитя и понесла Гора. Я, богиня, родила Гора, сына Исиды, на острове (*или* в гнезде) в Атху, области болот; и я весьма возрадовалась этому, ибо видела в Горе дар, который возместит мне утрату его отца. Я спрятала его с величайшим тщанием и в тревоге моей сокрыла его, и он был поистине хорошо спрятан, а потом я ушла в город Ам. Приветствовав его жителей, я повернула назад искать дитя, чтобы дать ему грудь и снова взять его на руки. Но я нашла моего грудного младенца Гора, прекрасного, золотого, едва живым! Он оросил землю водою из своего глаза и пеной со своих губ, тело его окоченело, сердце его остановилось, и ни одна мышца ни в одном из его членов не двигалась[1]. Тогда я испустила горький вопль скорби, и жители папирусных болот тотчас сбежались ко мне из своих домов и оплакивали великость моего бедствия; но никто из них не открыл уст, чтобы заговорить, ибо всякий был в глубокой печали обо мне, и никто не знал, как вернуть жизнь в Гора. Тогда пришла ко мне одна женщина, хорошо известная в своем городе, ибо она принадлежала к знатному роду, и попыталась вновь зажечь жизнь в Горе, но, хотя сердце ее было полно знания, сын мой оставался недвижим». Тем временем люди говорили, что сын божественной матери Исиды был защищен от своего брата Сета, что в заросли, среди которых его спрятали, не могло проникнуть никакое враждебное существо, что слова силы Тема, отца богов, «который на небе», должны были сохранить жизнь Гора, что Сет, брат его, никак не мог проникнуть туда, где было дитя, которое, во всяком случае, было защищено от его злобы; и наконец обнаружилось, что Гора ужалил скорпион и что гад, «который губит сердце», ранил его и, вероятно, убил.

[1] Это точное описание состояния животного, которого ужалил маленький черный скорпион в Египте и Судане. Я видел, как в сентябре 1897 года в Мерави черный скорпион ужалил собаку полковника У. Г. Дрейджа «Шубру», и примерно через час она была в том состоянии, в каком описан выше Гор, и весь лагерь был опечален, ибо и хозяин, и собака были всеобщими любимцами. Когда уже нельзя было влить ей спиртного, майор Г. Р. Гриффит и другие на несколько часов погрузили ее тело в ведра с очень горячей водой, и к закату она дышала спокойно, а вскоре после того поправилась.

В эту минуту пришла Нефтида и ходила по папирусным болотам, горько плача о беде своей сестры Исиды; с нею была и Серкет, богиня скорпионов, которая непрестанно спрашивала: «Что случилось с младенцем Гором?» Тогда Нефтида сказала Исиде: «Воззови с мольбой к небу, и пусть гребцы в ладье Ра перестанут грести, и пусть ладья Ра не движется дальше по своему пути ради младенца Гора»; и тотчас Исида послала свой вопль к небу и довела свою просьбу до «Ладьи миллионов лет», и Солнце остановилось, и ладья его не двигалась с места по прошению богини. Из ладьи вышел бог Тот, наделенный магическими силами и несущий с собою великую власть повелевать так, что слова уст его должны исполняться немедля; и он заговорил с Исидой, сказав: «О ты, богиня Исида, чьи уста умеют произносить обереги (*или* талисманы), никакое страдание не постигнет твоего младенца Гора, ибо его здоровье и благополучие зависят от ладьи Ра. Я пришел в этот день в божественной ладье Диска (Атон) на то место, где она была вчера. Когда воцарится тьма (*или* ночь), свет одолеет ее ради здоровья (*или* благополучия) Гора, ради его матери Исиды, — и так же будет со всяким, кто обладает тем, что [здесь] написано (?)». Что произошло дальше, конечно, очевидно. Младенец Гор был возвращен к жизни, к великой радости своей матери Исиды, которая стала обязана богу Тоту больше, чем когда-либо, за то, что он пришел избавить ее от беды при смерти ее сына, точно так же как сделал это при смерти ее мужа. И вот,

так как Исида оживила и мужа, и сына словами силы и талисманами, которыми владела, смертный человек считал совершенно необходимым для себя любой ценой снискать ее благосклонность и покровительство, ибо вечная жизнь и смерть были в ее руках. С течением времени египтяне чтили ее все больше и больше, и так как она была владычицей богов и неба, ей приписывали власть, равную той, которой обладал сам Ра. В самом деле, согласно одной легенде, дошедшей до нас, — легенде, которая, будучи написана на папирусе или полотне, служила магической формулой против яда всякого рода гадов, — она сделала смелую попытку вырвать у Ра его власть и стать владычицей вселенной. Как она это сделала, рассказано в иератическом папирусе, хранящемся в Турине[2], по которому сделан нижеследующий перевод; заслуга первого открытия верного смысла этого текста принадлежит г-ну Лефебюру.

[2] См.: Плейте и Росси, «Туринский папирус», 1869–1876, табл. 31–37 и 131–138; см. также: Лефебюр в «Египетском журнале», 1883, с. 27 и сл.; Видеман, «Религия древних египтян», 1890, с. 29 и сл.; и мои «Папирус Ани», 1895, с. lxxxix, и «Первые шаги в египетском языке», 1895, с. 241–256.

Легенда о Ра и Исиде

«Глава о божественном боге, самосотворенном существе, которое создало небеса и землю, и ветры, [дающие] жизнь, и огонь, и богов, и людей, и зверей, и скот, и гадов, и птиц небесных, и рыб морских; он — царь людей и богов, у него один срок жизни (?), и сроки по сто двадцать лет каждый у него — лишь как годы; имена его многочисленны и неведомы, даже боги не знают их.

Исида же была женщиной, которая владела словами силы; сердце ее утомилось от миллионов людей, и потому она избрала миллионы богов, но выше ценила миллионы духов (*ху*). И она

размышляла в сердце своем, говоря: „Не могу ли я посредством священного имени Бога сделать себя владычицей земли и стать богиней, подобной Ра на небе и на земле?“ И вот, каждый день Ра входил во главе своих святых гребцов и утверждался на престоле двух горизонтов. Божественный же (то есть Ра) состарился, слюна текла у него изо рта, плевок его падал на землю, и слюна его капала на землю. И Исида смешала ее в руке своей с землею и сделала из нее священного змея в виде дротика; она не поставила его стоймя перед своим лицом, но положила его на землю на пути, по которому великий бог выходил, по желанию сердца своего, в свое двойное царство. И вот, святой бог поднялся, и боги, которые следовали за ним, как если бы он был фараоном, пошли с ним; и он вышел по своему ежедневному обычаю; и священный змей укусил его. Пламя жизни покинуло его, и тот, кто обитал среди кедров (?), был сражен. Святой бог открыл уста свои, и вопль его величества достиг неба; его сонм богов сказал: „Что случилось?“ — и его боги воскликнули: „Что это?“ Но Ра не мог ответить, ибо челюсти его дрожали и все члены его трепетали; яд быстро разлился по его плоти, как Нил разливается по всей своей земле. Когда великий бог укрепил свое сердце, он воззвал к тем, кто был в его свите, говоря: „Придите ко мне, о вы, получившие бытие из моего тела, вы, боги, вышедшие из меня, дайте знать Хепере, что страшное бедствие постигло меня. Сердце мое чувствует его, но глаза мои его не видят; рука моя не причинила его, и не знаю я, кто сделал это мне. Никогда не чувствовал я такой боли, и никакая болезнь не может причинить большего горя, чем это. Я — князь, сын князя, священная сущность, исшедшая от Бога. Я — великий, сын великого, и отец мой замыслил мое имя; у меня множество имен и множество образов, и бытие мое — в каждом боге. Меня провозгласили вестники Тем и Гор, и отец мой и мать моя изрекли мое имя; но оно было сокрыто во мне тем, кто родил меня, кто не желал, чтобы слова силы какого бы то ни было провидца имели

власть надо мною. Я вышел взглянуть на то, что я сотворил, я проходил через мир, который я создал, как вдруг нечто ужалило меня, но что — не знаю. Огонь ли это? Вода ли это? Сердце мое в огне, плоть моя трепещет, и дрожь охватила все мои члены. Пусть приведут ко мне детей моих, богов, которые владеют словами силы и магической речью и устами, умеющими их произносить, а также силами, досягающими до самых небес“. Тогда пришли к нему дети всякого бога, испуская вопли скорби. Пришла и Исида, неся с собою свои слова магической силы, и уста ее были полны дыхания жизни; ибо ее талисманы побеждают муки болезни, и слова ее заставляют вновь жить гортани тех, кто умер. И она заговорила, сказав: „Что сталось, о святой Отец? Что случилось? Не змей ли укусил тебя и не тварь ли, которую ты создал, подняла голову против тебя? Поистине, она будет низвергнута моими действенными словами силы, и я прогоню ее от взора твоих лучей“. Святой бог открыл уста свои и сказал: „Я шел по пути моему, и я проходил через две области моих земель по желанию сердца моего, чтобы видеть то, что я сотворил, как вдруг меня укусил змей, которого я не видел. Огонь ли это? Вода ли это? Я холоднее воды, я горячее огня. Вся плоть моя потеет, я трепещу, глаз мой лишен силы, я не вижу неба, и пот бросается мне в лицо, как в летнюю пору“. Тогда сказала Исида Ра: „О, скажи мне имя твое, святой Отец, ибо будет жить всякий, кто будет избавлен твоим именем“. И сказал Ра: „Я создал небеса и землю, я связал воедино горы, я сотворил все, что над ними, я создал воду, я дал бытие богине Мехт-урт и я создал «Быка своей матери», от которого происходят услады любви. Я создал небеса, я раскинул два горизонта, как завесу, и я поместил в них душу богов. Я тот, кто, если откроет глаза свои, творит свет, а если закроет их, наступает тьма. По его повелению поднимается Нил, и боги не знают его имени. Я создал часы, я сотворил дни, я открываю празднества года, я творю разлив Нила. Я творю огонь жизни, и я

даю пищу в домах. Я — Хепера утром, я — Ра в полдень, и я — Тем вечером“. Тем временем яд не был изгнан из его тела, но проник глубже, и великий бог уже не мог ходить.

Тогда сказала Исида Ра: „То, что ты сказал, — не имя твое. О, скажи его мне, и яд уйдет; ибо будет жить тот, чье имя будет открыто“. А яд жег, как огонь, и был яростнее пламени и горнила, и величество великого бога сказало: „Я соглашаюсь, чтобы Исида искала во мне и чтобы имя мое перешло из меня в нее“. Тогда бог сокрылся от богов, и место его в Ладье миллионов лет опустело. И когда пришло время сердцу Ра выйти наружу, Исида сказала сыну своему Гору: „Бог связал себя клятвой отдать свои два глаза (то есть солнце и луну)“. Так было взято у великого бога его имя, и Исида, владычица слов магической силы, сказала: „Уйди, яд, выйди из Ра. О Око Гора, выйди из бога и сияй вне его уст. Это я действую, это я заставляю упасть на землю побежденный яд, ибо имя великого бога было взято у него. Да живет Ра, и да умрет яд! Да умрет яд, и да живет Ра!“ Таковы слова Исиды, могучей владычицы, госпожи богов, которая знала Ра по его собственному имени».

Из нескольких слов текста, следующих за приведенным выше рассказом, мы узнаем, что цель его написания состояла не столько в том, чтобы наставить читателя, сколько в том, чтобы составить магическую формулу, ибо нам сказано, что его надлежало читать над фигурами Тема и Гора, и Исиды и Гора, то есть над фигурами Тема, вечернего солнца, Гора Старшего, Гора, сына Исиды, и самой Исиды. Бог Тем, по-видимому, занимает здесь место Ра, ибо он представляет солнце в образе старика, то есть Ра на исходе его дневной жизни, когда он утратил свою крепость и силу. Текст этот — оберег, или магическая формула, против змеиных укусов, и думали, что написанные буквы, представлявшие слова Исиды, спасут жизнь всякому, кого укусила змея, точно так же как они спасли жизнь Ра. Если бы нам были известны полные наставления

об употреблении фигур Тема, Исиды и двух богов Гора, мы, вероятно, нашли бы, что их надлежало заставлять разыгрывать безмолвным действом те сцены, которые произошли между Ра и Исидой, когда богине удалось отнять у него его имя. Итак, у нас есть обильные доказательства того, что Исида обладала дивными магическими силами, а раз так, то, как мы знаем из текстов, жизнь и смерть умершего были в ее руках. Ее слова силы также были бесценным достоянием, ибо она получила их от Тота, который был олицетворением разума и мысли Творца; таким образом, происхождение их было божественным, и с этой точки зрения они были боговдохновенными.

Из одного папируса птолемеевской эпохи мы узнаем любопытные подробности о великом искусстве в творении магии и о знании магических формул, которыми обладал царевич по имени Сетнау Ха-эм-Уаст. Он умел пользоваться силами амулетов и талисманов и умел составлять магические формулы, и он был сведущ как в религиозных писаниях, так и в писаниях «двойного дома жизни», то есть библиотеки магических книг. Однажды, когда он беседовал о таких предметах, один из царских мудрецов посмеялся над его словами, и в ответ Сетнау сказал: «Если ты хочешь прочитать книгу, обладающую магическими силами, пойдем со мной, и я покажу ее тебе; книгу эту написал сам Тот, и в ней две формулы. Чтение первой очарует (*или* околдует) небо, землю, преисподнюю, море и горы, и ею ты увидишь всех птиц, гадов и рыб, ибо ее сила выведет рыб на поверхность воды. Чтение второй позволит человеку, если он в гробнице, принять образ, который он имел на земле» и т. д. Когда его спросили, где эта книга, Сетнау сказал, что она в гробнице Птах-нефер-ка в Мемфисе. Немного позже Сетнау отправился туда со своим братом и провел три дня и три ночи в поисках гробницы Птах-нефер-ка, и

на третий день они нашли ее; Сетнау прочитал над нею некие слова, и земля разверзлась, и они спустились туда, где была книга. Когда оба брата вошли в гробницу, они нашли ее ярко освещенной светом, исходившим от книги; и, взглянув, они увидели не только Птах-нефер-ка, но и его жену Ахуру, и Мерху, их сына. Ахура же и Мерху были погребены в Копте, но их двойники пришли жить с Птах-нефер-ка силою магии Тота. Сетнау сказал им, что пришел забрать книгу, но Ахура умоляла его не делать этого и рассказала ему о несчастьях, которые уже последовали за обладанием ею. Она была, по-видимому, сестрой Птах-нефер-ка, за которого и вышла замуж, и после рождения ее сына Мерху муж ее, как казалось, предался исключительно изучению магических книг; и однажды некий жрец Птаха обещал сказать ему, где можно найти описанную выше магическую книгу, если он даст ему сто сребреников и снабдит его двумя красивыми гробами. Когда деньги и гробы были ему даны, жрец Птаха сказал Птах-нефер-ка, что книга лежит в железном ларце посреди реки у Копта. «Железный ларец — в бронзовом ларце, бронзовый ларец — в ларце из дерева финиковой пальмы, ларец из пальмового дерева — в ларце из черного дерева и слоновой кости, ларец из черного дерева и слоновой кости — в серебряном ларце, серебряный ларец — в золотом ларце, и в золотом (*sic*) ларце лежит книга. Ларец, в котором книга, окружен роями змей, скорпионов и всякого рода гадов, и вокруг него обвился змей, который не может умереть». Птах-нефер-ка рассказал жене и царю о том, что услышал, и наконец отправился в Копт с Ахурой и Мерху на царской ладье; прибыв в Копт, он пошел в храм Исиды и Гарпократа и принес жертву и совершил возлияние этим богам. Пятью днями позже верховный жрец Копта сделал для него модель плавучего помоста и фигуры работников, снабженных

орудиями; затем он прочитал над ними слова силы, и они стали живыми, дышащими людьми, и начались поиски ларца. Проработав три дня и три ночи, они пришли к месту, где был ларец. Птах-нефер-ка своими словами силы рассеял змей и скорпионов, которые были вокруг гнезда ларцов, и дважды ему удалось убить змея, обвившегося вокруг ларца, но тот снова оживал; в третий раз он разрубил его на две части и положил между ними песок, и на этот раз змей не принял своего прежнего образа. Затем он открыл ларцы один за другим и, вынув золотой ларец с книгой внутри, отнес его на царскую ладью. Потом он прочитал одну из двух формул, бывших в ней, и так очаровал, или околдовал, небеса и землю, что узнал все их тайны; он прочитал вторую и увидел солнце, восходящее на небесах со своим сонмом богов, и т. д. Затем его жена Ахура прочитала книгу и увидела все, что видел ее муж. После этого Птах-нефер-ка переписал написанное на кусок нового папируса и, покрыв папирус благовониями, растворил его в воде и выпил; так он обрел знание, которое было в магической книге. Тем временем эти деяния возбудили гнев бога Тота, и он рассказал Ра о том, что сделал Птах-нефер-ка. Вследствие этого вышло повеление, чтобы Птах-нефер-ка, и его жена, и дитя никогда не вернулись в Мемфис, и на обратном пути в Копт Ахура и Мерху упали в реку и утонули; а возвращаясь в Мемфис с книгой, утонул и сам Птах-нефер-ка. Сетнау, однако, отказался отступиться от своего намерения и настаивал на том, чтобы получить книгу, которую он видел во владении Птах-нефер-ка; тогда тот предложил сыграть партию в шашки и отдать книгу победителю. Игра шла до пятидесяти двух очков, и, хотя Птах-нефер-ка пытался обмануть Сетнау, он проиграл партию. Тут Сетнау послал своего брата Анхахерурау наверх, на землю, принести ему его талисманы Птаха и другие его

магические писания, и, когда тот вернулся, он возложил их на Сетнау, который тотчас взлетел на небо, сжимая в руке чудесную книгу. Когда он поднимался из гробницы, свет шел перед ним, а тьма смыкалась позади него; но Птах-нефер-ка сказал своей жене: «Я заставлю его вскоре принести эту книгу обратно, с ножом и жезлом в руке и с сосудом огня на голове». О том, как Сетнау околдовала прекрасная женщина по имени Табубу, и о бедах, которые за этим последовали, нам нет нужды упоминать здесь: довольно сказать, что царь велел ему отнести книгу обратно на ее место и что пророчество Птах-нефер-ка исполнилось[3].

[3] Переводы см.: Бругш, «Роман о Сетнау» (в «Археологическом обозрении», 2-я серия, т. XVI, 1867, с. 161 и сл.); Масперо, «Египетские сказки», Париж, 1882, с. 45–82; «Записи прошлого», т. IV, с. 129–148; подлинный демотический текст см.: Мариетт, «Папирусы Булакского музея», т. I, 1871, табл. 29–32; Ревийу, «Роман о Сетне», Париж, 1877; Гесс, «Роман о Сне Ха-м-ус», Лейпциг, 1888.

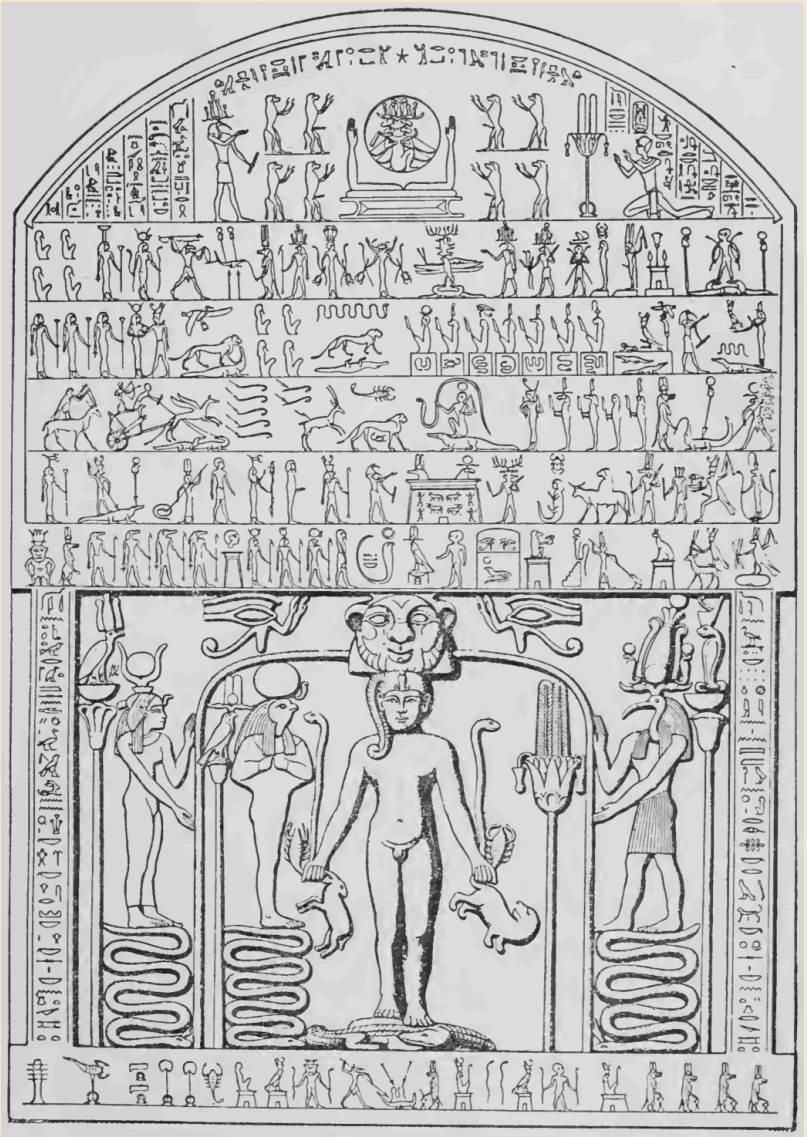
В связи с предметом магических сил Исиды следует кратко упомянуть любопытные небольшие стелы со скругленным верхом, на лицевой стороне которых изображены фигуры бога Гора, стоящего на крокодилах; их обычно называют «стелами Гора» (*циппусами*). Самый большой и прекрасный образец этого замечательного рода предметов — знаменитая «стела Меттерниха», которую нашли в 1828 году при постройке водоема во францисканском монастыре в Александрии и которую Мухаммед Али-паша подарил князю Меттерниху. К счастью, мы можем датировать эту стелу, ибо на ней встречается имя Нектанеба I, предпоследнего из туземных царей Египта, царствовавшего с 378 по 360 г. до н. э., а из многих источников мы знаем, что такой памятник мог быть создан лишь около этого времени. По двум приведенным здесь ее изображениям мы видим, что она покрыта и рельефными, и резными фигурами многих

богов Древнего Египта — богов, хорошо известных по памятникам ранних династий, — а также фигурами целого ряда демонов, чудовищ и животных, имеющих и мифологическое, и магическое значение. Многие из них сопровождаются текстами, содержащими магические формулы, магические имена и мифологические намеки. В главной сцене мы видим Гора, или Гарпократа, стоящего на двух крокодилах; на лбу у него урей, а на правой стороне головы он носит локон, знак юности. В руках он сжимает змей, льва и антилопу, и по выражению его лица ясно, что он нисколько их не боится. Над его головой — бородатая голова, которую обычно считают головой Беса. Справа от него: 1) *уджат*[4] с человеческими руками; 2) Гор-Ра с головой ястреба, в солнечном диске и с уреем, стоящий на свернувшемся змее; 3) Осирис в образе ястреба, стоящего на скипетре, в венце *атеф*; 4) богиня Исида, стоящая на свернувшемся змее; 5) богиня Нехебет в образе коршуна, стоящая на папирусном скипетре. Слева от него: 1) *уджат* с человеческими руками; 2) папирусный штандарт с перьями и *менатами*[5]; 3) бог Тот, стоящий на свернувшемся змее; 4) богиня Уатчет в образе змеи, стоящая на папирусном скипетре. Гор же олицетворяет юность, силу и восходящее солнце, а голова над ним, вероятно, должна изображать голову Ра (или Беса) в образе старика; здесь явно подразумевается бог, который «стар на закате и вновь становится юным». *Уджаты* и фигуры богов символизируют солнечные силы и божества, которые владеют словами силы и на Юге, и на Севере, — словами, которыми юный бог Гор побеждает всех враждебных животных, гадов и пресмыкающихся, живущих в воде и на суше. Над этой сценой и вокруг нее — несколько рядов фигур богов и изображений мифологических сцен; многие из них явно взяты из виньеток «Книги мертвых», и цель всех этих последних — доказать, что

свет одолевает тьму, что добро побеждает зло и что после смерти приходит обновленная жизнь. Тексты, заполняющие все места, не занятые фигурами, описывают некоторые эпизоды вечной борьбы, которую Гор ведет со своим братом Сетом, и рассказывают историю странствий Исиды с ее сыном Гором и ее страданий в стране папирусных болот, очерк которой мы дали выше; кроме того, в них приведены молитвы к некоторым богам. Весь этот памятник — не что иное, как талисман, или исполинский амулет, покрытый резными магическими фигурами и словами силы, и его, несомненно, ставили на каком-нибудь видном месте во дворе или в доме, чтобы охранять здание и его обитателей от нападений враждебных существ, видимых и невидимых, и сила его почиталась непобедимой. Нет ни одного сколько-нибудь значительного бога, чьей фигуры не было бы на нем, и нет ни одного демона, или злого животного, или гада, который не был бы изображен на нем побежденным; знание древнеегипетской мифологии и искусство, явленное создателем этого талисмана, весьма замечательны. Малые стелы Гора не содержат ничего, кроме выдержек из сцен и текстов, которые мы находим на «стеле Меттерниха», и она или подобные ей предметы, несомненно, послужили источником, из которого почерпнуто столь много фигур странных богов, встречающихся на гностических геммах. Некоторые фигуры богов со стел Гора в птолемеевскую и римскую эпохи отливали из бронзы или высекали из камня и зарывали в гробницах и под основаниями домов, чтобы прогонять всех злых демонов, которые могли бы прийти причинить вред живым или мертвым.

[4] См. главу II.

[5] См. главу II.

Стела Гора (*циппус*). (См. «Стела Меттерниха», изд. Голенищева, табл. 1.)

Стела Гора (*циппус*). (См. «Стела Меттерниха», изд. Голенищева, табл. 3.)

Арабский историк Масуди сохранил[6] любопытное предание о талисманах, которыми Александр Великий пользовался для

защиты города Александрии, пока его строили, и, так как предание это египетского происхождения и восходит к эпохе, не слишком далекой от той, когда была сделана стела Меттерниха, оно заслуживает упоминания. Когда были заложены основания города и стены начали подниматься, каждую ночь из моря выходили некие свирепые животные и разрушали все, что было построено за день; назначили сторожей, чтобы отгонять их, но, несмотря на это, каждое утро оказывалось, что работа, сделанная накануне, разрушена. После долгих размышлений Александр придумал средство, которым мог бы расстроить козни морских чудовищ, и принялся приводить его в исполнение. Он сделал ящик длиною в десять локтей и шириною в пять локтей, со стенками из стеклянных листов, укрепленных в рамах при помощи вара, смолы и т. п. В этот ящик Александр поместился сам вместе с двумя искусными рисовальщиками, и, когда ящик закрыли, два судна отбуксировали его в море; а когда к нижней его части привязали грузы из железа, свинца и камня, он начал погружаться, и его направляли к тому месту, куда желал попасть Александр, при помощи веревок, которыми управляли с кораблей. Когда ящик коснулся морского дна, Александр и двое его спутников благодаря прозрачности стеклянных стенок и морской воды смогли наблюдать различных морских чудовищ, проплывавших мимо, и он увидел, что, хотя у них были человеческие тела, головы у них были звериные; у одних были топоры, у других пилы, у третьих молоты, и все они весьма походили на работников. Когда они проплывали перед ящиком, Александр и два его рисовальщика с великой точностью перерисовали их облик на бумагу и изобразили их отвратительные лица, и рост, и сложение; когда это было сделано, подали знак, и ящик подняли на поверхность. Как только

Александр вышел на сушу, он велел своим каменотесам и мастерам по металлу изготовить изображения морских чудовищ по рисункам, которые сделали он и его друзья, и, когда они были готовы, велел поставить их на подножиях вдоль морского берега и продолжал строить город. Когда настала ночь, морские чудовища появились, как обычно, но, едва увидев, что на берегу поставлены их собственные изображения, они тотчас вернулись в воду и больше не показывались. Однако, когда город был построен и заселен, морские чудовища появились снова, и каждое утро обнаруживалось, что пропало немалое число людей; чтобы предотвратить это, Александр поместил талисманы на столпах, которые, по словам Масуди, стояли там еще в его дни. Каждый столп имел вид стрелы, был высотою в восемьдесят локтей и покоился на медном основании; талисманы помещались у их подножий и имели вид фигур, или статуй, неких существ с подобающими надписями, а так как их устанавливали после тщательных астрономических вычислений, сделанных для этой цели, мы можем допустить, что они произвели действие, желанное царю.

---

[6] См. «Золотые луга», изд. Б. де Мейнара и П. де Куртея, Париж, 1861, т. II, с. 425 и сл.

ГЛАВА V

МАГИЧЕСКИЕ ИМЕНА

✦

Египтяне, подобно большинству восточных народов, придавали чрезвычайно большое значение знанию имен, и знание того, как употреблять имена, обладавшие магической силой, и как их упоминать, было необходимо и живым, и мертвым. Верили, что если человек знает имя бога или демона и обращается к нему по этому имени, то тот обязан ему ответить и исполнить все, чего он пожелает; а знание имени человека давало его ближнему возможность причинить ему добро или зло. Имя, на которое было обращено проклятие, навлекало беду на своего обладателя, и точно так же имя, над которым было произнесено благословение или молитва о благах, доставляло своему хозяину множество добрых вещей. Для египтянина имя было такой же частью существа человека, как его душа, или его двойник (*ка*), или его тело, и совершенно несомненно, что такого взгляда он держался с древнейших времен. Так, в тексте, начертанном на стенах внутри[1] пирамиды Пепи I, царя Египта около 3200 г. до н. э., мы читаем: «Пепи очистился. Взял он в руку свою жезл *мах*, снабдил себя престолом своим и занял место свое в ладье великого и малого сонмов богов. Ра заставляет Пепи плыть на Запад, он утверждает место его выше мест владык двойников и записывает Пепи во главе живущих. Двери Пех-ка, что в бездне, отворяются пред Пепи,

двери из железа, которое есть свод неба, отворяются пред Пепи, и он проходит сквозь них; на нем шкура пантеры его, и жезл и бич — в руке его. Пепи шествует вперед с плотью своею, Пепи счастлив именем своим, и живет он с *ка* (двойником) своим». Довольно любопытно, что здесь упомянуты только тело, имя и двойник царя, как будто эти три составляли все его существо; и примечательно, какое значение придается в этом отрывке имени. В тексте из пирамиды другого царя[2] мы находим молитву о сохранении имени, столь любопытную, что приводим ее здесь в полном переводе; она гласит:

[1] Строка 169.

[2] Пепи II (изд. Масперо, строка 669 и сл.; «Сборник трудов», т. XII, 1892, с. 146).

> «О великий сонм богов, обитающих в Анну (Гелиополе), дайте Пепи Нефер-ка-Ра процветать (буквально: „прорастать“), и пирамиде его, вечному строению его, процветать, как процветает имя Тему, главы девяти богов! Если процветает имя Шу, владыки верхнего святилища в Анну, то будет процветать Пепи, и будет процветать пирамида его, вечное строение его! Если процветает имя Тефнут, владычицы нижнего святилища в Анну, то утвердится имя Пепи, и утвердится эта пирамида его во веки веков! Если процветает имя Себа при „поклонении земле“, то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет процветать это строение его во веки веков! Если процветает имя Нут в Доме Шент в Анну, то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет процветать это строение его во веки веков! Если процветает имя Осириса в номе Абидоса, то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет процветать это строение его во веки веков! Если процветает имя Осириса Хент-Аментет, то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет

процветать это строение его во веки веков! Если процветает имя Сета, обитающего в Нубт (Омбосе), то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет процветать это строение его во веки веков! Если процветает имя Гора, то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет процветать это строение его во веки веков! Если процветает имя Ра на горизонте, то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет процветать это строение его во веки веков! Если процветает имя Хент-мерти в Сехеме (Летополе), то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет процветать это строение его во веки веков! Если процветает имя Уатчет в Тепе, то будет процветать имя Пепи, и будет процветать эта пирамида его, и будет процветать это строение его во веки веков!»

Приведенная молитва, или формула, послужила источником большинства молитв и текстов, имевших целью «заставить имя прорастать», или «процветать», и так часто переписывавшихся в саисскую, птолемеевскую и римскую эпохи. Все эти сочинения показывают, что с древнейших времен до самых поздних вера в важность сохранения имени никогда не менялась в Египте, и сын, который помогал сохранять живым имя своего отца, а вместе с ним и память о нем, исполнял весьма похвальный долг. Но в настоящей главе нас занимают не столько обычные, сколько необычайные способы, какими можно было употребить имя, и приведенные факты упомянуты лишь затем, чтобы доказать, что имя человека считалось неотъемлемой частью его самого и что изгладить имя человека значило то же, что уничтожить его самого. Без имени ни один человек не мог быть опознан на суде, и как человек начинал существовать на этой земле лишь тогда, когда было произнесено его имя, так и будущей жизни можно

было достигнуть лишь после того, как боги загробного мира узнали это имя и произнесли его.

Согласно рассказу о Сотворении мира, который приводится в папирусе Неси-Амсу[3], прежде чем возникли мир и все, что в нем, существовал только великий бог Неб-ер-тчер, ибо даже боги еще не были рождены. И вот когда настало время богу сотворить все сущее, он говорит: «Я привел (то есть образовал) уста мои и произнес мое собственное имя как слово силы, и так я развил себя превращениями бога Хепера, и я развил себя из первозданного вещества, которое от начала времен развило из себя множество превращений. Ничего не существовало на этой земле [прежде меня], я сотворил все. Не было никого другого, кто трудился бы со мною в то время». В другом месте, то есть в другом изводе того же рассказа, бог Хепера говорит: «Я развил себя из первозданного вещества, которое я сотворил, я развил себя из первозданного вещества. Имя мое — „Осирис“, зародыш первозданного вещества». Итак, здесь мы имеем доказательство того, что египтяне считали сотворение мира следствием того, что бог Неб-ер-тчер, или Хепера, сам произнес свое имя. Далее, в рассказе о Ра и Исиде, приведенном в предыдущей главе, мы видели, что хотя Исида сумела сделать змея и заставить его ужалить Ра и тяжко его поразить, она была бессильна поступать по своему желанию на небе и на земле до тех пор, пока не убедила бога открыть ей свое имя, которым он правил вселенной. Уступив богине свое имя, он отдал себя в ее власть, и в этом примере мы видим разительное свидетельство веры в то, что знание имени бога, или демона, или человека означало власть над этим существом. В другом месте мы видели, что Ра, образ и символ Бога, называется богом «многих имен», и в том дивном сочинении, которое составляет XVII главу «Книги мертвых»[4], мы находим следующее изречение: «Я —

великий бог Ну, который сам себя родил и который сделал имя свое сонмом богов». Затем ставится вопрос: «Что это значит?» или «Кто это?» И вот ответ: «Это Ра, творец имен членов своих, которые возникли в образе богов, что в свите Ра». Отсюда мы видим, что все «боги» Египта были лишь олицетворениями *имен* Ра, что каждый бог был одним из его членов и что имя бога было самим богом.

[3] См. мою статью в «Археологии», т. LII, Лондон, 1891.

[4] См. «Главы о выходе днем», с. 49.

Без знания имен богов и демонов преисподней умершему египтянину пришлось бы плохо, ибо его личная свобода была бы скована, дороги и тропы были бы для него преграждены, врата обителей преисподней безвозвратно затворились бы перед ним, а враждебные силы, гнавшиеся за ним по пятам, покончили бы с ним; эти обстоятельства лучше всего пояснить следующими примерами. Когда умерший приходит в Чертог Суда, в самом начале своей речи он говорит: «Хвала тебе, великий бог, владыка Маати! Я пришел к тебе, господин мой, и привел себя сюда, чтобы узреть красоты твои. Я знаю тебя, и я знаю имя твое, и я знаю имена сорока двух богов, которые пребывают с тобою в этом Чертоге Маати»[5]. Но хотя бы боги и были к нему благосклонны и сам он на суде оказался праведным, он не может пройти среди прочих богов преисподней, не зная имен некоторых частей Чертога Маати. После суда он получает таинственное имя «Снабженный цветами и обитающий в своей маслине», и лишь после того, как он произнесет это имя, боги говорят: «Проходи». Затем боги приглашают его войти в Чертог Маати, но ему не дозволяют войти, пока он, в ответ на вопросы, которые задают ему засовы, притолоки, порог, запоры, гнездо, створки и косяки

дверей, не назовет их имен. Пол Чертога не позволит ему ступить на себя, если он не назовет не только его имени, но и таинственных имен своих двух ног и ступней, которыми собирается по нему ступать. Когда все это исполнено, страж Чертога говорит ему: «Я не возвещу [богу] имени твоего, если ты не скажешь мне моего имени»; и умерший отвечает: «„Различающий сердца и испытующий утробы“ — имя твое». На это страж говорит: «Если я возвещу имя твое, ты должен произнести имя бога, который пребывает в своем часе», — и умерший произносит имя «Маау-Тауи». Но страж все еще не удовлетворен и говорит: «Если я возвещу имя твое, ты должен сказать мне, кто тот, чье небо — из огня, чьи стены [увенчаны] живыми уреями и пол чьего дома — поток воды. Кто он, говорю я?» (то есть как его имя?). Но умерший, разумеется, выучил имя великого бога и отвечает: «Осирис». Теперь страж Чертога доволен и говорит: «Ступай вперед, воистину имя твое будет упомянуто перед ним»; и он обещает еще, что лепешки, и пиво, и погребальные трапезы, которыми будет наслаждаться умерший, будут исходить от «Ока Ра». В другой главе[6] умерший обращается к семи богам и говорит: «Привет вам, семеро существ, которые творите приговоры, которые держите Весы в ночь суда *уджата*, которые отсекаете головы, которые рубите в куски шеи, которые насильно овладеваете сердцами и раздираете места, где сердца утверждены, которые совершаете заклания в Огненном озере, — я знаю вас, и я знаю имена ваши; знайте же и вы меня, как я знаю имена ваши». Объявив, что семь богов знают его имя, а он — их имена, умерший уже не опасается, что с ним случится беда.

[5] См. «Главы о выходе днем», с. 191.

[6] См. «Главы о выходе днем», с. 128.

В одной части царства Осириса находились семь чертогов, или обителей, через которые умерший желал пройти, но каждые врата охранялись привратником, стражем и глашатаем, и умершему требовалось особо позаботиться о том, чтобы убедить эти существа, что он вправе миновать их. Прежде всего надлежало сделать из какого-нибудь вещества (или нарисовать на папирусе) изображения семи врат, а также фигуру умершего; эту последнюю подводили к каждым вратам, ставили перед ними, и она произносила обращение, особо для того составленное. Тем временем у каждых врат приносили в жертву бедро, голову, сердце и копыто рыжего быка, а также великое множество разнообразных приношений, которые нет нужды описывать подробно. Но все эти обряды не помогли бы умершему пройти через врата, если бы он не знал имен семи привратников, семи стражей и семи глашатаев, которые их охраняли. Богами первых врат были Сехет-хра-ашт-ару, Семету и Ху-херу; вторых — Тун-хат, Секет-хра и Сабес; третьих — Ам-хуат-ент-пехфи, Рес-хра и Ууау; четвертых — Хесеф-хра-ашт-херу, Рес-аб и Нетека-хра-хесеф-ату; пятых — Анх-ем-фенту, Ашебу и Тебхеркехаат; шестых — Акентаук-ха-херу, Ан-хра и Метес-хра-ари-ше; седьмых — Метес-сен, Ааа-херу и Хесеф-хра-хемиу. А текст, который умерший произносит, обращаясь ко всем Чертогам вместе, начинается так: «Привет вам, Чертоги! Привет вам, сотворившие Чертоги для Осириса! Привет вам, стерегущие Чертоги ваши! Привет вам, возвещающие дела обеих земель богу Осирису каждый день! Умерший знает вас, и он знает имена ваши»[7]. Когда имена были произнесены, а обращения прочитаны должным образом, умерший ходил, куда ему было угодно, по семи Чертогам Осириса.

[7] См. «Главы о выходе днем», с. 241.

Но кроме семи чертогов умерший должен был пройти через двадцать один сокровенный пилон дома Осириса на Елисейских полях, и для этого ему надлежало объявить имена пилона и привратника каждого из них и, сверх того, произнести краткое обращение. Так, первому пилону он говорит: «Я проложил себе путь, я знаю тебя, и я знаю имя твое, и я знаю имя бога, который охраняет тебя. Имя твое — „Владычица трепета, с высокими стенами, державная владычица, госпожа разрушения, приводящая в порядок слова, которые отгоняют вихрь и бурю, избавляющая от гибели того, кто странствует по пути“; а имя привратника твоего — Нери». У второго пилона он говорит: «Я проложил [мой] путь, я знаю тебя, и я знаю имя твое, и я знаю имя бога, который охраняет тебя. Имя твое — „Владычица неба, госпожа мира, пожирающая огнем, владычица смертных, знающая род людской“. Имя привратника твоего — Мес-Птах», — и так у каждого из пилонов. В позднейшем и более пространном изводе главы, написанной для того, чтобы снабдить умершего этим знанием, он сообщает богу каждого пилона, какое очищение он прошел; так, богу первого пилона он говорит: «Я умастил себя мазью *хати*, [приготовленной из] кедра, я облачился в одежды из *менх* (льна), и со мною мой скипетр из дерева *хети*». После этой речи бог пилона говорит: «Проходи же, ты чист».

Если вспомнить, что, согласно одному из древнейших верований о будущей жизни, человеку предстояло жить в Сехет-Аару, или Поле Тростников, — области, которая, как мы знаем по дошедшим до нас ее изображениям, была пересечена каналами и потоками, — то сразу станет ясно, что, для того чтобы переправляться из одной ее части в другую, умершему понадобилась бы ладья. Даже если допустить, что ему посчастливилось самому добраться до этой области, взять ладью с

собою он не мог. Чтобы выйти из этого затруднения, ладью со всеми ее различными частями рисовали на папирусе, на котором для него было написано собрание глав из «Книги мертвых», и знание текста главы, относившейся к этому рисунку, заставляло рисунок стать настоящей ладьей. Но прежде чем он мог взойти на нее, столб, к которому она была привязана, и каждая часть самой ладьи требовали, чтобы он назвал им их имена, а именно:

Причальный столб. «Скажи мне имя мое». У.[8] «Владыка обеих земель, обитающий в святилище» — имя твое.

Руль. «Скажи мне имя мое». У. «Нога Хапиу» — имя твое.

Канат. «Скажи мне имя мое». У. «Волосы, которыми Анпу завершает дело моего бальзамирования» — имя твое.

Уключины. «Скажи нам имя наше». У. «Столпы преисподней» — имя ваше.

Трюм. «Скажи мне имя мое». У. «Акау» — имя твое.

Мачта. «Скажи мне имя мое». У. «Возвращающий владычицу после ее ухода» — имя твое.

Нижняя палуба. «Скажи мне имя мое». У. «Знамя Ап-уата» — имя твое.

Верхний столб. «Скажи мне имя мое». У. «Горло Местха» — имя твое.

Парус. «Скажи мне имя мое». У. «Нут» — имя твое.

Кожаные ремни. «Скажите нам имя наше». У. «Те, что сделаны из шкуры быка Мневиса, сожженного Сути» — имя ваше.

Весла. «Скажи нам имя наше». У. «Пальцы Гора Первородного» — имя ваше.

Черпак (?). «Скажи мне имя мое». У. «Рука Исиды, отирающая кровь Ока Гора» — имя твое.

Доски. «Скажи нам имена наши». У. «Местха, Хапи, Дуамутеф, Кебхсенуф, Хакау, Тет-ем-ауа, Маа-ан-теф, Ари-неф-тчесеф» — имена ваши.

Нос. «Скажи нам имя наше». У. «Тот, кто во главе номов своих» — имя ваше.

Корпус. «Скажи мне имя мое». У. «Мерт» — имя твое.

Руль. «Скажи мне имя мое». У. «Ака» — имя твое; «Сияющий в воде, сокрытый брус» — имя твое.

Киль. «Скажи мне имя мое». У. «Бедро Исиды, которое Ра отсек ножом, чтобы принести кровь в ладью Сектет» — имя твое.

Корабельщик. «Скажи мне имя мое». У. «Путник» — имя твое.

Ветер. «Скажи мне имя мое». У. «Северный ветер, что исходит от Тема к ноздрям Осириса» — имя твое.

---

[8] У. — умерший.

А когда умерший назвал им их имена, то, прежде чем пуститься в путь, он был обязан назвать реке, и берегам реки, и земле их таинственные имена. После этого ладья принимала его как путника, и он мог плыть по своей воле в любую часть Елисейских полей.

Но среди существ, которых умерший желал избежать в преисподней, были существа, которые «расставляют силки, и работают сетями, и суть рыболовы» и которые затянули бы его в свои сети. По-видимому, ему было совершенно неизбежно встретиться с этими существами и их сетями, ибо целая глава «Книги мертвых» была написана для того, чтобы он мог ускользнуть от них невредимым; бог, их предводитель, называется «богом, лицо которого позади него» и «богом, который овладел своим сердцем». Чтобы спастись от сети, которой работали «рыболовы, что расставляют силки сетями

своими и обходят покои вод», умерший должен был знать имена сети, и веревок, и шеста, и крючьев, и всякой ее части без исключения; без этого знания ничто не могло спасти его от беды. К сожалению, мы понимаем очень немногие из намеков на мифологические события, заключенных в именах различных частей снасти, которой работают сетью, но совершенно несомненно, что они относятся к неким событиям в жизни упомянутых богов и что события эти были хорошо известны писавшим и читавшим религиозные тексты.

Из приведенных описаний средств, которыми умерший пролагал себе путь через врата и чертоги преисподней и спасался от птицелова и его сети, нетрудно понять, что в одних случаях одного знания имени было довольно, чтобы помочь ему выйти из затруднений, а в других было необходимо иметь имя, наделенное магической силой, начертанным на каком-нибудь предмете, на амулете или ином. Сверх того, полагали, что некоторые боги и демоны имеют власть принимать различные образы, и так как каждый образ нес с собою свое собственное имя, то, чтобы иметь полную власть над богом многих образов, необходимо было знать все его имена. Так, в «Книге низвержения Апопа»[9] нам велят не только сделать восковую фигурку чудовища, но и написать на ней его имя, чтобы, когда фигурку уничтожат, предав ее огню, уничтожилось бы и его имя; это разительный пример веры в то, что имя было неотъемлемой частью состава живого существа. Но Апоп обладал многими образами, а следовательно, и многими именами, и если его не заклинали этими именами, он все еще сохранял власть творить зло; поэтому упомянутая книга[10] снабжает нас списком его имен, среди которых встречаются следующие: «Туту (то есть Дважды злой), Хау-хра (то есть Обращенный лицом назад), Хемхемти (то есть Ревущий), Кету (то

есть Злодей), Амам (то есть Пожиратель), Саатет-та (то есть Омрачающий землю), Иубани, Хермути, Унти, Карауемемти, Хесеф-хра, Сехем-хра, Хак-аб, Наи, Уаи, Бетешу, Харебуту, четырежды изверг», и т. д. Все эти имена, как видно из тех немногих, для которых дан перевод, представляют различные облики Апопа, демона грома, молнии, туч, дождя, тумана, бури и тому подобного, и это стремление олицетворить их, чтобы на олицетворения можно было нападать посредством магических обрядов и слов силы, кажется нам весьма простодушным.

[9] Папирус Неси-Амсу, кол. XXIII, строка 6 («Археология», т. LII).

[10] Там же, кол. XXXII, строка 13 и сл.

Переходя теперь к некоторым главам «Книги мертвых», богатым именами, наделенными магической силой[11], мы замечаем, что бог Амон, имя которого означало «сокровенный», обладал многочисленными именами, на знание которых умерший полагался как на защиту. Так, он говорит: «О Амон[12], Амон; о Ре-Иукаса; о Бог, Князь богов востока, имя твое — На-ари-к, или (как говорят другие) Ка-ари-ка, Касаика — имя твое. Аретикасатика — имя твое. Амон-на-ан-ка-ентек-шаре, или (как говорят другие) Тек-шаре-Амон-керети, — имя твое. О Амон, дай мне воззвать к тебе с мольбою, ибо я, даже я, знаю имя твое. Амон — имя твое. Ирекаи — имя твое. Маркатаи — имя твое. Ререи — имя твое. Насакбубу — имя твое. Танаса-Танаса — имя твое. Шарешатаката — имя твое. О Амон, о Амон, о Бог, о Бог, о Амон, я поклоняюсь имени твоему». В другом месте[13] умерший обращается к Сехмет-Баст-Ра, говоря: «Ты — огненная богиня Ами-сешет, от которой не ускользает час ее; имя твое — Кахаресапусаремкакаремет. Ты подобна могучему пламени Сакенаката, что на носу ладьи отца твоего Харепукакашарешабаиу, ибо вот так [произносится имя] на

языке чернокожих, и анти, и народа Нубии... Сефиперемхесихрахапутчетеф — имя твое; Атареамтчеркемтуреннупаршета — имя одного из божественных сынов твоих, а Панемма — имя другого». А еще в одной главе[14] умерший, обращаясь к богу Пару, говорит: «Ты — могучий именами среди богов, могучий бегун, чьи шаги могучи; ты — бог, могучий, который приходишь и спасаешь нуждающегося и скорбящего от того, кто угнетает его; внемли воплю моему. Я — Корова, и божественное имя твое в устах моих, и я произнесу его: Хакахакахер — имя твое; Аурауаакерсаанкребати — имя твое; Херсерау — имя твое; Харсата — имя твое. Я славлю имя твое... О, будь милостив к умершему и дай теплу быть под головою его, ибо воистину он — душа великого божественного Тела, которое покоится в Анну (Гелиополе), чьи имена — Хухеперуру и Барекататчара».

[11] Главы CLXII, CLXIII, CLXIV, CLXV.

[12] См. «Главы о выходе днем», с. 295.

[13] Там же, с. 293.

[14] См. «Главы о выходе днем», с. 289.

Описанные выше примеры употребления имен, обладающих магической силой, показывают полурелигиозные воззрения египтян на имена, и теперь нам предстоит вкратце рассмотреть, каким образом знание имени применялось в делах менее важных, чем те, что имели целью достижение жизни и счастья в будущем мире. В знаменитом магическом папирусе[15], который издал Шаба[16], мы находим ряд любопытных оберегов и магических формул, написанных для того, чтобы охранить их обладателя от нападений всякого рода морских и речных чудовищ; вот пример

одной из них: «Привет тебе, владыка богов! Отгони от меня львов страны Меру (Мероэ?), и крокодилов, которые выходят из реки, и укус всех ядовитых гадов, которые выползают из нор своих. Назад, о крокодил Мак, сын Сета! Не двигайся хвостом своим! Не шевели ногами и лапами своими! Не раскрывай пасти своей! Да обратится вода, что пред тобою, в пожирающий огонь, о ты, которого сотворили тридцать семь богов и которого змей Ра заключил в оковы, о ты, скованный железными цепями пред ладьей Ра! Назад, о крокодил Мак, сын Сета!» Эти слова следовало произносить над изображением бога Амона, нарисованным на глине; у бога должны были быть четыре бараньи головы на одной шее, под ногами его — изображение крокодила Мака, а справа и слева от него — песьеголовые обезьяны, то есть преображенные духи зари, которые пели хвалебные гимны Ра, когда он восходил каждый день[17]. Или предположим, что какое-нибудь водяное чудовище пожелало напасть на человека в лодке. Чтобы избежать этого, человек становился перед каютой лодки и, взяв в руку твердое яйцо, говорил: «О яйцо воды, которая разлилась по земле, сущность божественных обезьян, великое на небе вверху и на земле внизу, обитающее в гнездах, что в водах, я вышел с тобою из воды, я был с тобою в гнезде твоем, я — Амсу из Копта, я — Амсу, владыка Кебу». Когда он произносил эти слова, он являлся животному в воде в образе бога Амсу, с которым он себя отождествил, и животное пугалось и убегало. В конце папируса, в котором находятся приведенные отрывки, мы встречаем ряд магических имен, которые можно прочесть так: Атир-Атиса, Атиркаха-Атиса, Самуматнатму-Атиса, Самуанемуи-Атиса, Самутекаари-Атиса, Самутекабаиу-Атиса, Самутчакаретча-Атиса, Таууарехаса, Кина, Хама, Сенентута-Батет-сатаиу, Анрехаката-сатаиу, Хаубаилра-Хаари. По этим и подобным магическим именам

совершенно несомненно, что гностики и другие секты, державшиеся сходных с ними взглядов, заимствовали те имена, которые они так любили начертывать на своих амулетах и в так называемых магических папирусах. Этот последний разряд документов, без сомнения, содержит очень большую долю магических представлений, верований, формул и т. д., ходивших в Египте со времени Птолемеев до конца римской эпохи, но примерно с 150 г. до н. э. до 200 г. н. э. в папирусах видны следы влияния греческих, еврейских и сирийских философов и магов, и доказательство этому мы можем получить из отрывка, подобного следующему[18]: «Призываю тебя, Безглавый, сотворивший землю и небо, сотворивший ночь и день, тебя, творца света и тьмы. Ты — Осороннофрис, которого никто никогда не видел; ты — Иабас, ты — Иапос, ты разделил праведное и неправедное, ты сотворил женское и мужское, ты произвел семена и плоды, ты сотворил людей, чтобы они любили друг друга и ненавидели друг друга. Я — Моисей, пророк твой, которому ты вверил таинства твои, обряды Израиля; ты произвел влажное и сухое и всякую пищу. Услышь меня: я — ангел Фапро Осороннофриса; это твое истинное имя, переданное пророкам Израиля. Услышь меня[19]...» В этом отрывке имя Осороннофрис, очевидно, есть искажение древних египетских имен великого бога мертвых «Аусар Уннефер», а Фапро, по-видимому, представляет египетское *Пер-аа* (буквально «великий дом»), или «фараон», с приставленным спереди артиклем *па* — «этот». Любопытно отметить, что упомянут Моисей; это обстоятельство, по-видимому, указывает на еврейское влияние.

[15] Британский музей, № 10042.

[16] Шаба, «Магический папирус Харриса», Шалон-на-Соне, 1860.

[17] См. сцену в закругленной части стелы Меттерниха, изображенной выше (см. главу IV).

[18] См. Гудвин, «Фрагмент греко-египетского сочинения о магии», с. 7.

[19] Далее следует ряд имен, например: Рейбет, Ателеберсте, Блата, Абеу, Эбенфи.

В другой магической формуле мы читаем[20]: «Призываю тебя, сотворившего землю и кости, и всякую плоть, и всякий дух, утвердившего море и колеблющего небеса, отделившего свет от тьмы, великий упорядочивающий разум, всем распоряжающийся, око мира, дух духов, бог богов, владыка духов, неподвижный Эон, Иаоуэи, услышь голос мой. Призываю тебя, правителя богов, высокогремящего Зевса, Зевса-царя, Адонаи, владыку, Иаоуэе. Я тот, кто призывает тебя на сирийском языке: великий бог, Заалаэр, Иффу, — не пренебреги и еврейским наименованием: Абланатаналб, Абрасилоа. Ибо я — Силтахооух, Лайлам, Бласалот, Иао, Иэо, Небут, Сабиотар, Бот, Арбатиао, Иаот, Саваоф, Патуре, Загуре, Барух Адонаи, Элоаи, Иабраам, Барбарауо, Нау, Сиф», и т. д. Заклинание кончается утверждением, что оно «разрешает оковы, ослепляет, насылает сны, снискивает благосклонность; его можно употреблять вообще для какой угодно цели». В приведенном тексте мы сразу замечаем употребление семи гласных, которые образуют «имя, в котором заключены все Имена, и все Светы, и все Силы»[21]. Семь гласных, разумеется, имеют отношение к трем гласным «Иао»[22], которые должны были представлять одно из еврейских имен Бога Всемогущего — «Ях». Имена «Адонаи, Элоаи» также происходят через еврейский язык из Библии, а Саваоф — другое хорошо известное еврейское слово, означающее «воинства»; некоторые из прочих имен можно было бы объяснить, если бы позволяло место, еврейскими и сирийскими словами. На папирусах и амулетах гласные пишутся в магических

сочетаниях так, что образуют треугольники и другие фигуры; вместе с ними часто встречаются имена семи архангелов Божиих; вот примеры:

[20] Гудвин, указ. соч., с. 21.

[21] См. Кеньон, «Каталог греческих папирусов в Британском музее», Лондон, 1893, с. 63.

[22] Вместо «Иаоуэи» следует, вероятно, читать «Иао уэи».

№ 1[23]	*№ 2*[24]	*№ 3*[25]
α	*αεηιουω*	*μιχαηλ*
εε	*εηιουωα*	*ραφαηλ*
ηηη	*ηιουωαε*	*γαβριηλ*
ιιιι	*ιουωαεη*	*σουριηλ*
ooooo	*ουωαεηι*	*ζαζιηλ*
υυυυυυ	*υωαεηιο*	*βαδακιηλ*
ωωωωωωω	*ωαεηιου*	*συλιηλ*

[23] Британский музей, гностическая гемма, № G. 33.

[24] Кеньон, «Каталог греческих папирусов», с. 123.

[25] Там же, с. 123. Эти имена читаются: Михаил, Рафаил, Гавриил, Суриил, Зазиил, Бадакиил и Сулиил.

В сочетании с рядом знаков, обязанных своим происхождением гностикам, семь гласных иногда вырезали на пластинках или писали на папирусах с целью дать обладателю власть над богами, или демонами, или над подобными ему людьми. Пример, приведенный ниже, находится на одном папирусе в Британском музее и сопровождает заклинание, написанное для того, чтобы одолеть злобу врагов и доставить защиту от тревог и ночных видений[26].

[26] Кеньон, указ. соч., с. 121.

Амулет со знаками и буквами магической силы для одоления злобы врагов. (Британский музей, греческий папирус № CXXIV, IV или V век.)

Но из всех имен, встречающихся на гностических геммах, чаще всего попадаются два, а именно Хнубис (или Хнумис) и Абрасакс (или Абраксас). Первого обычно изображают в виде огромного змея с головою льва, окруженной семью или двенадцатью лучами. Над семью лучами, по одной на конце каждого, стоят семь гласных греческого алфавита, которые, как полагают некоторые, относятся к семи небесам; а на оборотной стороне амулета, на

котором встречается фигура Хнумиса, обычно находится знак ~~SSS~~, то есть тройное S с чертой. Хнумис — это, разумеется, одна из форм древнеегипетского бога Хнума, или «Ваятеля» людей и зверей, бога, которому приписывали многие свойства Творца вселенной. Однако Хнума часто изображают с головою барана, а в позднейшие времена, как «прекрасного овна Ра», — с четырьмя головами; на египетских памятниках у него иногда бывает голова ястреба, но никогда — голова льва. Бога Абрасакса представляют в образе с человеческим телом, головою ястреба или петуха и ногами, оканчивающимися змеями; в одной руке он держит нож или кинжал, а в другой — щит, на котором начертано великое имя ΙΑΩ, или Ях. Относительно значения и происхождения имени Абрасакс существует немалое разногласие, но нет сомнения, что носивший его бог был одной из форм бога Солнца и что он должен был представлять некую сторону Творца мира. Считали, что это имя обладает магической силой высшего порядка, и Василид[27], который ввел его в обиход во II веке, по-видимому, почитал его именем непобедимым. Вероятно, однако, что точное его значение рано утратилось и что оно вскоре выродилось в простой магический символ, ибо его часто находят начертанным на амулетах рядом со сценами и фигурами, с которыми оно, по-видимому, не может иметь никакой связи. Судя по некоторым гностическим геммам в Британском музее, Абрасакса следует отождествить с многобожной фигурой, которая стоит в верхней части стелы Меттерниха, изображенной выше (см. главу IV). У этой фигуры два тела, одно человеческое, а другое птичье; от них отходят четыре крыла, и из каждого колена выступает змей. У нее две пары рук; одна пара простерта вдоль крыльев, и каждая рука держит символы «жизни», «устойчивости» и «власти», а также два ножа и двух змей; другая пара опущена, причем правая рука

сжимает знак жизни, а другая — скипетр. Лицо у нее причудливое и, вероятно, изображает лицо Беса, или солнца в образе старика; на голове у нее предмет в форме пилона с фигурами различных животных, а над ним пара рогов, которые поддерживают восемь ножей и фигуру бога с поднятыми руками, означающую «миллионы лет». Бог стоит на овале, в котором изображены фигуры различных «тифонических» животных, а по обе стороны его венца исходят несколько символов огня. Вобрал ли Абраксас в гностической системе все имена и свойства этого многообразного бога, с уверенностью сказать нельзя.

---

[27] Василид Александрийский, живший около 120 г. н. э. Он был учеником Менандра и объявлял, что получил тайное учение святого Петра от Главкия, ученика апостола.

ГЛАВА VI

МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

✦

На предшествующих страницах мы видели, как египтяне пользовались магическими камнями, или амулетами, и магическими словами, и магическими картинами, и магическими именами, совершая дела и добрые, и злые; остается рассмотреть те магические обряды, в которых искусство жреца-мага проявлялось в полной мере и ради высочайших целей, а именно ради того, чтобы сохранить человеческое тело в виде мумии и совершить символические действия, которые вернули бы ему его естественные отправления. Когда мы думаем о возвышенном характере той жизни, которую, как верили, души блаженных умерших ведут на небе вместе с богами, трудно понять, зачем египтяне так старались уберечь физическое тело от тления. Ни один египтянин, веривший своим Писаниям, никогда не ожидал, что его тленное тело взойдет на небо и будет жить с богами, ибо Писания без всякой двусмысленности объявляют, что тело остается на земле, тогда как душа обитает на небе. Но что сохранение тела было каким-то образом или по какой-то причине совершенно необходимо, — это несомненно, ибо искусство мумификации процветало несколько тысяч лет, и, не будь тому какого-то веского основания, помимо приверженности к давнему обычаю и к заведенному издревле порядку, цари и жрецы,

знатные и простые, богатые и бедные никогда не стали бы обременять своих родственников и наследников расходами на дорогие погребальные обряды и совершением обрядов, которые ни к чему не ведут. На первый взгляд кажется странным и то, что египтяне тщательно изучали, как лучше всего обеспечить умерших постоянным подвозом погребальных приношений, ибо, вдумавшись, мы замечаем, что в устройстве благополучия умерших решительно ничто не было оставлено на волю случая. Например, в папирусе будет несколько молитв и картин с соответствующими формулами, и цель каждой из них — дать умершему мясо и питье; любой из них было бы довольно для этой цели, но в столь важном деле считали за лучшее удостовериться вдвойне, и если была хоть малейшая неуверенность в действенности одной главы, к ней прибавляли одну или несколько других того же рода. Точно так же, поскольку естественное тело после смерти стремится к тлению, величайшую заботу прилагали к мумификации различных его членов, чтобы какой-нибудь из них ненароком не остался без внимания и не истлел и не погиб либо оттого, что над ним опустили слова силы, которые следовало произнести, либо от небрежного совершения какого-нибудь обряда. Египтянин объявлял, что он бессмертен, и верил, что будет наслаждаться вечной жизнью в духовном теле; и все же он пытался совершением магических обрядов и чтением слов силы сделать так, чтобы его тленное тело пребывало вечно. Он верил, что будет питаться небесной и нетленной пищей, которой живут боги, но вместе с тем не жалел ни трудов, ни расходов, чтобы его гробница в положенные сроки в течение всего года снабжалась тленной пищей в виде приношений быков, пернатой птицы, лепешек, хлеба и тому подобного. Он мумифицировал своих умерших и обвивал их льняными

пеленами, а затем совершением магических обрядов и чтением слов силы старался вернуть их членам способность есть, и пить, и говорить, и мыслить, и двигаться по своей воле. В самом деле, все свидетельства, какими мы ныне располагаем, по-видимому, доказывают, что он так и не смог заставить себя думать, будто боги могут обойтись без его помощи или будто картины, или изображения сцен, происходивших в жизни, и смерти, и погребении, и воскресении Осириса, на которые он так безоговорочно полагался, могут хоть в чем-то уступить в действенности подлинной силе самого бога.

Исследование мумий показало нам с достаточной ясностью, какие способы применялись при подготовке тел к пеленанию и к окончательному украшению, а средства, к которым прибегали, чтобы избавиться от наиболее тленных частей тела, хорошо известны из сочинений классических и других писателей. Но за описанием того, как пеленали тело, и за перечнем мазей и прочих веществ, употреблявшихся при этом, и за словами силы, которые произносили, когда каждую пелену клали на свое место, мы должны обратиться к весьма любопытному папирусу, который издал и перевел г-н Масперо под заглавием «Ритуал бальзамирования»[1]. Первая часть папируса, в которой, вероятно, давались наставления об извлечении внутренностей из тела, утрачена, и сколько-нибудь полно сохранился лишь отдел, касающийся пеленания. Текст открывается обращением к умершему, в котором сказано: «Благовоние Аравии принесено тебе, чтобы сделать совершенным запах твой благоуханием бога. Вот принесены тебе жидкости, вышедшие от Ра, чтобы сделать совершенным… запах твой в Чертоге [Суда]. О благоуханная душа великого бога, ты заключаешь в себе столь сладостный аромат, что лицо твое не изменится и не погибнет… Члены твои обретут

юность в Аравии, и душа твоя явится над телом твоим в Та-нетер (то есть в „божественной земле“)». После этого жрец, или бальзамировщик, должен был взять сосуд с жидкостью, в которой было десять благовоний, и умастить ею тело с головы до ног дважды, особо позаботившись о том, чтобы как следует умастить голову. Затем он должен был сказать: «Осирис (то есть умерший), ты получил благовоние, которое сделает совершенными члены твои. Ты получаешь источник [жизни] и принимаешь образ великого Диска (то есть Атона), который соединяется с тобою, чтобы дать прочный образ членам твоим; ты соединишься с Осирисом в великом Чертоге. Мазь приходит к тебе, чтобы образовать члены твои и возвеселить сердце твое, и ты явишься в образе Ра; она сделает тебя невредимым, когда ты будешь заходить на небе вечером, и разнесет запах твой по номам Акерт… Ты получаешь кедровое масло в Аментет, и кедр, вышедший из Осириса, приходит к тебе; он избавляет тебя от врагов твоих и охраняет тебя в номах. Душа твоя опускается на почтенные сикоморы. Ты взываешь к Исиде, и Осирис слышит голос твой, и Анубис приходит к тебе, чтобы призвать тебя. Ты получаешь масло страны Ману, пришедшее с Востока, и Ра восходит над тобою у врат горизонта, у святых дверей Нейт. Ты входишь туда, душа твоя на верхнем небе, а тело твое на нижнем небе… О Осирис, да заставит Око Гора то, что истекает из него, прийти к тебе и к сердцу твоему навеки!» Когда эти слова были сказаны, весь обряд повторяли, а затем внутренности, извлеченные из тела, помещали в «жидкость сыновей Гора», чтобы жидкость этого бога вошла в них, и, пока их так обрабатывали, над ними читали главу и клали их в погребальный ларец. Когда это было сделано, внутренности клали на тело, и, после того как тело уложили прямо, хребет погружали в священное масло, а лицо умершего

обращали к небу; затем на хребет клали пелену Себека и Седи. В длинной речи к умершему обращаются и говорят ему, что жидкость эта «тайная», что она — истечение богов Шу и Себа и что смола Финикии и асфальт Библа сделают совершенным его погребение в загробном мире, и дадут ему его ноги, и облегчат ему движения, и освятят его шаги в Чертоге Себа. Затем умершему приносят золото, серебро, лазурит и бирюзу, и горный хрусталь, чтобы озарить его лицо, и сердолик, чтобы укрепить его шаги; из них составляются амулеты, которые обеспечат ему свободный проход в загробном мире. Тем временем хребет держат в масле, а лицо умершего обращено к небесам; и далее начинается золочение ногтей на пальцах рук и ног. Когда это сделано и части пальцев обернуты полотном, сотканным в Саисе, к умершему обращаются со следующими словами: «О Осирис, ты получаешь ногти твои из золота, пальцы твои из золота и большой палец твой из металла *сму* (или *уасм*); жидкость Ра входит в тебя, как и в божественные члены Осириса, и ты шествуешь на ногах твоих к бессмертной обители. Ты отнес руки твои в дом вечности, ты сделан совершенным в золоте, ты ярко сияешь в металле *сму*, и пальцы твои сияют в жилище Осириса, в святилище самого Гора. О Осирис, золото гор приходит к тебе; оно — святой талисман богов в их обителях, и оно озаряет лицо твое на нижнем небе. Ты дышишь в золоте, ты являешься в металле *сму*, и обитатели Ре-стау принимают тебя; те, что в погребальном ларце, ликуют, ибо ты превратился в золотого ястреба посредством амулетов (*или* талисманов) твоих из Города Золота» и т. д. Когда эти слова сказаны, жрец, которому дано олицетворять Анубиса, подходит к умершему, совершает у его головы некие символические обряды и кладет на нее некие пелены. Когда голову, и рот, и лицо хорошо умастили маслом, на лоб кладут пелену Нехеб, на лицо — пелену

Хатхор, на оба уха — пелену Тота, а на затылок — пелену Небт-хетеп. На голову клали пелену Сехмет из двух кусков, а на каждое ухо, и на каждую ноздрю, и на каждую щеку прикрепляли пелену, или полосу полотна; на лоб шли четыре куска полотна, на темя — два, снаружи рта — два и внутри — два, на подбородок — два, а на затылок — четыре больших куска; справа и слева от лица, через оба уха, надлежало положить двадцать два куска. Затем к Владычице Запада обращаются с такими словами: «Даруй, чтобы в голове умершего совершалось дыхание в загробном мире, и чтобы он видел глазами своими, и чтобы слышал обоими ушами своими; и чтобы дышал носом своим; и чтобы мог издавать звуки устами своими; и чтобы мог говорить языком своим в загробном мире. Прими голос его в Чертоге Маати и речь его в Чертоге Себа пред лицом Великого Бога, владыки Аментет». Обращения, которые следуют за этими словами, говорят о радостях и усладах будущей жизни, которые будут обеспечены умершему маслом и мазями, должным образом названными и описанными, а также магическими фигурами, нарисованными на пеленах. Упоминаются охранительные свойства бирюзы и других драгоценных камней, и после нового умащения маслом и возложения зерен мирры и смолы объявляется, что умерший «получил голову свою», и ему обещают, что она никогда больше не отойдет от него. По окончании обрядов, касающихся головы, умерший обретает власть входить к святым и совершенным духам, имя его возвеличено среди людей, обитатели неба принимают его душу, существа загробного мира склоняются пред его телом, живущие на земле поклоняются ему, а обитатели погребальной горы обновляют ему юность. Кроме того, Анубис и Гор делают совершенными его пелены, и бог Тот охраняет его члены своими словами магической силы; и сам он узнал магические формулы,

которые нужны, чтобы сделать прямым его путь в загробном мире, а также надлежащий способ их произносить. Все эти блага были обеспечены ему употреблением пелен и мазей, обладающих и магическими именами, и магическими свойствами, и словами силы, которые произносили жрецы, читавшие Ритуал бальзамирования, и обрядами, которые жрец, изображавший Анубиса, совершал подле тела умершего в подражание тем, что бог Анубис совершил для умершего бога Осириса в давние дни.

[1] В «Записке о некоторых папирусах Лувра», Париж, 1875.

Затем мумифицировали и пеленали левую кисть умершего согласно наставлениям, данным в Ритуале бальзамирования. Кисть простирали на куске полотна, и на пальцы надевали кольцо; затем ее наполняли тридцатью шестью веществами из тех, что употреблялись при бальзамировании, по числу образов бога Осириса. После этого кисть обвивали полосой полотна в шесть слоев, на которой были нарисованы фигуры Исиды и Хапи. С правой кистью поступали подобным же образом, только фигуры, нарисованные на пеленах, были фигурами Ра и Амсу; и когда над обеими кистями были прочитаны подобающие слова, им было обеспечено божественное покровительство. После этого совершались обряды, касавшиеся правой и левой рук, а за ними следовало натирание подошв, и голеней, и бедер сперва маслом черного камня, а затем священным маслом. Пальцы ног обертывали полотном, и на каждую ногу клали кусок полотна; на каждом куске рисовали фигуру шакала, причем на правой ноге она изображала Анубиса, а на левой — Гора. Когда цветы растения *анхам* и другие вещества были положены подле ног и на них, и ноги были обработаны водой с камедью черного дерева и священным маслом, и были сказаны подобающие обращения,

обряд пеленания тела заканчивался. Теперь было сделано все, что можно было сделать для сохранения тела, и каждый член его был огражден на всю вечность словами силы, которые превращали тленные вещества в нетленные; когда на него закрепляли последний покров из пурпурного или белого полотна, тело было готово для гробницы.

Но Ритуал бальзамирования, кратко описанный выше, по-видимому, принадлежит позднему периоду египетской истории, и, хотя заключенные в нем мысли и верования так же древни, как сама египетская цивилизация, кажется, будто он был предназначен заменить гораздо более древнее и более пространное сочинение, бывшее в употреблении еще в ту пору, когда строилась Великая пирамида, и предназначенное для чтения при совершении сложного ряда обрядов, некоторые из которых до сих пор не вполне поняты. Похоже, что совершение всех обрядов требовало нескольких дней, и ясно, что лишь богатые могли позволить себе расходы, которые, должно быть, сопровождали столь пышные похороны; для людей более бедных сословий различные обряды, должно быть, сильно сокращали, и уже в очень раннее время мы находим, что их место заняла сокращенная форма ритуала. Из всех обрядов самым важным был обряд «Отверзания уст и очей», который совершали либо над самой мумией, либо над статуей, изображавшей ее. Выше уже было сказано, что египтяне верили, будто могут передать статуе свойства того человека, по образу которого она сделана, и, подобным же образом, что все сделанное статуе мумифицированного человека было сделано и ему самому. Употребление статуи вместо самой мумии имеет очевидные преимущества, ибо обряд можно было совершать в любое время и в любом месте и присутствие мумии было ненужно. В

действительности обряд совершали в покое у входа в гробницу или вне гробницы, на месте, которое было обрядово очищено, или освящено, и участвовали в нем: 1) *кхери-хеб*, то есть главный жрец, ведущий обряд, державший в руке свиток папируса; 2) жрец *сем*; 3) *смер*, который был, быть может, каким-нибудь близким другом умершего; 4) *са-мер-еф*[2], то есть человек, бывший либо сыном умершего, либо его заместителем; 5) *тчерау-ур*, или женщина, изображавшая Исиду; 6) *тчерау-шерауt*, или женщина, изображавшая Нефтиду; 7) *менху*, или забойщик; 8) жрец *ам-аси*; 9) жрец *ам-хент*; 10) несколько человек, изображавших вооруженную стражу Гора. Все они становились действующими лицами в сценах, которые должны были представлять события, происходившие при погребении Осириса, с которым умерший теперь отождествлен; две женщины исполняли роли богинь Исиды и Нефтиды, а мужчины — роли богов, помогавших им в исполнении их благочестивого долга. По сценам[3], сопровождающим тексты[4], которые относятся к обряду отверзания уст и очей, мы видим, что он начинался окроплением водой вокруг статуи или мумии из четырех сосудов, по одному на каждую из четырех стран земли, и чтением обращений к богам Гору, Сету, Тоту и Септу; это действие возвращало умершему пользование его головой. За окроплением водой следовало очищение воскурением ладана, который также содержался в четырех сосудах, по одному на каждую из четырех стран земли. Сожжение этого благовонного вещества помогало отверзть уста умершего и укрепить его сердце. На этой ступени жрец *сем* облачался в шкуру коровы и, улегшись на своего рода ложе, притворялся спящим; но его пробуждал жрец *ам-аси* в присутствии *кхери-хеба* и жреца *ам-хент*, и, когда жрец *сем* усаживался на сиденье, эти четверо мужчин вместе изображали

четырех сыновей Гора[5], то есть богов с головами ястреба, обезьяны, шакала и человека соответственно. Затем жрец *сем* говорил: «Я видел отца моего во всех образах его», — и остальные мужчины по очереди повторяли эти слова. Смысл этой части обряда трудно объяснить, но г-н Масперо[6] полагает, что она была предназначена вернуть телу умершего его тень (*хаибит*), которая покинула его, когда он умер. Когда предварительные очищения окончены и тень вновь соединена с телом, к статуе или мумии подходят мужчины, изображающие вооруженную стражу Гора; и один из них, приняв на себя роль Гора, сына Осириса и Исиды, касается ее уст своим пальцем. Затем *кхери-хеб* приготовлялся совершить жертвоприношение, которое должно было напоминать об избиении, в какое-то весьма древнее время, демонов, бывших друзьями Сета. По-видимому, душа Гора обитала в оке, и Сету едва не удалось пожрать его; но Гор победил Сета и спас свое око. Тогда сообщники Сета превратились в зверей, и птиц, и рыб, но их изловили и отрубили им головы; Сет же, скрывшийся в образе свиньи, сумел убежать. Жертва состояла из быка (или коровы) или двух, двух газелей или антилоп и уток. Когда быка закалали, у него отрезали одну из передних ног и вынимали сердце и подносили их статуе или мумии; затем жрец *сем* брал кровоточащую ногу и касался ею, или делал вид, что касается, уст и глаз четыре раза. Заколотых газелей или антилоп и уток просто подносили статуе. Затем жрец *сем* говорил статуе: «Я пришел обнять тебя, я — сын твой Гор, я сжал уста твои; я — сын твой, я люблю тебя… Уста твои были закрыты, но я привел в порядок для тебя уста твои и зубы твои». Затем он приносил два орудия, называемые «Себ-ур» и «Тунтет» соответственно, и касался ими уст статуи или мумии, тогда как *кхери-хеб* говорил: «Уста твои были закрыты, но я привел в порядок для тебя уста твои и зубы

твои. Я отверзаю тебе уста твои, я отверзаю тебе оба глаза твоих. Я отверз тебе уста твои орудием Анубиса. Я отверз уста твои орудием Анубиса, железным орудием, которым были отверсты уста богов. Гор, отверзи уста! Гор, отверзи уста! Гор отверз уста умершего, как он в древние времена отверз уста Осириса железом, вышедшим из Сета, железным орудием, которым он отверз уста богов. Им он отверз уста твои. Умерший будет ходить и будет говорить, и тело его будет с великим сонмом богов в Великом Доме Старца в Анну, и он получит там венец *уреret* от Гора, владыки людей». Так отверзаются уста и глаза умершего. Затем жрец *сем* брал в руку орудие, называемое *ур-хекау*, то есть «могучий чарами», — любопытный извилистый кусок дерева, один конец которого имеет вид бараньей головы, увенчанной уреем, — и касался им уст и глаз статуи или мумии четыре раза, тогда как *кхери-хеб* читал длинное обращение, в котором возвещал, что эта часть обряда обеспечила умершему все блага, доставшиеся богу Осирису от действий Нут, Гора и Сета, когда он находился в подобном же состоянии. Выше было сказано, что всякий умерший надеялся быть снабженным *хекау*, или словами силы, которые были ему нужны в ином мире, но без уст он никак не мог бы их произнести. Теперь, когда уста, или, вернее, пользование ими, были возвращены умершему, было в высшей степени важно дать ему не только слова силы, но и способность произносить их правильно и так, чтобы боги и прочие существа внимали им и повиновались им; четыре прикосновения орудия *ур-хекау* к губам наделяли умершего способностью произносить надлежащие слова надлежащим образом в каждой из четырех стран света. Когда это было сделано, совершали еще несколько обрядов, с тем чтобы «сын, который любит его», или его заместитель мог принять участие в отверзании уст своего отца.

Для этого он брал в руку металлическое долото и касался им отверстий рта и глаз, а затем жрец *сем* касался их сперва своим мизинцем, а потом мешочком, наполненным кусочками красного камня, или сердолика, с той мыслью, как полагает г-н Масперо, чтобы вернуть губам и векам цвет, утраченный ими в ходе мумификации. Затем «сын, который любит его», брал четыре предмета, называемые «железо Юга и железо Севера», и клал каждый из них четыре раза на уста и глаза, тогда как *кхери-хеб* читал подобающее обращение, в котором говорится, что уста и губы мумии или статуи прочно утверждены. После этого жрец *сем* приносит орудие, называемое «Пеш-ен-кеф», касается им уст мумии или статуи и говорит: «О Осирис, я утвердил для тебя обе челюсти в лице твоем, и теперь они разделены»; то есть пелены, которыми они были стянуты, больше не могут мешать их движению, когда умерший захочет есть. После того как был употреблен Пеш-ен-кеф, жрец *сем* приносил корзину или сосуд с какой-то пищей в виде шариков и по приказанию *кхери-хеба* подносил их к устам мумии, а когда эта часть обряда заканчивалась, жрец *сем* брал страусовое перо и четыре раза взмахивал им перед ее лицом, но с какой целью — неясно. Таковы обряды, которые считали необходимым совершить, чтобы вернуть умершему отправления, какими обладало его тело на земле. Но надлежит помнить, что до сих пор был принесен в жертву лишь «бык Юга», а «быка Севера» еще предстоит принести в жертву; и все обряды, которые уже были совершены, надлежит повторить, если умерший желает иметь власть выходить по своей воле по всей земле. С древнейших времен Юг и Север были двумя великими частями, на которые делился мир, и у каждой части были свои особые боги, и всех их умерший должен был умилостивить; оттого большинство религиозных обрядов

предписывалось совершать дважды. В позднейшие времена каждую часть разделили на две, и четыре образованных так отдела были распределены между четырьмя сыновьями Гора; оттого молитвы и формулы обычно произносили четыре раза, по разу в честь каждого бога, и указания рубрик на этот счет определенны.

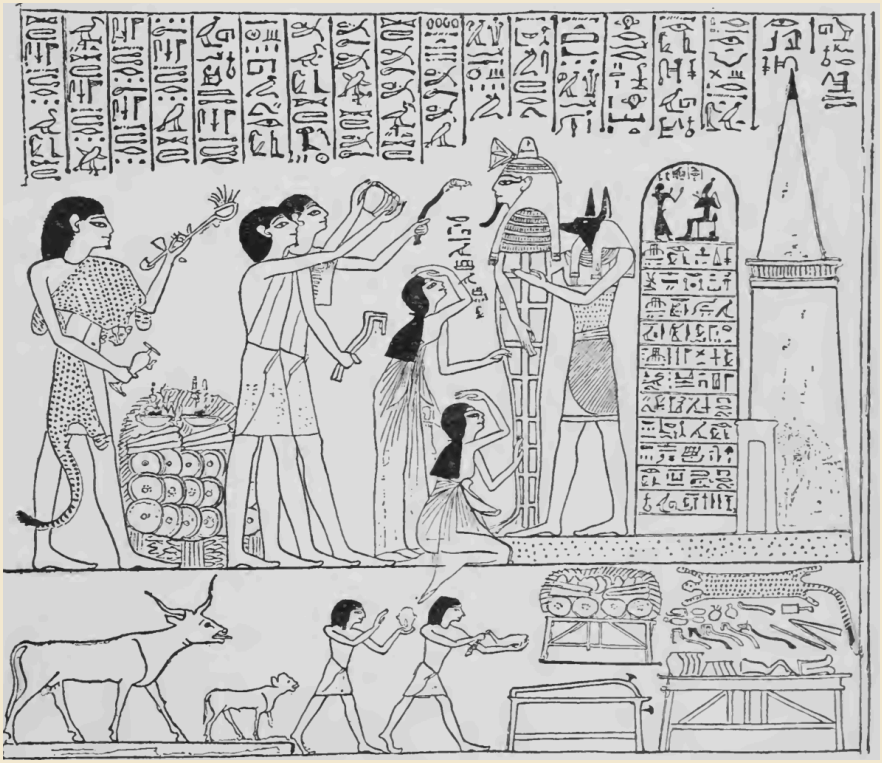
[2] То есть «сын, который любит его».

[3] См.: Дюмихен, «Гробничный дворец Патуаменапа», Лейпциг, т. I, 1884; т. II, 1885; т. III, 1894; и Шампольон, «Памятники», Париж, 1845, т. III, табл. 243–248.

[4] См.: Скьяпарелли, «Книга похорон древних египтян», Турин, 1882; см. также: Масперо, «Ритуал заупокойного жертвоприношения» («Обозрение истории религий», т. XV, с. 159 и сл.).

[5] То есть Местха, Хапи, Дуамутеф и Кебхсенуф.

[6] Указ. соч., с. 168.

Обряд «отверзания уст» совершают над мумией Хунефера, около 1350 г. до н. э. (Из «Папируса Хунефера», лист 5.)

В тесных пределах этой книги невозможно воспроизвести все сцены обряда отверзания уст и очей, изображенные в гробницах и в других местах, но на помещенном выше рисунке дан общий вид обряда, каким он часто представлен в папирусах XVIII и XIX династий. Справа мы видим пирамидальную гробницу в Фиванской горе с открытой дверью, а рядом с нею — погребальную стелу со скругленным верхом, на которой изображена фигура умершего, стоящего в поклонении пред Осирисом, и начертана молитва к богу о погребальных приношениях. Анубис, бог мертвых, обнимает мумию, показывая

этим свою готовность взять умершего под свое покровительство. Наша, жена умершего, стоит, плача, перед мумией, а у его ног стоит на коленях другая плачущая женщина, вероятно его дочь. Анубис и мумия стоят на слое песка, насыпанного там с целью освятить землю. Жрец, облаченный в шкуру пантеры, держит в одной руке кадильницу с горящим ладаном, а в другой — сосуд, из которого он кропит водой. Один из служителей держит в правой руке два орудия, «Тун-тет» и «Себ-ур», а в левой — орудие «Ур-хекау»; а другой подносит четыре сосуда с мазью. В нижнем ряду — корова со своим теленком, и двое мужчин несут к мумии бедро, которое, надо полагать, только что отрезано от заколотого быка, и сердце, которое только что вынуто из него. На столе мы видим разложенными целый ряд предметов: «Месхет», и «Пеш-ен-кеф», и другие орудия, два набора по четыре сосуда для мазей и масла, мешочки с краской, железо Юга и Севера и т. д. Текст, идущий короткими вертикальными строками над сценой, гласит:

> «Глава об отверзании уст статуи Осириса, царского писца Хунефера, которую надлежит совершать, [когда] лицо ее [обращено] к югу, [и когда она поставлена] на песок позади него. И *кхери-хеб* скажет четыре раза жрецу *сем*, когда тот обходит вокруг него, неся четыре сосуда с водой: „Ты чист очищением Гора, и Гор чист твоим очищением. Ты чист очищением Тота, и Тот чист твоим очищением. Ты чист очищением Сепа, и Сеп чист твоим очищением. Ты чист очищением Себа, и Себ чист твоим очищением. Чист. Чист“. [Скажи] четыре раза. „Воскурен тебе ладан из ладана Гора, и воскурен Гору ладан из твоего ладана. Воскурен тебе ладан из ладана Тота, и воскурен Тоту ладан из твоего ладана. Воскурен тебе ладан из ладана Сепа, и воскурен Сепу ладан из твоего ладана. Воскурен тебе ладан из ладана Себа, и воскурен Себу ладан из твоего ладана“».

Приведенные слова — это весь текст, который писец счел нужным дать в папирусе Хунефера, и очевидно, что изображение обряда отверзания уст и очей он сократил, насколько это было возможно.

За совершением обряда отверзания уст следовал ряд других, менее важных обрядов, целью которых было снабдить мумию или статую благовониями, и мазями, и различными предметами одежды; они не были непременными, но им придавали достаточно важности, чтобы совершение их стало почти обязательным. Среди предметов, подносимых умершему при этих обрядах, видное место занимают благовония и душистые мази, и этому не следует удивляться. Некоторым родам масла на Востоке с незапамятных времен приписывали магические свойства, и важное место, которое они занимали в обрядах и ритуалах многих народов, доказывает, что от их употребления ожидали замечательных действий. Живые пользовались маслом, чтобы смягчать кожу и предохранять ее от палящего зноя солнца, а умерших умащали им в ходе мумификации, чтобы их кожа благодаря магическим словам, которые произносили, пока его втирали в нее, оставалась мягкой во все времена и чтобы целебные свойства масла исцелили раны, нанесенные бальзамировщиками. Довольно взглянуть на медицинские папирусы Египта, чтобы увидеть, что масло встречается в десятках предписаний, и для достижения добрых или злых действий оно было не менее полезно магу[7], чем врачу. По-видимому, первый пользовался им ради совершения превращений, точно так же как жрец употреблял его при совершении некоторых важных религиозных обрядов, и любопытный пережиток этого употребления упоминает Лукиан[8], который рассказывает, что одна женщина с его помощью превратилась в ночного ворона. Женщина сперва разделась и,

подойдя к светильнику, бросила в пламя два зерна ладана и произнесла некие слова; затем она подошла к большому ларю, в котором было несколько склянок, и, вынув одну, в которой, по мнению писателя, было масло, натерла жидкостью все свое тело с головы до ног, начиная с кончиков ногтей, и внезапно на ней начали расти перья и крылья, а место носа занял крючковатый роговой клюв. Очень скоро она во всем стала подобна птице и, увидев, что хорошо оперилась, взлетела вверх и с криком ночного ворона исчезла в окне[9]. В связи с чтением некоторых глав «Книги мертвых» совершался ряд любопытных обрядов, но так как они лишь поясняют верования, описанные выше, упоминать их здесь нет нужды.

[7] См. описание «обряда жука» в главе II.

[8] «Лукий, или Осел», xlii, 12 (изд. Дидо, с. 449). Ср. также § 54 (с. 466).

[9] Из слов χρίσματι μεμαγευμένῳ ἐπαλείψασα ὄνον ποιήσειε (см. «Лукий, или Осел», xlii, 54, изд. Дидо, с. 466) ясно, что говорящий верил, будто был превращен в осла посредством употребления «заколдованного масла».

ГЛАВА VII

ОДЕРЖИМОСТЬ ДЕМОНАМИ, СНЫ, ПРИЗРАКИ, СЧАСТЛИВЫЕ И НЕСЧАСТЛИВЫЕ ДНИ, ГОРОСКОПЫ, ПРЕДСКАЗАНИЯ, ПРЕВРАЩЕНИЯ И ПОЧИТАНИЕ ЖИВОТНЫХ

✦

Египтяне, подобно многим другим восточным народам, верили, что одни недуги и болезни можно излечить определенными снадобьями, и ничем более, другие же требуют для исцеления не только лекарств, но и произнесения слов силы. Есть веские основания думать, что некоторые болезни приписывались действию злых духов, или демонов, которые имели власть входить в тела людей и мучить их сообразно своей злобной природе и силе[1], однако тексты дают об этом предмете немного сведений. Впрочем, мимоходом мы получаем одно любопытное доказательство того, что чужеземные народы верили в способность египтян излечивать болезни, причиненные одержимостью демоном, и проявление их силы в описанном случае сочли столь примечательным, что рассказ о нем был начертан на стеле[2] и поставлен в храме[3] бога Хонсу в Фивах, дабы все люди могли прочесть его и узнать, какое дивное исцеление совершили его жрецы. По-видимому, царь Рамсес II находился в

Месопотамии, «по своему обычаю, из года в год», и все правители окрестных стран приходили засвидетельствовать ему свое почтение и старались снискать его благосклонность и покровительство, а может быть, даже и союз с ним, принося ему дары из золота, и лазурита, и бирюзы, и всякого рода драгоценных вещей, какие производила их земля, и каждый стремился превзойти соседа щедростью своих даров. Среди прочих пришел и князь Бехтена и во главе всех приношений, которые он поднес его величеству, поставил свою старшую дочь, бывшую очень красивой. Когда царь увидел ее, он решил, что прекраснее девушки ему видеть не доводилось, пожаловал ей титул «царской супруги, главной госпожи, Ра-неферу» (то есть «красоты Ра», бога Солнца), увез ее в Египет и, когда они прибыли в эту страну, взял ее в жены. Однажды, в пятнадцатый год царствования, когда его величество находился в Фивах и праздновал праздник Амона-Ра, к царю явился вестник и доложил о прибытии посла от князя Бехтена, который привез богатые дары для царственной госпожи Ра-неферу. Когда его ввели к царю, он поклонился ему и сказал: «Слава и хвала тебе, о Солнце народов; дай нам жить пред тобою!» Сказав эти слова, он пал ниц, трижды коснулся головою земли и сказал: «Я пришел к тебе, о мой державный владыка, ради госпожи Бент-ент-решт, младшей сестры царской супруги Ра-неферу, ибо вот, злая болезнь овладела ее телом; умоляю твое величество послать врачевателя[4], чтобы он осмотрел ее». Тогда царь тотчас велел принести книги «двойного дома жизни» и призвать ученых мужей, а когда они предстали перед ним, повелел им избрать из своей среды человека, «мудрого сердцем и искусного перстами», чтобы послать его в Бехтен; они так и сделали, и выбор их пал на некоего Тхути-ем-хеба. Этому мудрецу, когда он предстал перед царем, было велено отправиться

в Бехтен вместе с послом, и он отбыл; а когда они прибыли туда, египетский жрец нашел, что госпожа Бент-ент-решт одержима демоном, или духом, над которым он не имел власти. Князь Бехтена, видя, что жрец не в силах облегчить страдания его дочери, снова отправил посольство к царю и молил его прислать на помощь бога.

---

[1] Еще в 1895 году это верование существовало в Ирландии, ибо, согласно «Таймс» от 2, 3, 6 и 8 апреля, Майкл Клири был обвинен 1 апреля в Клонмеле в том, что 14 марта в Балтивадене, в графстве Типперэри, сжег свою жену Бриджет, двадцати семи лет, как ведьму, причинив тем самым ее смерть. Джоанна Берк показала под присягой, что покойной силой вливали в горло травы, кипевшие в кастрюле на огне, а муж спрашивал ее во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, жена ли она ему. Затем он раздел ее донага, бросил на пол и, облив керосином, поджег. Потом Клири вместе с Дж. Данном, П. Кеннеди, У. Кеннеди и другими подвел ее к огню и силой заставил сесть на него, чтобы «изгнать ведьму», которая в ней сидела. После этого ее положили на кровать и трясли, а муж ее произносил слова «Прочь отсюда», разумея злого духа или злых духов, и в шесть часов утра 15 марта послали за священником, чтобы он изгнал духов, которыми, как думали, был полон дом. Травник по имени Деннис Гейни присутствовал при этом и был обвинен как соучастник до совершения преступления. Обвиняемые были признаны виновными и приговорены к заключению на следующие сроки: М. Клири — к 20 годам, Дж. Данн — к 3 годам, П. Кеннеди — к 5 годам, У. Кеннеди — к 18 месяцам, Дж. Кеннеди — к 18 месяцам, Боланд Кеннеди — к 6 месяцам, Майкл Кеннеди — к 6 месяцам.

---

[2] Впервые издана Приссом: «Египетские памятники», Париж, 1847, табл. 24.

---

[3] Ныне она хранится в Национальной библиотеке в Париже; полное описание и перевод ее см.: Э. де Руже, «Исследование одной египетской стелы», Париж, 1858.

---

[4] *Рех хет*, «знающий вещи».

Стела с рассказом об изгнании беса из царевны Бехтена. Справа царь возжигает фимиам перед Хонсу Нефер-хетепом, слева жрец возжигает фимиам перед Хонсу, «великим богом, изгоняющим бесов». (Из Присса, «Памятники», табл. 24.)

Когда посол из Бехтена прибыл в Египет, царь находился в Фивах; услышав, о чем просят, он вошел в храм Хонсу Нефер-хетепа и умолил этого бога отпустить своего двойника Хонсу в Бехтен, чтобы избавить дочь князя той страны от власти демона, который в ней сидел. Похоже, что мудрец Тхути-ем-хеб был послан в Бехтен по совету бога, ибо царь, обращаясь к богу, говорит: «Я снова пришел пред лицо твое»; как бы то ни было, Хонсу Нефер-хетеп согласился исполнить его просьбу, и статуе бога, которой предстояло отправиться в Бехтен, была сообщена четырехкратная мера магической силы. Бог, восседавший в своей ладье, и еще пять ладей с изображениями богов, в сопровождении колесниц и коней справа и слева, выступили из Египта и после семнадцати месяцев пути прибыли в Бехтен, где их приняли с великими почестями. Бог Хонсу пошел туда, где находилась Бент-ент-решт, и, когда он совершил над нею магический обряд, демон вышел из нее, и она тотчас исцелилась. Тогда демон обратился к египетскому богу и сказал: «Приятен и желанен твой приход к нам, о великий бог, победитель полчищ тьмы! Бехтен — твой город, жители его — твои рабы, и я — твой слуга; и я уйду в то место, откуда пришел, чтобы угодить тебе, ибо ради этого ты и пришел сюда. И умоляю твое величество повелеть, чтобы князь Бехтена и я справили вместе праздник». На просьбу демона Хонсу согласился и велел своему жрецу сказать князю Бехтена, чтобы тот устроил великий праздник в честь демона; когда это было исполнено по повелению Хонсу, демон удалился в свое место.

Когда князь Бехтена увидел, как могуществен Хонсу, он и весь его народ чрезвычайно возрадовались, и он решил не отпускать бога обратно в Египет; вследствие этого Хонсу пробыл в Бехтене три года, четыре месяца и пять дней. Но однажды князь спал, и ему приснился сон, в котором он увидел, как бог Хонсу вышел из

своего святилища в образе золотого ястреба и, поднявшись в воздух, улетел в Египет. Князь проснулся в великом смятении и, вопросив египетского жреца, услышал от него, что бог отбыл в Египет и что теперь надлежит отослать назад его колесницу. Тогда князь поднес Хонсу великие дары, и их доставили в Египет и положили пред богом Хонсу Нефер-хетепом в его храме в Фивах. В раннехристианской литературе мы находим ряд примеров одержимости, когда демон, вошедший в тело, покидает его перед лицом демона более могущественного, чем он сам; но изгоняемый демон неизменно враждебен тому, кто его изгоняет, и уходит от него со всеми признаками гнева и стыда. То, что демон Бехтена и бог Хонсу, как полагали, могли побрататься и вместе присутствовать на празднике, устроенном князем страны, показывает, что жители Бехтена приписывали духам, или демонам, те же свойства, что и людям. Демон, овладевший царевной, признал в Хонсу существо могущественнее себя и, подобно побежденному царю, пожелал заключить со своим победителем наилучший мир, какой только мог, и быть с ним в добрых отношениях.

Египтяне верили, что божественные силы часто объявляли им свою волю посредством снов, и придавали снам немалое значение; образы богов и сцены, которые они видели во сне, казались им доказательством существования иного мира, не слишком отличного от того, который был им уже знаком. Знание искусства вызывать сны и умение их толковать высоко ценились в Египте, как и повсюду на Востоке, и жрец или сановник, обладавший такими дарами, иногда поднимался до высоких почестей в государстве, как мы можем видеть на примере Иосифа[5], ибо все без исключения верили, что во снах человеку открываются проблески будущего. В качестве примеров снов,

записанных в египетских текстах, можно привести сны Тутмоса IV, царя Египта около 1450 г. до н. э., и Нут-Амона, царя Восточного Судана и Египта, около 670 г. до н. э. Один царевич, согласно стеле, которую он поставил перед грудью Сфинкса в Гизе, однажды охотился близ этого символа Ра-Хармахиса и сел отдохнуть в его тени, заснул и увидел сон. Во сне ему явился бог и, объявив, что он — бог Хармахис-Хепера-Ра-Тему, обещал, что если царевич очистит Сфинкса, его собственный образ, от наносного песка, в котором тот уже утопал, то он даст ему владычество над землями Юга и Севера, то есть над всем Египтом. В свое время царевич стал царем Египта под именем Тутмоса IV, и стела, датированная 19-м днем месяца Хатхор первого года Тутмоса IV, доказывает, что царственный сновидец исполнил желание бога[6]. О Нут-Амоне, преемнике великого Пианхи, который пришел от Джебель-Баркала и покорил весь Египет от Сиены до моря, мы читаем, что в первый год своего царствования он однажды ночью увидел сон, в котором ему явились два змея, один по правую руку его, а другой по левую; когда он проснулся, они исчезли. Когда он спросил о толковании сна, ему сказали: «Земля Юга — твоя, и ты будешь владычествовать над землею Севера; Белая корона и Красная корона украсят главу твою. Длина и ширина земли будут даны тебе, и бог Амон, единый бог, будет с тобою»[7]. Два змея были символами богинь Нехебет и Уатчет, владычиц Юга и Севера. Вследствие своего сна Нут-Амон успешно вторгся в Египет и привез оттуда большую добычу, часть которой посвятил на служение своему богу Амону.

[5] См. Бытие, главы XL, XLI.

[6] См. Вайз, «Приложение», Лондон, 1842, т. III, с. 114 и сл.

[7] См. Бругш, «Египет при фараонах», т. II, с. 259.

Так как сны и видения, в которых спящему могло открыться будущее, были весьма желанны, египетский маг брался доставлять их своим клиентам различными способами, например рисуя магические изображения и произнося магические слова. Вот примеры заклинаний для получения видения и снов, взятые из папируса Британского музея № 122, строки 64 и сл. и 359 и сл.[8]

[8] См. «Каталог греческих папирусов», т. I, с. 118.

> «Чтобы получить видение от [бога] Беса. Нарисуй Беса, как показано ниже, на своей левой руке, обмотай руку полоской черной ткани, посвященной Исиде (?), и ложись спать, не говоря ни слова, даже в ответ на вопрос. Остаток ткани обмотай вокруг шеи. Чернила, которыми ты пишешь, должны быть составлены из крови коровы, крови белого голубя, свежего (?) ладана, мирры, черных писчих чернил, киновари, сока шелковицы, дождевой воды и сока полыни и вики. Ими напиши свою просьбу перед заходом солнца, [говоря]: „Пошли правдивого провидца из святого святилища, умоляю тебя, Лампсуэр, Сумарта, Барибас, Дардалам, Иорлекс; о Господи, пошли священное божество Анут, Анут, Салбана, Хамбре, Бреит, ныне, ныне, скорее, скорее. Приди в эту же ночь“»[9].
>
> «Чтобы получить сны. Возьми чистый льняной мешочек и напиши на нем имена, приведенные ниже. Сложи его, сделай из него фитиль для светильника и зажги его, полив чистым маслом. Написать надлежит такое слово: „Армиут, Лайламхоух, Арсенофрефрен, Фта, Архентехта“. Затем вечером, когда ты ложишься спать, что ты должен сделать, не прикасаясь к пище [*или*: будучи чист от всякой скверны], поступи так. Подойди к светильнику и семь раз произнеси формулу, приведенную ниже; затем погаси его и ложись спать. Формула такова: „Сахму… эпаэма Лиготерээнх, Эон, Громовержец, ты, что поглотил змея и истощаешь луну и в свое время поднимаешь диск солнца, Хтетхо

— имя твое; прошу вас, о владыки богов, Сет, Хрепс, дайте мне сведения, которых я желаю“».

[9] Набросок бога Беса дан в конце папируса. См. описание стелы Меттерниха выше (глава IV).

Своеобразные представления египтян о составе человека весьма благоприятствовали вере в видения и призраков. По их учению, человек состоял из физического тела, тени, двойника, души, сердца, духа, называемого *ху*, силы, имени и духовного тела. Когда тело умирало, тень покидала его и могла быть возвращена к нему лишь совершением таинственного обряда; двойник жил в гробнице вместе с телом, и там его посещала душа, обиталище которой было на небе. Душа в одном отношении была вещью материальной и, подобно *ка*, или двойнику, как полагали, вкушала от погребальных приношений, которые приносили в гробницу; одной из главных целей заупокойных приношений мяса и питья было удержать двойника в гробнице и избавить его от необходимости бродить вне гробницы в поисках пищи. Из многих текстов ясно, что если двойника не снабжали достаточной пищей, он выходил из гробницы и ел всякие отбросы и пил всякую грязную воду, какие попадались ему на пути. Но, кроме тени, и двойника, и души, в гробнице иногда находился и дух умершего, обычно обитавший на небе. Есть, однако, веские основания утверждать, что бессмертной частью человека, которая жила в гробнице и имела свое особое обиталище в статуе умершего, был «двойник». Это доказывается тем, что для *ка*, или двойника, отводилась особая часть гробницы, называвшаяся «домом *ка*», и что для служения в ней особо назначался жрец, называвшийся «жрецом *ка*». Двойник наслаждался запахом ладана, который в определенные дни каждого года воскуряли в гробнице, а также цветами, и травами, и мясом, и питьем; и статуя умершего, в

которой обитал двойник, радовалась всем разнообразным сценам, написанным красками или высеченным на стенах различных покоев гробницы, и вновь вкушала все радости, которыми наслаждалось на земле его тело. Итак, *ка*, или двойник, в очень древние времена был, в сущности, призраком египтян. В позднейшие времена с ним, по-видимому, отождествили *ху*, или «дух», и в текстах часто встречаются упоминания о святости приношений, делаемых *ху*, и об их владениях, то есть об областях, где покоятся их мумифицированные тела.

Было ли общим верованием, что *ка* или *ху* мог общаться или действительно общался со своими родственниками или друзьями, оставленными им в живых на земле, сказать нельзя; но известен случай, когда муж жалуется своей жене, умершей три года назад, на беды, которые она навлекла на него после своей смерти. Он описывает свои собственные заслуги и то доброе обращение, каким удостаивал ее, пока она была жива, и объявляет, что зло, которым она ему отплачивает, нестерпимо. Чтобы его жалоба дошла до нее, он сначала изложил ее письменно на папирусе, затем пошел к ее гробнице и прочел ее там, а под конец привязал папирус к статуе, или изображению, своей жены, которая там находилась; так как ее двойник, или дух, жил в гробнице, она, разумеется, прочла бы написанное и поняла бы его[10]. Жаль, что у нас нет никакой возможности узнать, чем окончилась жалоба мужа. В другом месте[11] до нас дошел отрывок беседы, которую жрец Амона по имени Хонсу-ем-хеб, искавший подходящее место, чтобы построить себе гробницу, ведет с двойником, или духом, некоего человека, которого он потревожил, и дух умершего рассказывает живому кое-какие подробности своей жизни. Древние египтяне взирали на кладбища с благоговейным страхом из-за духов умерших, которые в них обитали, и даже

арабоязычные народы Египта и Судана, если исключить «искателей древностей», относятся к ним с большим почтением по той же причине[12]. Нынешние народы Судана твердо верят, что духи павших в бою обитают на поле, где они пали, или там, где погребены их тела, и солдаты десятого батальона армии лорда Китченера уверяют, что могилу доблестного майора Сидни, убитого, когда он вел в атаку свой полк, в битве при Абу-Хамеде 7 августа 1897 года, «каждую ночь неизменно стерегут призраки местных солдат, павших при Абу-Хамеде; они несут караул у гробницы своего погибшего командира и, по всем правилам воинского устава, окликают всех прохожих. Суданские солдаты так безоговорочно верят этой легенде, что никто из них после наступления сумерек не подойдет к могиле. Всякого, кто это сделает, как полагают, тотчас остановит призрачный часовой, и даже слова (по-арабски) „Караул, в ружье!“ часто (так гласит рассказ) явственно слышны, повторяемые где-то в отдалении за пустыней»[13].

[10] Текст см.: Леманс, «Египетские памятники», ч. II, табл. 183, 184, Лейден, 1846, in-folio; переложение иероглифами см.: Масперо, «Азиатский журнал», сер. 7, т. 15, май и июнь 1880, с. 365–420.

[11] См. Голенищев в «Сборнике трудов», т. III, с. 3–7.

[12] Когда я посетил пирамиды Мероэ в 1898 году, я взял с собою местного шейха, а также мужчину и мальчика, чтобы присматривать за ослами. Когда мы подошли к пирамидам на полмили, все трое остановились и пожелали, чтобы я ехал дальше один; а когда я спросил их, почему они не хотят подняться со мною на холм к пирамидам, шейх ответил, что их построили цари, духи которых до сих пор там обитают, и что ему и его спутникам не подобает их «тревожить». Я настаивал, чтобы он пошел, но он ответил: «Не в обычае нашей страны ходить туда», и я пошел дальше один. Когда я пробыл среди пирамид около двух часов, делая снимки и измерения, шейх пришел вместе с мальчиком, но ничто не могло убедить его походить там; усевшись, он вполголоса читал молитвы из Корана и время от времени упрашивал меня поскорее вернуться в его соломенный дом на берегу реки. Он был твердо убежден, что призматический компас, которым я

пользовался, — талисман, а вернувшись домой, горячо благодарил Бога за то, что духи умерших не причинили ему зла.

---

[13] См. иллюстрированный журнал «Скетч», № 332, 7 июня 1899, с. 277. Стоит привести следующее сообщение из «Таймс» от 7 июля 1899 года: «Могила британского морского офицера в Японии. — Недавно до британского консула в Хиого дошел слух, что близ одной деревни на острове Хиросима во Внутреннем Японском море — месте, которое редко посещает какой-либо иностранец, — существует могила британского морского офицера и что по какой-то причине окрестные крестьяне заботливо содержат ее в порядке. Консул, соответственно, снесся с губернатором префектуры, в которой находится остров; были наведены справки, и губернатор смог прислать консулу историю одинокой могилы. Губернатор приложил этот рассказ к своему официальному донесению; составлял его, очевидно, деревенский староста или какой-нибудь столь же скромный чиновник, и его стоит привести полностью. Упомянутое судно, „Сильвия“, много лет занималось съемкой японских берегов: „В первый год Мэйдзи, соответствующий 1868 году н. э., корабль ее британского величества «Сильвия» совершал плавание по Внутреннему морю, когда один офицер на борту, по имени Лейк, заболел. Его высадили на острове Хиросима, в деревне Хиросима, в уезде Нака, провинции Сануки, префектуре Кагава. «Сильвия» прошла вдоль берега Хиросимы и бросила якорь в бухте Эноура, чтобы дождаться выздоровления офицера. Однако через несколько дней он умер, и капитан Сент-Джон похоронил его останки на земле, принадлежащей храму Икводзи, выше святилища Эноура, и, поставив деревянный крест, чтобы отметить могилу, отплыл. Несколько лет спустя, когда этот памятник почти разрушился от ветра и дождя, инея и снега, Авабури Токван, настоятель храма Икводзи, и другие сказали: «Поистине, было бы слишком печально, если бы могила нашего одинокого гостя издалека, который стал духом в чужой земле, совсем изгладилась из памяти». Тогда Тэраваки Каэмон, глава деревенской общины, и другие сочувствующие, такие как Ока Риохаку, затеяли воздвигнуть каменный памятник, и, так как все прибрежные жители единодушно оказали помощь, дело было наконец доведено до конца. Это было в 7-й день одиннадцатого месяца четвертого года Мэйдзи, то есть в 1871 году. С тех пор прошло почти 30 зим, и все это время островитяне не переставали заботливо ухаживать за могилой. В особенности с 10-го по 16-й день седьмого месяца по старому счету все еще находятся люди, которые каждый год чистят и подметают могилу и, принося цветы и благовония, оплакивают и утешают дух умершего“».

Египтяне верили, что участь, или судьба, человека определена еще до его рождения и что он совершенно не властен ее изменить. Однако их мудрецы утверждали, что могут объявить, какова будет

эта судьба, если только им даны определенные сведения, то есть если им сообщат дату рождения человека и если они смогут установить положение планет и звезд в то время. Богиня участи, или судьбы, называлась «Шаи», и ее обычно сопровождает другая богиня, по имени «Рененет», которую принято считать владычицей удачи; обе они появляются в сцене Суда, где, по-видимому, наблюдают за взвешиванием сердца ради умершего. Но иногда присутствует и еще одна богиня, Месхенет, которая, по-видимому, тоже имела власть над будущим человека; во всяком случае, она могла предсказать, каким будет это будущее. Так, мы читаем, что она, и Исида, и Нефтида, и Хекет, переодевшись женщинами, пришли в дом Ра-усера, жена которого, Рут-Теттет, мучилась родами; когда их ввели в ее покой, они помогли ей родить тройню, и при рождении каждого младенца Месхенет возвещала: «Он будет царем, который будет владычествовать над всей землею». И это пророчество исполнилось, ибо три мальчика стали тремя из царей V династии[14]. Будущее человеческого существа могли предсказывать и семь богинь Хатхор: в известной «Сказке о двух братьях» повествуется, что когда бог Хнум по просьбе Ра-Хармахиса сотворил для Баты жену, «которая была прекраснее телом, чем всякая другая женщина на всей земле, ибо в ней была сущность всякого бога», они пришли посмотреть на нее и сказали в один голос: «Смерть ее будет от ножа». Так и случилось, ибо, согласно рассказу, когда царь, женою которого она стала, услышал от ее первого мужа, что она покинула его и замыслила против него зло, он судил ее в присутствии своих вельмож и сановников, и «их приговор был исполнен», то есть ее приговорили к смерти и казнили. Подобным же образом в другой сказке семь Хатхор пришли посмотреть на сына, родившегося у некоего царя в ответ на его молитвы богам, и, увидев его, сказали:

«Он умрет от крокодила, или от змея, или от собаки». Далее сказка повествует, как он спасся от крокодила и от змея, и хотя конец ее утрачен, совершенно ясно, что его нечаянно укусила собственная собака и от этого он умер[15]. Мораль всех подобных сказок та, что избежать судьбы невозможно, и весьма вероятно, что нынешний египтянин лишь унаследовал взгляды своих предков на ее непреложность[16]. Жизнь человека могла, однако, быть счастливой или несчастной смотря по тому, был ли час дня или сам день счастливым или несчастливым, и каждый день египетского года делился на три части, каждая из которых была счастливой или несчастливой. Когда Олимпиада готовилась родить Александра Великого, Нектанеб стоял подле нее, наблюдая небесные светила, и время от времени умолял ее сдерживать себя, пока не наступит благоприятный час; и лишь когда он увидел на небе некое сияние и понял, что все небесные светила находятся в благоприятном положении, он позволил ей разрешиться от бремени. И когда он сказал: «О царица, теперь ты родишь владыку мира», младенец упал на землю, и в тот же миг земля содрогнулась, засверкали молнии и загремел гром[17]. Отсюда совершенно очевидно, что будущее ребенка зависело даже от часа, в который он родился.

[14] См. Эрман, «Папирус Весткар», Берлин, 1890, иероглифическое переложение, табл. 9 и 10.

[15] См. Масперо, «Египетские сказки», с. 29–46.

[16] Необразованный мусульманин верит, что судьба человека написана у него на черепе и что швы черепа и есть это письмо. Однако прочесть его не может никто. См. слова Зейн аль-Мавасиф в «Алф лайла ва лайла» Бертона, т. VIII, с. 237.

[17] См. Псевдо-Каллисфен, I, 12.

В магических папирусах нам часто велят не совершать тех или иных магических обрядов в такие-то и такие-то дни; мысль здесь

та, что в эти дни враждебные силы лишат их действия и что боги, более могущественные, чем те, к которым взывает просящий, будут в силе. К счастью, до нас дошли папирусы со списками египетского календаря, в которых каждая треть каждого дня на протяжении трехсот шестидесяти дней года отмечена как счастливая или несчастливая, а из других папирусов мы знаем, *почему* одни дни были счастливыми или несчастливыми и почему другие были таковыми лишь отчасти. Если взять месяц Тот, который был первым месяцем египетского года и начинался, по григорианскому календарю, 29 августа, мы найдем, что дни его отмечены так:

День 1	сч. сч. сч.	День 11	несч. несч. несч.	День 21	сч. сч. несч.
2	сч. сч. сч.	12	несч. несч. несч.	22	несч. несч. несч.
3	несч. несч. несч.	13	сч. сч. несч. несч. (*sic*)	23	несч. несч. несч.
4	несч. несч. несч.	14	сч. несч. несч.	24	сч. сч. сч.
5	сч. сч. сч.	15	сч. несч. несч.	25	сч. сч. сч.
6	несч. несч. сч.	16	несч. несч. несч.	26	несч. несч. несч.
7	сч. сч. несч.	17	сч. сч. сч.	27	сч. сч. сч.
8	сч. сч. несч.	18	сч. сч. сч.	28	сч. сч. сч.
9	сч. сч. сч.	19	сч. сч. сч.	29	сч. сч. сч.
10	сч. сч. сч.	20	несч. несч. несч.	30	сч. сч. сч.[18]

[18] См. папирус Британского музея № 10474.

Знак означает «счастливый», а тот же знак, перевернутый и с заштрихованной головкой, — «несчастливый»; таким образом, с одного взгляда можно было увидеть, какая треть дня счастлива или несчастлива, и человек, справлявшийся с календарем, разумеется, поступал соответственно. Надо заметить, что у жрецов, или магов, составлявших календарь, были веские причины так распределять дни, как мы можем видеть из следующего примера. 19-й день месяца Тот в приведенном списке отмечен как всецело счастливый, то есть каждая его треть счастлива, и папирус Салье IV[19] также отмечает его как всецело счастливый и прибавляет причину: «Это день праздника на небе и на земле пред лицом Ра. Это день, когда пламя было обрушено на тех, кто следовал за ладьей со святилищем богов; и в этот день боги воздавали хвалы, будучи довольны» и т. д. Но в обоих списках 26-й день отмечен как всецело несчастливый, и причина тому такова: «Это был день битвы между Гором и Сетом». Сначала они сражались в образе людей, затем приняли образ медведей и в этом виде бились друг с другом три дня и три ночи. Исида помогла Сету, когда он стал одолеваем в битве, и тогда Гор отсек голову своей матери, а Тот своими словами силы превратил ее в голову коровы и приставил к ее телу. В этот день надлежит приносить жертвы Осирису и Тоту, но всякая работа строго запрещена. Впрочем, календари счастливых и несчастливых дней не всегда сходятся относительно того или иного дня. Так, в приведенном выше списке 20-й день месяца Тот отмечен как всецело несчастливый, а в папирусе Салье IV — как всецело счастливый, но читателю велят не делать в этот день никакой работы, не убивать быков и не принимать чужеземца; в этот день боги, что в свите Ра, перебили мятежников. О четвертом дне следующего месяца, Паофи, папирус Салье IV говорит: «Не выходи

из дома своего ни в какую сторону; всякий, кто родится в этот день, умрет от болезни *аат*». О пятом дне он говорит: «Не выходи из дома своего ни в какую сторону и не имей сношений с женщинами. Это день, в который все было совершено пред лицом бога, и величество бога Менту было в тот день удовлетворено. Всякий, кто родится в этот день, умрет от чрезмерного сладострастия». О девятом дне он говорит: «Всякий, кто родится в этот день, умрет от старости», а о пятнадцатом: «Не выходи из жилища своего вечером, ибо змей Уатч, сын бога, выходит в это время, и несчастья следуют за ним; всякий, кто увидит его, тотчас лишится глаза». Далее, двадцать шестой день месяца Паофи был счастливым днем для составления плана дома; в пятый день месяца Хатхор нельзя было зажигать огонь в доме; в шестнадцатый день запрещалось слушать радостные песни, потому что в этот день Исида и Нефтида оплакивали Осириса в Абидосе; человек, родившийся в двадцать третий день, должен был утонуть; и так далее. Но к тремстам шестидесяти дням, приводимым в календарях счастливых и несчастливых дней, надо прибавить пять добавочных дней, которые считались очень важными и каждый из которых имел свое особое имя. В первый из них родился Осирис, во второй — Херу-ур (Аруэрис), в третий — Сет, в четвертый — Исида, а в пятый — Нефтида; первый, третий и пятый из этих дней были несчастливыми, и в них нельзя было предпринимать никакой работы. Рубрика, относящаяся к этим дням[20], гласит, что всякий, кто знает их имена, никогда не будет страдать от жажды, никогда не будет сражен болезнью и богиня Сехмет[21] никогда не овладеет им; она велит также нарисовать изображения пяти упомянутых выше богов мазью и благовонием *анти* на куске тонкого льна, очевидно для того, чтобы он служил амулетом.

[19] См. Шаба, «Календарь», с. 24.

[20] См. Шаба, указ. соч., с. 104.

[21] Око Сехмет, по-видимому, принимало вид ядовитых испарений, стлавшихся по полям при восходе солнца; см. Шаба, указ. соч., с. 78.

Из жизнеописания Александра Великого, составленного Псевдо-Каллисфеном[22], мы узнаем, что египтяне были искусны в составлении гороскопов при рождении и что, зная точный миг рождения человека, они приступали к построению его гороскопа. Нектанеб пользовался для этого доской из золота, серебра и акации, к которой были приделаны три пояса. На внешнем поясе был Зевс, окруженный тридцатью шестью *деканами*; на втором были изображены двенадцать знаков Зодиака; а на третьем — Солнце и Луна[23]. Он поставил доску на треножник и высыпал на нее из маленькой шкатулки изображения семи светил[24], которые были в поясах, а в средний пояс вложил восемь драгоценных камней; их он расположил в тех местах, где, по его расчету, должны были находиться представленные ими планеты в час рождения Олимпиады, и затем предсказал по ним ее судьбу. Но употребление гороскопа гораздо древнее времен Александра Великого, ибо к одному греческому гороскопу[25] в Британском музее приложено «вступительное письмо некоего мастера астрологического искусства к своему ученику по имени Гермон, в котором он убеждает его быть весьма точным и тщательным в применении законов, которые древние египтяне, с их неутомимой преданностью этому искусству, открыли и передали потомству». Таким образом, у нас есть веские основания считать родиной гороскопа Египет. В связи с гороскопом следует упомянуть «сферу», или «таблицу», Демокрита как средство предсказания жизни и смерти. В одном магическом папирусе[26] нам велят

«узнать, в каком месяце больной слег в постель, и имя, полученное им при рождении. Вычисли [течение] луны и посмотри, сколько прошло периодов по тридцать дней; затем отметь в таблице число оставшихся дней, и если число придется на верхнюю часть таблицы, он будет жить, а если на нижнюю, он умрет».

[22] I, 4.

[23] Привожу по моей «Истории Александра Великого», Кембридж, 1889, с. 5.

[24] То есть Солнца, Луны, Зевса, Кроноса, Афродиты и Гермеса; согласно греческому тексту Мейзеля, надо прибавить Марса.

[25] Впервые издан Кеньоном, «Каталог греческих папирусов», т. I, с. 132 и сл.

[26] Лейденский папирус V (изд. Леманса), кол. XI, строка 1 и сл.

Таблица.

1	10	19
2	11	20
3	13	23
4	14	25
7	16	26
9	17	27
5	15	22
6	18	28
8	21	29
12	24	30

И из религиозной, и из светской литературы Египта мы узнаем, что боги и человек в будущей жизни могли по своей воле

принимать образ любого животного, или птицы, или растения, или живого существа, какой им было угодно, и одной из величайших радостей, на которые надеялся человек, было обладание этой властью. Это доказывается тем, что не менее двенадцати[27] глав «Книги мертвых» посвящены тому, чтобы снабдить умершего словами силы, произнесение которых было необходимо, чтобы он мог превратиться в «золотого ястреба», в «божественного ястреба», в «правителя державных князей», в «бога, дающего свет во тьме», в лотос, в бога Птаха, в птицу *бенну* (то есть феникса), в цаплю, в «живую душу», в ласточку, в змея Сата и в крокодила; а еще одна глава[28] давала ему возможность превращаться «в какой угодно образ, какой он пожелает». Вооруженный этой властью, он мог жить в воде в образе крокодила, в образе змея мог скользить по скалам и по земле, в образе упомянутых выше птиц мог летать по воздуху, взмывать ввысь и садиться на нос ладьи Ра, в образе лотоса владел растениями поля, а в образе Птаха становился «могущественнее владыки времени и обретет власть над миллионами лет». Птица *бенну*, как мы помним, называлась «душою Ра», и, принимая этот образ, умерший отождествлял себя с Хепера, великим богом творения, и тем самым приобретал свойства души бога Солнца. На Елисейских полях он мог принимать любой образ и плавать и летать на любое расстояние в любом направлении. Примечательно, что ни полевой зверь, ни дикое животное не упоминаются как образец его возможных превращений в животных.

[27] То есть главы LXXVII–LXXXVIII.

[28] То есть глава LXXVI.

Итак, египтяне верили, что, как души усопших могли принимать образ любого живого существа или растения, так и «боги», во многом весьма на них походившие, могли принимать и действительно принимали образы птиц и зверей; в этом и состояла основная мысль так называемого «египетского почитания животных», которое вызывало насмешки образованного грека и навлекло на египтян глумление и брань раннехристианских писателей. Но если рассмотреть дело внимательно, его кажущаяся нелепость исчезает. Египтяне оказывали почести некоторым птицам, и животным, и пресмыкающимся потому, что считали их обладателями некоторых свойств тех богов, которым они их посвящали. Бык был образом силы и детородной мощи бога размножения в природе, а корова — образом его женского соответствия; каждое священное животное и живое существо обладало каким-нибудь качеством или свойством, которое приписывалось тому или иному богу, а так как каждый бог был лишь формой Ра, то качество или свойство, приписываемое ему, было свойством самого бога Солнца. Образованный египтянин никогда не поклонялся животному как животному, а лишь как воплощению бога, и почитание, которое оказывали животным в Египте, ничем не отличалось от почитания, оказываемого царю, которого считали «божественным» и воплощением Ра, бога Солнца, бывшего видимым символом Творца. Отношение царя к Ра было тождественно отношению Ра к Богу. Евреи, греки и римляне так и не поняли разумной мысли, лежавшей в основе благоговения, с каким египтяне относились к некоторым животным, и вследствие этого грубо исказили их религию. Простой народ, без сомнения, часто принимал символ за то, что он символизировал, но неверно говорить, что египтяне поклонялись животным в обычном

смысле слова, и на этом нельзя настаивать слишком сильно. При тех взглядах на превращения, каких держался египтянин, в его почитании животных не было ничего нелепого. Когда священное животное умирало, бог, которого оно представляло, отыскивал другое животное того же вида, чтобы возобновить в нем свое воплощение, а тело умершего животного, так как оно некогда было обиталищем бога, мумифицировали и обходились с ним почти так же, как с человеческим телом после смерти, чтобы оно могло наслаждаться бессмертием. Эти взгляды, без сомнения, кажутся нам странными, если судить о них с точки зрения современных понятий, но они составляли неотъемлемую часть религиозных верований египтян с древнейших времен до самых поздних. Замечательно, однако, то, что, несмотря на нашествия, и чужеземные войны, и внутренние раздоры, и всякого рода внешние влияния, египтяне держались своих богов и порою простодушных способов служения им с такой приверженностью к старине и с таким рвением, что заслужили славу народа одновременно самого религиозного и самого преданного обрядам во всей древности. Какие бы литературные сокровища ни были выведены на свет в будущем благодаря раскопкам в Египте, весьма маловероятно, чтобы мы когда-нибудь получили из этой страны древнеегипетское сочинение, которое по праву можно было бы отнести к литературе безбожия или вольнодумства; египтянин мог быть более или менее религиозен в зависимости от своей природы и нрава, но, если судить по сочинениям его жрецов и учителей, которые ныне находятся в наших руках, человек без религии и без Бога в той или иной форме был крайне редок, если не вовсе неизвестен.